
ИНДЕЕЦ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
РОМАН ЗЛОТНИКОВ
МАКСИМ МАКАРЕНКОВ
18+
ДАЛЬНОБОЙЩИК

Дальнобойщик

Максим Анатольевич Макаренков, Роман Валерьевич Злотников

Аннотация
Роман Злотников, Максим Макаренков. Индеец Российской империи. Дальнобойщик
Эпизод 1. Два пробуждения
Эпизод 2. Тихий городок
Эпизод 3. На встречу с «Медведем»
Эпизод 4. Перспектива 1
Эпизод 5. Маша
Эпизод 6. Сборы в дорогу
Эпизод 7. Перспектива 2
Эпизод 8. Свобода
Эпизод 9. Перспектива 3
Эпизод 10. Среди своих
Эпизод 11. Это была белая полоса
Эпизод 12. Перспектива 4
Эпизод 13. Вниз по спирали
Эпизод 14. Перспектива 5
Эпизод 15. Новая работа
Эпизод 16. Разгрузка с претензией
Эпизод 17. Под откос

Эпизод 18. Пружина сжимается
Эпизод 19. Пружина разжимается

Аннотация

Он считал себя храбрым индейским воином, но ему приходилось работать дальнобойщиком. Одна радость в жизни – подраться с белыми угнетателями, отомстить за века унижений коренных жителей Аляски.

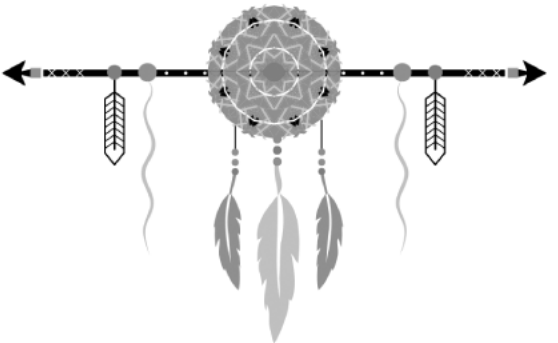
После очередного загула он привычно заснул в «обезьяннике» в офисе шерифа, глядя на звездно-полосатый флаг… А проснулся в околотке. И вроде бы Аляска на месте, и город за окном – тот же самый. Вот только флаг тут с двуглавым орлом, на стене – портрет мужчины в короне, а копа следует называть «ispravnik».

Конечно же, это злые духи его наказали, наслали морок! Или нет? Так или иначе, теперь ему предстоит отыскать дорогу в тот мир, где все знакомо и просто.

Роман Злотников, Максим Макаренков
Индеец Российской империи. Дальнобойщик

© Злотников Р. В., 2025
© Макаренков М. А., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Эпизод 1. Два пробуждения



ТИХИЙ ГОРОДОК НА АЛЯСКЕ

— …Дже-е-ек! Дже-е-ек, мать твою так, Джонсон! Джеки, восстань ото сна и сияй!

Хуц-Ги-Сати очень хотелось застонать и отвернуться к стене. Хорошо бы еще натянуть на голову одеяло.

Но он не отвернулся. И не натянул одеяло. Ибо не пристало гордому тлинкиту бежать от превратностей судьбы. А одеяла попросту не было.

А был шеф Грегори Андерсон.

И полицейский участок крохотного городиш-

ки. Хуц-Ги-Сати постарался припомнить, что он здесь делает в этот раз, но так толком и не сумел. Он попытался сосредоточиться, занудный голос Андерсона поплыл, стал почти неразличим. Что-то он бормотал о туристах, претензиях, жалобе тетушки Шават-хиц, но Хуц-Ги-Сати не слушал. Это все потом…

Он точно помнил, что оставил свой грузовик на стоянке.

Рейс был долгий, груз он доставил даже с опережением, ему даже выплатили премию, значит, он был при деньгах.

И как решил в родной дом наведаться — тоже помнил.

Да, после смерти родителей он бывал тут все реже, но здесь были духи его предков, здесь была его связь со всем родом… От которого, будь прокляты белые завоеватели, остался он один — горько подумал Хуц-Ги-Сати.

Индеец наконец огрызнулся:

— Я не Джек. И не Джонсон. Ты сам знаешь, как меня зовут, Андерсон!

Сказал и почувствовал, как саднят ребра, а во рту сильнее появился хорошо знакомый вкус — крови.

Значит, вчера он дрался.

И ему набили морду.

— А в правах у тебя что написано, Джеки? — ласково спросил Андерсон и вздохнул. — Ну, вот скажи, что у тебя за дурь? Что сказала бы матушка твоя, миссис Джонсон?

Это он зря ляпнул.

Хуц-Ги-Сати резко поднялся, шагнул к решетке «обезьянника» — и охнул. Боль скрутила не только ребра, но и тяжелым кулаком ударила в грудину. Он со свистом выдохнул и медленно опустился обратно на скамью.

— Ты мою мать не трожь! И отца не смей! Если бы не вы, проклятые белые колонизаторы…

Он замолчал.

Что толку объяснять этому бледнолицему…

Сколько угодно могут они лицемерно извиняться и напоказ заявлять, что сейчас, в XXI веке, тлинкиты живут на своей земле и общество делает все, чтобы… ну и дальше все эти благоглупости про равные права и открытые дороги к американской мечте.

Он-то за свои почти тридцать лет хорошо понял, что белые веками истребляли его народ и даже саму память о величии тлинкитов, древняя цивилизация которых много тысячелетий процветала на Аляске! И если бы не подлый обман…

От злости он скрипнул зубами.

— Да и не трогаю я ее, — махнул рукой шеф Андерсон. Красная его рожа даже изобразила что-то вроде сочувствия. — Ты ж и не помнишь небось, как я и Пенни вам помогали? И соседи помогали…

Помогали они, как же…

Жалкие подачки, получая которые мать плакала.

А нормальную страховку после смерти мужа компания так и не выплатила.

Пусть терзают вечно злые духи тех гладеньких юристов, что вывернули закон! «С сожалением сообщаем, что мистер Джонсон нарушил требования безопасности, и вы не можете претендовать на страховку и другие компенсационные выплаты, которые полагались бы по контракту, будь соблюдены все нормы охраны труда».

Он совсем маленьким был, но хорошо помнил, как закаменело лицо матери.

С того дня Хуц-Ги-Сати тщательно взращивал в себе ненависть.

Ко всем белым вообще.

К законникам — особо.

К богатеньким — отдельно.

Особенно когда умерла мать. Так и не смогла

пережить смерть мужа, надорвалась, пытаясь вырастить сына, порвала сердце, глядя, как раз за разом возвращается он из школы с разбитым носом, распухшими губами и смотрит волчонком.

Ведь он понял, что его обманывают учителя и скрывают настоящую историю его великого народа, — возненавидел и их.

И белых — тоже.

Черных было мало, но и они на самом деле были не лучше, держались стаей и воевали против всего мира.

Главное — были чужаками на его земле.

— Вот скажи мне, на кой черт ты с этими русскими туристами связался? — прервал его воспоминания коп. — Мало того что себе жизнь испортил, а людям отдых, так еще и тетушке Шават-хиц — они ж как раз к ней в лавочку за сувенирами зашли. Зачем тебя туда понесло? — Андерсон даже руками развел. К решетке, правда, ближе подходить не стал. — Как ты ходить вообще мог?

И отпрянул — индеец вдруг оказался прямо у решетки. Глаза едва видели, морда отекшая, куртка в грязи и какой-то дряни, но шеф Андерсон хорошо помнил, что Джек-тлинкит был парнем резким, жилистым, а после смерти родителей

— со все более мерзким характером.

Ну вот чего его обратно принесло? Все уж думали, сгинул, но нет. «Ну за что мне это?» — с тоской подумал Андерсон.

А индеец уже шипел:

— С русскими?! И ты засадил в каталажку меня?! Вы, белые, готовы на все, лишь бы унизить коренного американца! Нас, тлинкитов! Тех, кто еще двести лет назад воевал с русскими! Мы единственные были заслоном на пути русских орд!

Хуц-Ги-Сати даже забыл о боли в груди, не обращал внимания на брызги кровавой слюны, летевшие изо рта, когда он плевался проклятьями.

Белых он ненавидел отчаянно. Но больше всего он ненавидел русских. Его народ воевал с проклятыми белыми дикарями! Тлинкитские воины вырезали заносчивых пришельцев и освободили Ситку от незваных гостей, что возомнили себя хозяевами! И снова лишь хитростью и обманом бледнолицые лишили его народ заслуженной славы!

Он лишь чувствовал, как растет в голове кровавая волна.

А Андерсон с опаской смотрел. И думал, что это хорошо, что Джек не помнит, кто его так отделал.

И правильно, что он не пустил сюда Шермана, которого пришлось от Джека оттаскивать после того, как чертов индеец сломал помощнику нос. Хорошо еще, с русским удалось решить нормально.

«Когда же он угомонится…» — устало думал Андерсон.

А Джек вдруг кашлянул и замолчал. Устало махнул рукой, пробормотал:

— Сволочь ты, Андерсон. — И лег на лавку.

Отвернулся к стене. Замолчал.

Хуц-Ги-Сати мутило. Красная волна ярости ушла, оставила только горькое серое безразличие. Очень хотелось спать, и индеец закрыл глаза.

Чуть слышно кашлянул, рот снова наполнился теплым и соленым.

Потом стало темно.

— А скажи мне, Дима, ну за каким хреном, прости господи, ты полез на вахтовиков?

Голос был одновременно и знакомый, и незнакомый. Слова отдавались в голове каким-то странным… не гулом, а будто бы эхом, доходили до мозгов с задержкой. Словно были они поначалу

незнакомыми, а потом он их медленно узнавал. От этого речь шефа Андерсона звучала странно, непривычно.

Диковинно — всплыло откуда-то незнакомое слово.

«И почему он меня назвал каким-то новым, но тоже поганым именем?!»

Хуц-Ги-Сати прислушался к себе. Морда болела. Но не так сильно, как… когда? Сколько прошло времени? Судя по всему, немного, он даже не успел выспаться, и ребра — ох-х-х… А вот грудина саднила не так сильно, и кровянки во рту не было.

Зато было ощущение какой-то неправильности всего вокруг.

«Запахи!» — понял он и осторожно втянул воздух.

Мир вокруг пах иначе — он чувствовал ароматы теплого дерева, крепкого табака… Откуда?! Андерсон никогда не курил, да и цены на курево были такие, что не подступишься.

Пахло и чем-то съедобным, но тоже неизвестным и потому пугающим.

— Дима, ты не прикидывайся, я ж вижу, что ты очухался.

Пришлось открыть глаза и повернуться. Стена

была вроде знакомой, крашенной в мерзкий тускло-зеленый цвет. Он сел на лавке, поднял голову — мир дико взбрыкнул, картинка перед глазами раздвоилась и затряслась так, что Хуц-Ги-Сати чуть не блеванул, и встала на место.

Хуц-Ги-Сати сидел за решеткой.

Только вот всего того, что было за ней, он никогда раньше не видел.

Просторная комната, в ней три стола. Окна большие, но забраны решетками. На стенах плакаты, как в нормальных полицейских участках, только слова на них странные, буквы плывут, прежде чем встать на место, как и фразы, которые произносит мужик за столом… Чем-то неуловимо похожий на шефа Андерсона. Но копы — они все друг на друга похожи. Чарли Ворон, старый дружок, не раз хохмил, что их всех в тайных лабораториях растит правительство.

Но у этого куда более обветренная рожа, усы, какие Хуц-Ги-Сати видел раз в жизни, когда училка смогла для класса организовать поездку в Ситку. Там, кажись, музей был, а в нем старые рисунки. Вот на них люди как раз с такими усами были.

И форма — не видел он такую ни разу. Темно-зеленая куртка с высоким воротом, непонятные нашивки и медаль почему-то почти посередине

груди. Невиданная круглая шапка с плоским верхом, лихо сдвинутая на затылок.

Не-Андерсон глядел на Хуц-Ги-Сати с любопытством и жалостью.

А тот икнул и ошалело выдавил:

— Что… Где…

Замолчал. Незнакомые, при этом непонятным образом известные ему слова давались тяжело, челюсти едва ворочались, нижняя еще и странно щелкала.

Хуц-Ги-Сати окончательно перестал что-либо понимать и замолчал, тупо глядя на усатого копа в шапке. Тот рассмеялся, заворошил бумаги на столе. Индеец, мысленно застонав, прикрыл глаза. Даже бумага тут была не такой — более плотной на вид и желтоватой.

— В околотке ты, Дима, где ж тебе еще быть-то после твоих художеств. Вот, насладись! — Усатый нашел нужный лист, дальнозорко вытянул перед собой и с выражением начал читать: — Так, вот… ага… «…Июля сего года мещанин Смирнов Дмитрий Христофорович — ты, значит, — будучи пьян и в состоянии полного изумления, находился в трактире “Три сосны”». Ну да, где ж еще… «В означенном трактире находились мещане Возников Трофим Викторович и Легостаев Инно-

кентий Спиридонович, а с ними еще трое лиц, значимость которых в произошедшем не столь велика…» А?! Как излагает, заслушаешься! — воскликнул усатый и торжествующе глянул на окончательно ошарашенного сидельца. Хуц-Ги-Сати сидел, прикрыв глаза, руками вцепился в лавку так, что суставы побелели. Какой Дмитрий? Что такое Христофорович? Ладно, был навеселе, это привычно, но почему он вообще понимает этот язык?

— Читаем дальше, — вернулся к бумаге коп. — «Между означенными мещанами произошла взаимная неприязнь в виде оскорбительных высказываний мещанина Смирнова, таковых как “белые скоты”, “непотребные твари” и иных оборотов, кои приводить даже и не следует. В результате означенных словесных оборотов взаимная неприязнь выразилась в причинении означенными мещанами друг другу ударов руками, а также иными подручными предметами в область головы и иных органов туловища». — Усатый опустил лист на стол, припечатал ладонью. — Давно говорю: Загорулько надо книжки писать. Про сыщиков. Не хочет. — И уже задержанному: — Ну, что скажешь, мещанин Смирнов? — Усатый коп смотрел почему-то с сочувствием. — Дима, я все

понимаю, но матушки твоей уже два года как не стало. Может, хватит горе ханкой заливать?

Мещанин Смирнов глупо улыбался.

Все понятно.

Это ду´хи.

Злые ду´хи, о которых ему рассказывала мама. Умершая много лет назад. Хоронили которую за счет города… Так что это все ду´хи.

И усатый — это злой дух, морок, который хочет завладеть обеими его душами. Иначе никак не объяснить, что он, тлинкит Хуц-Ги-Сати, которого записали в документах белых поработителей как Джека Джонсона, всю жизнь говоривший на языке британских захватчиков, понимает буквы, написанные под портретом неизвестного мужика в незнакомом мундире. С такими же усами, что и у копа. С внимательными светлыми глазами и курносым славянским носом.

«Его Императорское Величество Владимир III».

Мещанин Смирнов глупо улыбнулся, сказал:

— Что-то мне нехорошо. Посплю немного. — И улегся на лавку.

Крепко зажмурился.

Это ду́хи. Морок. Все пройдет.

Не прошло.

Не исчезло.

Хуц-Ги-Сати проснулся от запаха свежего кофе. И другого — незнакомого, но на редкость уютного, сытного. От которого заурчало в животе, рот наполнился слюной, и индеец вспомнил, что последний раз он ел…

А собственно, где и когда?

— Давай, Дима, налегай, только осторожно. — Давешний мужик в непонятной форме стоял у решетки. В одной руке здоровенная, исходящая паром кружка, в другой металлическая миска, а в ней — золотистая каша. Полная миска, аж с горкой.

«KASHA» — слово само всплыло в голове, одновременно и знакомое, и непривычное.

За плечом мужика возвышался еще один. В такой же странной форме, такой же кряжистый и усатый, но на полголовы выше. Вроде бы помоложе, может, и одних с индейцем лет.

Смотрел он на Хуц-Ги-Сати как-то странно — с неодобрением, жалостью и отчего-то разочарованием. Не, не жалостью — сочувствием. Так смотрят на знакомого, которого давно не видел, а тут, понимаешь, «ой, помните, соседский сынок. Такой был хороший мальчик, на скрипочке иг-

рал. Представляете, спился».

— Горюнов сейчас дверь откроет, я миску поставлю. Позавтракаешь. Посуду потом к решетке поставишь, — старший коп тяжело вздохнул, — хотя что я тебе говорю, сам все знаешь. К сожалению.

И добавил в сердцах:

— Вот что ты барагозишь? Ну, болит у тебя в родном городе сердце, так иди в рейс снова, не сиди на месте. Или уже в экспедиционный корпус заверстайся, вон у них листовки на каждом столбе! Двигай в этот их Белуджистан, хоть мир посмотришь! Индуски, опять же, говорят, красивые.

Молчаливый здоровяк позвенел ключами — настоящими железными ключами в нехилом таком врезном замке! Отошел в сторону, все так же непонятно-осуждающе глядя на задержанного.

Неожиданно густым басом спросил старшего:

— Пал Евграфыч, успеем доставить-то?

— А что тут успевать-то, а, Горюнов? Сейчас вот Дмитрий Христофорович откушают, да и пойдем, помолясь.

Хуц-Ги-Сати слушал и уже вовсю наворачивал горячую кашу. Сначала обжегся, хлебнул кофе — такого же горячего!

— Shit!

— Ты что это по-бусурмански сквернословишь? — удивился тот, кого Горюнов назвал Пал Евграфычем. — Негоже так!

Он внезапно насторожился, подошел ближе.

— И откуда ты ругань-то ихнюю так узнал? Она-ка не задумываясь вылетает?

Хуц-Ги-Сати опустил глаза, лихорадочно думал. Знал он этот взгляд, так смотрели на него шеф Андерсон и те агенты ФБР, что приперлись аж в их дыру на краю света, чтоб допросить по какому-то делу Движения американских индейцев. Точнее, не самого движения, а «Железных сердец», которые решили, что AIM слишком мягкие и чересчур любезничают с бледнолицыми. Хуц-Ги-Сати был с ними полностью согласен, но присоединяться не спешил. Поскольку был по натуре одиночкой, никому особо не доверял, тем более после смерти родителей. А еще, хоть он бы никогда в том не сознался, был романтиком.

Потому и пошел в дальнобои. Любил дорогу, ночевки то в городах, где раньше ни разу не был, то в мотелях, а то и вовсе под открытым небом на обочине трассы. Выходил из кабины, да и ложился в придорожном лесочке в спальнике.

Если, конечно, вокруг спокойно было.

Да и платили неплохо, хотя профсоюз время от времени начинал бузить. Тут Хуц-Ги-Сати встревал в бучу на стороне профсоюзов — за свой кровный доллар можно и со злыми духами поплясать, не то что с бледнолицыми.

Все это вертелось у него в голове, булькало кашей, такой же горячей, что была в миске, на привычные слова налезали новые, невесть откуда взявшиеся, но отчего-то понятные.

Внезапно всплыло слово «ispravnik» и фамилия — Bryazgin.

Голова от этого лопалась, но Хуц-Ги-Сати призвал на помощь всю древнюю мудрость и тренировку тлинкитского воина. Представил, что он в волнах зимнего океана и этой холодной силе должен противопоставить такую же холодную решимость и сосредоточенность.

Говорил он медленно, понемногу привыкая к тому, как складываются в непривычные слова губы. Для чего то дул на ложку с кашей, то неторопливо жевал.

И не забывал морщиться — губы-то и нёбо он и правда неслабо обжег.

— Вы, Пал Евграф-фыч, меня на испуг-то не берите. Я, может, и похмельный, да не тупой. Что вы сквернословия не терпите в любом виде

— помню. Мне зачем вас злить-то?

Брязгин уже открыл рот, явно каверзу какую учинить хотел, но неожиданно помог незнакомый-знакомый Горюнов.

— Да он по всей стране, почитай, колесит, сам же рассказывал, как его у границы порубежники наши трясли. Нешто с ихними-то водителя́ми не балакал?

— Во, опередил! — чуть не подавившись от радости кашей, Хуц-Ги-Сати показал на спасителя ложкой. — Я там такого наслушался! Хотите, загну?

И он заржал, стараясь выглядеть как можно глупее.

Брязгин быстро повернулся к подчиненному, тот вытянулся по стойке «смирно», глядел на начальство преданно и слегка испуганно.

— Поперек батьки в пекло не лезть, слышал? — очень спокойно спросил Брязгин. Горюнов дернул кадыком и только молча кивнул.

— Вот и хорошо.

До конца дня Хуц-Ги-Сати с трудом сдерживался, чтобы не начать истерически хихикать.

Его отвели в туалет, там все так же молчаливо сочувствующий Горюнов выдал кусок мыла, застиранное до невозможности, но чистое полотенце и одноразовый бритвенный станок.

Индеец до пояса разделся, умылся как следует.

Побрился, впервые в ясном уме неторопливо разглядывая себя в зеркале. Вроде такой же, как в настоящем мире. Высокий, жилистый, на плече — шрам, как и там. Лицо тоже сухое, черты лица резкие, нос прямой, только чуток набок свернут — это в юности еще. Глаза большие, это в маму. Темные, бабы млеют, говорят, как в жаркую ночь смотришься.

Не качался особо никогда, а плечи от отца достались — широкие, покатые. Потому всегда любил свободные рубахи да куртки из грубой кожи. И удобно, и не порвешь, если руками машешь.

А вот волосы в этом мире он стриг отчего-то почти под «ежа».

Только бриться закончил, как коп сунул ему зеленую фуфайку и плотную добротную рубаху с воротом-стойкой.

— На вот, оденься хоть по-людски, надо ж было так одежу кровищей заляпать.

В комнате его уже ждал Брязгин, стоял у стола, поигрывал ключами.

Кивнул, и они пошли.

Хуц-Ги-Сати сощурился от яркого солнца. Здесь, как и в настоящем мире, стояло лето. Но пахло как-то иначе, гуще был запах зелени, а водорослями почти и не пахло. Да и море само не чувствовалось так близко, как ТАМ.

Выше были близкие горы, а городок…

«Ты всегда должен быть настороже и смотреть по сторонам. Но не привлекай внимания, будь бесстрастен и готов к действию», — зашептали в голове голоса. Один — отцовский, что приходил к нему лишь иногда и звучал чуть слышно. Второй — Человека Без Лица. Он слышал его лишь два раза — потом пришли федералы, и пришлось срочно меняться рейсами, брать груз… Чтобы уехать от ненужного внимания, проклиная себя за то, что был неосторожен.

Не могло быть такого городка. Диковинные островерхие крыши. Домики опрятные, все больше деревянные. Палисадники вокруг, ворота, украшенные невиданной резьбой, — но — тут сердце индейца сбилось, пропустило такт — в большинстве в невиданный чужой узор вплетены знакомые тлинкитские образы. Ни с чем нельзя спутать эти плавные вытянутые обводы, точные линии, исполненные силы образы!

Откуда они здесь?

Почему они вон на тех голубых наличниках и на том здоровом, в два этажа, доме?! И вместе с какими-то дурацкими петушками и завитушками?!

Людей было немного, и Хуц-Ги-Сати решил, что утро раннее, а день рабочий. Когда выходили, на часы он не смотрел, не до того было — взгляд приковал непривычно большой портрет усатого мужика в парадном мундире.

И то, чего ни в одном полицейском участке нормального мира не было, — иконы. Хуц-Ги-Сати знал, что это такое, поскольку не раз до хрипоты спорил со стариками, хоть и не пристало так говорить с почтенными людьми, убеленными сединами.

Но Хуц-Ги-Сати достаточно было увидеть у них на шее крестик, чтобы глаза налились кровью.

Как они могли предать веру предков!

Всю мудрость о сотворении мира, великую науку жить в единении с природой, завещанную теми, кто ушел в иные миры!

И не просто предать, а перейти в веру бледнолицых, с которыми они воевали много десятков лет, — в православие!

А здесь — вот они, эти самые иконы, в полицей-

ском участке.

И говорят на русском.

Все вокруг.

— Здравия, Пал Евграфыч! — почтительно обратился к копу благородного вида старик с широкими покатыми плечами. — Загляни ты ближе к вечеру, ну сил нет, пацаны опять за полночь горланят.

— И тебе здравствовать, Святослав Дементьевич. Концовские, что ль?

— Да там и концовские, и колоши! Я и не против, дело молодое, но что ж под окнами-то!

Дед говорил и говорил, копы кивали головами, слушали внимательно, а Хуц-Ги-Сати не мог отвести глаз от старика. Точнее, от его широкой груди. Погода стояла теплая, и на старике были широкие штаны, синие, вроде джинсов, только покрой чуть иной, рубаха с воротом-стойкой, украшенная все тем же странным узором, в котором сплетались настоящие тлинкитские плавные линии и образы и непривычные — с ломаными линиями, соединяющимися в хитро ветвящиеся кресты. Шляпа на нем была мягкая, настоящая тлинкитская, с бронзовокожего морщинистого лица смотрели ясные мудрые глаза настоящего Великого Предка. Но почему у него такое имя?!

Старец оглаживал густую седую бороду — но тоже странную! Широкую, спускавшуюся до середины груди.

Но самое главное — седые пряди ложились на ножны настоящего шакатса, грозного оружия, передававшегося в родах от воина к воину!

Ножны были потертые, рукоять обтянута такой же потертой кожей. Перед ним был уважаемый воин, получивший право носить шакатс! Но что рядом с этим знаком настоящего тлинкита делал крест, какой носят белые поработители его народа?! Крест был, похоже, серебряный, массивный, с плавными обводами концов перекладин. На такой же массивной цепочке искусного плетения.

Хуц-Ги-Сати поклонился старшему, как и полагается.

— Что, Дима, достукался-таки? Снова… — всплеснул руками старец. — Ты когда уже образумишься? Сколько с тобой уже Пал Евграфыч возится!

Хуц-Ги-Сати понял, что уже перестал вздрагивать, услышав это имя. Ну, был он Джеком. Теперь, значит, Дмитрий… Разберемся, дал он себе слово. И решил относиться ко всему вокруг как к наваждению, насланному злыми духами.

Потому решил промолчать.

Но старика и его ножны запомнил.

Ладно, главное — пережить суд. Судя по тому, что ему даже не надели наручники и повели пешком, в тюрьму его не отправят, рассуждал он, продолжая незаметно посматривать по сторонам. Это хорошо. Надо получить свободу передвижения, а там уж он сообразит, что делать в этом морочном мире. Может, получится и чары разрушить.

Вышли на небольшую круглую площадь.

По правую руку золотилась верхушка небольшой чистенькой церкви с почему-то округлым, лишь в верхней части вытянутым вверх куполом.

Рядом трехэтажный дом однозначно казенного вида. Над входом теплый ветерок покачивал флаг с тремя широкими полосами — белой, голубой и ярко-красной. В складке у древка мелькнуло и ярко-желтое пятно. Хуц-Ги-Сати вгляделся, ветерок как по заказу расправил полотнище, оказалось, в верхней левой части был еще и солнечно-желтый квадрат, а на нем черный орел с двумя головами.

Как там было написано на карте и на портрете? Российская империя?!

Сердце индейца наполнилось тоской и гневом — в этом мире, созданном злыми духами, у его

старших украли гордость и память! И здесь его народ угнетен!

У мирового судьи первое и второе имя, которое тут называли «отчество», звучали по-русски — Иван Александрович. А вот фамилия удивила — Катленов[1], созвучно родовому имени Ка-Тлен. Да и обликом судья походил на тлинкита, хотя кожа его была светлее, да и нос был как у белых людей.

«Кто-то из его предков предал чистоту крови и отрекся от своего рода», — с неприязнью подумал индеец, глядя на мирового судью.

Тот тоже был в форме, хотя эта больше походила на обычный деловой костюм — только старинный, такой Хуц-Ги-Сати в каком-то старом фильме видел. Или по кабельному?

Он любил смотреть разные кабельные каналы, особенно где про тайны и всякие загадки, хотя, конечно, как говорили парни из AIM, все средства медиа находятся в руках белых поработителей и служат тому, чтобы уничтожить память ко-

[1] Примечания: 1

Упоминание о тлинкитском имени Ка-Тлен — Большой Мужчина, действительно существующем. — *Здесь и далее примеч. авт.*

ренных американцев о славном прошлом их великих цивилизаций.

Судья быстрым шагом вошел в комнату, которую коп торжественно назвал «малый зал заседаний», сел за широкий стол светлого дерева и пододвинул к себе папку в кожаном переплете. Быстро просмотрел пару листов плотной желтоватой бумаги.

Хуц-Ги-Сати равнодушно смотрел на здоровенную золотистую бляху на широкой цепи, ждал.

— Что ж, Павел Евграфович, — судья осмотрел комнату, будто только сейчас увидел и простые деревянные стулья, выставленные в пять рядов, и людей в комнате, — время раннее, как видите, зрителей нет, даже госпожа Сосновцева не смогла посетить нас в столь ранний час.

Он со вздохом шлепнул ладонью по папке.

— И что ж мне с вами делать, мещанин Смирнов? — Судья подпер щеку кулаком и воззрился на Хуц-Ги-Сати.

Тот сжал зубы. Сейчас начнется унижение… Что ж, он уже проходил это в том, настоящем мире, переживет и теперь. Будет молчать.

— М-да… как обычно. Молчите, мещанин Смирнов, — он снова открыл папку, поворошил листы, — а между тем вам надо говорить боль-

шое спасибо нашей доблестной полиции. Ибо после душевной беседы, проведенной нашим многоуважаемым городовым и его молодым, но очень, — тут судья хмыкнул чему-то своему, — активным коллегой Мстиславом Николаевичем Горюновым…

Индеец покосился на молодого копа. Тот потупился и всем своим видом выражал скромную и мужественную готовность служить закону.

— В общем, господа Возников Трофим Викторович и Легостаев Иннокентий Спиридонович свои заявления забрали, потому такие отягчающие обстоятельства, вроде членовредительства и хулиганства, мною, мировым судьей то есть, рассматриваемы быть не могут.

Судья потер переносицу.

— А за непотребные речи, пребывание в общественном месте в нетрезвом виде, а также порчу чужого имущества путем разбития стеклянной кружки о неустановленный тяжелый и очень тупой предмет я назначаю наказание в виде пятнадцати часов общественных работ, а также выплату компенсации владельцу означенной кружки мещанину Владимирову, хозяину трактира «Три сосны», в размере одного рубля сорока двух копеек.

Судья встал, потянулся.

— Все, свободны. — И, уже в спину индейцу: — Заканчивай буянить, Дмитрий Христофорович, Христом-богом тебя прошу.

Всю обратную дорогу Хуц-Ги-Сати молчал и был задумчив.

Ни слова не сказал, даже когда городовой и отчего-то такой же погруженный в свои мысли Горюнов провели его через комнату с клеткой-«обезьянником», толкнули дверь — за ней тянулся короткий коридорчик, в конце которого оказались две маленькие камеры. Почти такие же, как «обезьянник», но в этих были еще и откидные столики, на койках — тонкие матрасы, аккуратно свернутые одеяла и даже подушки.

— Ладно, Дима, распорядок знаешь, заселяйся, потом Горюнов тебя в душ отведет, переоденешься, да и после обеда приступишь к благоустройству родного Бобровска.

Брязгин почти дружески хлопнул индейца по плечу и ушел.

Хуц-Ги-Сати щурился от теплого солнышка и против воли улыбался, до того хорошо было снова оказаться на свежем воздухе. Воздух действительно был свежим, погода отличной, день перевалил за середину и потихоньку двигался к вечеру, покормили, по меркам полицейского участка, просто шикарно. Горюнов выдал синий комбинезон, сунул метлу и повел «проводить общественно полезные работы в соответствии с уложением».

Общественно полезные работы оказались подметанием территории местной школы, на которую Хуц-Ги-Сати старался не пялиться. Оказалась она обнесенной невысоким заборчиком, вдоль которого росли березки. Само здание было двухэтажным, с широкими окнами и плоской крышей. Флага над крышей не наблюдалось, оказалось, он укреплен у входа в школу.

Пустую и тихую по летнему времени.

— Что, вспоминаешь, как тебя Сергеичева за ухо выводила? — хмыкнул Горюнов.

Хуц-Ги-Сати лишь дернул плечом и решил промолчать.

— А как ты тарарам поднял, чтоб меня с Маринкой Близневской в школьной радиорубке не застукали, помнишь? — в голосе Горюнова

были и ностальгия, и улыбка… И еще что-то, чего Хуц-Ги-Сати не понимал. — Помнишь, Дим?

Надо было отвечать.

— Что было, то прошло. Давай командуй, — буркнул индеец и взял на заметку: значит, учился он вместе с копом, да еще, похоже, и друганами они были. Во влип…

Горюнов вздохнул и кивнул.

— Давай, мети. Отсюда и до ужина.

Мел он действительно до ужина, после чего Горюнов проводил его обратно в полицейский участок, проследил, пока приговоренный к искуплению трудом примет душ, проводил в камеру и принес ужин.

Хуц-Ги-Сати с аппетитом — метлой-то намахался — уплетал ужин и слушал голоса, доносившиеся из-за неплотно закрытой двери.

Хлопала дверь, кто-то входил, выходил, раздавался командирский бас Брязгина, знакомый уже голос Горюнова, еще чей-то. Наверное, тоже копа, прикинул индеец.

К вечеру включили радио.

Индеец стал вслушиваться еще внимательнее, надеясь услышать новости, но Брязгин кому-то бросил:

— Семеныч, «Напевы Юкона» поставь, а?

Послышались треск и свист, а потом чистый протяжный женский голос негромко запел о несчастной любви какой-то Маруси-казачки к «колошу-молодцу, с моря живущему, сердце девичье тоской рвущему». Мелодия была незнакомая, но что-то чувствовалось в ней близкое, да и слова некоторые проскакивали такие, что Хуц-Ги-Сати их почти узнавал. Будто бы и тлинкитские, но бывшие в обиходе у чужих людей и приспособленные ими для своих нужд.

«Они крадут даже наш древний язык», — думал индеец, лежа на койке и слушая о бедной Марусеньке, что всю жизнь прождала своего суженого, ушедшего в «море студеное, море недоброе», да и не вернувшегося к ней.

Лишь совсем к ночи, когда в участке остался лишь дежурный — худой, морщинистый, по виду тлинкит, которого остальные называли Карпом Семенычем, удалось послушать новости.

Слышно было хорошо, молчаливый Карп Семеныч сделал радио погромче, да и дверь прикрыл неплотно, так что Хуц-Ги-Сати хорошо слышал, как полицейский настраивал приемник на другую станцию. Остановился там, где мужские голоса что-то оживленно обсуждали. Говорили о каких-то непонятных местах и людях, обсужда-

ли какую-то «новую трактовку жизни за царя», гастроли какой-то Мариинки по Приморскому и Аляскинскому краям, один из голосов отчего-то горячился и говорил, что выступать солистам Мариинского в Вегасе — это просто унизительно, тем более что и гонорары янки платят просто недостойные звезд мирового уровня. Второй увещевал сытым таким бархатным голосом, мол, «батенька, расценивайте это как жест человеколюбия, коими издавна славна великая Русь. Кто, если не мы, познакомит дикие народы с наилучшими образцами мировой культуры?»

Под этот рокочуще-баюкающий баритон он и уснул.

На следующее утро Горюнов снова повел на школьный двор. Поднял отчего-то раньше, чем обычно, но индеец выспался на удивление хорошо. Даже обычная послепохмельная хандра не доканывала, хотя обычно после крепкой пьянки он проваливался в тоскливую ненависть к себе и миру, все вокруг казалось серым и стылым, а в душе ворочался тяжелый ком брезгливого раздражения.

Спасали только новая бутылка или рейс.

Хуц-Ги-Сати любил долгие рейсы. Любил останавливаться в маленьких городках и молча смотреть, как живут люди. Любил запахи придорожных кафешек и ощущение чистых, хотя и давно выцветших простыней в мотелях.

Кхм… отозвался организм… Ну и девочек на этих простынях он тоже того… любил.

В рейсе надо было быть трезвым, поэтому на трассе он дрался редко, старался в разборки, которые неизбежно случались у дальнобоев, не встревать, но не только монтировку и биту, но и «Глок» с собой возил.

«Интересно, как тут у них», — подумал он и осмотрелся. Наверное, раз этот мир злые духи придумали, то в нем должно быть много опасности… Но если они его специально… «морочат», всплыло в голове незнакомое, но понятное слово… может, наоборот, будут показывать, как тут хорошо да мирно.

И понял, что соскучился по дороге. Вдруг захотелось положить руки на руль ставшего родным Kenworth W990, выставить маршрут на навигаторе и рвануть… пусть даже к Мексике, хотя те края он не любил, больно жарко да суматошно.

Злые нервные мексы частенько напрыгивали,

пытались отобрать груз. Некоторые парни вроде Фредди Гастрита таскали с собой штуки типа укороченных румынских АК, а то и целые арсеналы.

Проклятье, а тут вообще есть Мексика?

А здесь у него есть трак?!

Вдруг прошиб холодный пот. Этот… исправник вроде что-то бормотал, что он тут дальнобоит, но как теперь-то быть, надо же откуда-то все вспоминать…

Ладно, будем разбираться шаг за шагом.

«Воин не должен спешить, воин не должен пытаться понять все и сразу. Воин знает цель и идет, выверяя один шаг за другим, сосредотачиваясь только на том, что делает сейчас», — зазвучал в голове спокойный голос Человека Без Лица.

Это он правильно говорил, так и будем действовать.

Он огляделся.

Народа на улицах опять немного.

Машин, кстати, тоже.

Сейчас, когда схлынуло первое изумление, он начал присматриваться к мелочам.

Вон возле лавки с вывеской «Всегда свежие овощи и лучшие фрукты» остановился потрепанный внедорожник, водитель выключил двигатель, из окна донеслось протяжное: «Выйду-у-у с коне-

е-ем-м-м-м» под тяжелую гитару. Радио тоже замолчало, хлопнула дверь. Водитель был под стать автомобилю, крепкий, пузатый и потрепанный. В тяжелых ботинках, линялых джинсах и плотной рубахе с закатанными рукавами. По вороту-стойке шел орнамент, и Хуц-Ги-Сати снова резануло сочетание округлых тлинкитских линий и резких ломаных — чужих! Захватнических!

Мужик же дружелюбно улыбнулся, поднял руку, приветствуя Горюнова, и скрылся в лавке.

— А ты чего Мишане-то не ответил, — хлопнул его по плечу коп, — в любимчиках у него на гимнастике ходил, а теперь морду воротишь? Нехорошо, Дима. Вот правда нехорошо.

Индеец только мысленно застонал и заспешил по уже знакомой дороге к школе.

К счастью, сегодня ему наказали красить на школьном стадионе футбольные ворота, шкурить и красить поручни, огораживающие площадки для прыжков, ровнять и пропалывать беговые дорожки, подновить разметку площадки для игры в какую-то laptu… Что за лапта, да еще оказалось, что он, по словам Горюнова, в ней был одним из лучших: «Дурак ты, Дима, тебя ж даже в команду звали, на губернии выступать!».

М-да, похоже, характер у него во всех мирах одинаковый.

Так что Хуц-Ги-Сати снова обозлился и приободрился.

Но стадион, признал он скрепя сердце, был просто загляденье, особенно для школы маленького городка, — просторный, чистенький, любовно оборудованный. Да и сама школа была такой же — за ней явно следили и денег не жалели. Во всяком случае, так снаружи казалось.

Часов в десять появились первые стайки ребятни, которых Горюнов тут же погнал с футбольного поля:

— А ну, кыш! Не видите, ворота красють!

Ребятня с воплями похватала велики и унеслась куда-то: «Айда на низы, на старое поле!»

Подростки появились ближе к обеду. Сначала одна компания, в которой явно верховодил парень лет четырнадцати-пятнадцати, рослый, со светлым чубом, падавшим на глаза. Парень привычно сдувал его, приглаживал пятерней и снова смотрел на весь белый свет гордо и чуть вызывающе.

Вокруг него сгрудилась кучка таких же рослых, быстрых в движениях парней, рядом стояли, конечно же, в нетерпеливо-скучающих позах три

девчонки в легких летних платьях. Еще совсем девочки, но уже с начинающим просыпаться женским чутьем…

Была и пара ребят помладше. И что Хуц-Ги-Сати удивило, верховодил явно этот, как его, русский, но и среди пацанвы, и среди девчонок были явные индейцы! Настоящие тлинкиты, он чуял родную кровь, видел характерные черты, повадки, телосложение! А один парень и вовсе был черноволос и скуласт, но сероглаз, и нос был явно не индейский.

На него Хуц-Ги-Сати глянул с неприязнью — да, и в его мире были те, кто отверг чистоту крови, но их индеец считал предателями своего народа, они продавались белым ради удобной сытой жизни! И если для женщин он еще мог найти хоть какое-то оправдание, то тлинкит, взявший белую в жены, просто переставал быть не только мужчиной, но и человеком.

Здесь же, видимо, его народ совершенно забыл остатки гордости.

Впрочем, вот тот, что помладше и пониже ростом, был явно чистокровным — хотя бы его родители помнили, что такое род!

Горюнов на них посмотрел искоса, но ничего не сказал, компания ушла в дальний конец поля

к волейбольной сетке, разбилась на две команды, и началась игра.

Играли азартно, парни орали, девчонки, забывшие о том, что надо быть томно-женственными, вопили, по мячу лупили так, что гулкие шлепки эхом отражались от школьных стен.

Под этот аккомпанемент Хуц-Ги-Сати до того ушел в неторопливую работу, что не заметил, как начал тихонько улыбаться.

Что-то тихонько бубнил Горюнов, которого индеец слушал вполуха, но услышанное запоминал, чтоб потом обдумать.

И о том, что «верховские» совсем обнаглели и теперь требуют с управы за казенный счет чинить подъездные дорожки, хотя у самих куры не клюют, а начальство не чешется. И о том, что новую «множилку» никак не привезут и старую не чинят, а что ему, Горюнову, теперь хоть пером от руки рапорты пиши, так-то никого не колышет. И что «вот ты опять баранку пока крутил, а мы тут по округе сайгачили, беглых ловили, и откуда их только черт принес».

Говорил Горюнов спокойно, ругался тоже больше по привычке и из врожденного занудства, поскольку жизнь, по мнению индейца, тут была тихая и спокойная. На дорогах никто не беспре-

делил, в городке шалили только «концовские» да «золотая молодежь», что повадилась ездить на площадку к озеру да на машинах хулиганить по дороге — газуют так, что аж покрышки жгут! Все фильма эта японская про Хонду Стрелу! Вот и эти начали! Предводитель-то дворянства лба своего отмазал, остальные волю и почуяли!

Горюнов аж сплюнуть хотел, но сдержался.

Хуц-Ги-Сати осторожно бросил:

— Ну хоть с ночными безобразиями не так донимают… — И снова сосредоточенно завозил кисточкой.

— А, ты про «ночник», что ль? Так Валерьяныч мужик правильный, у него особо не забалуешь, так что наши, как раньше, в Говорово оттягиваться ездят. Забыл, что ль?

Индеец опять промолчал.

И голову вскинул. Что-то изменилось.

Тихо стало.

Мяч не звенел.

И голосов не было слышно.

Оказывается, компашка сгрудилась у края волейбольной площадки.

Напротив выстроилась другая…

Вроде и было их поменьше, но парни были явно постарше, девиц с ними было только две,

но выглядели они… словом, не как те, что только что по площадке прыгали.

И один из пришлой компашки держал за шиворот пацаненка-тлинкита, которого Хуц-Ги-Сати в самом начале приметил. А в другой — мяч.

А другой, гогоча, не сильно, но унизительно шлепал малого по ушам.

Краем глаза Хуц-Ги-Сати увидел, что Горюнов уже потянулся за свистком, и придержал его руку.

Глянув на копа, покачал головой.

— Погоди чуток.

Пришлые и вели себя, и выглядели иначе, чем волейболисты, — и одежка поновее, и держатся знакомо.

Да, точно, у них в школе так держалась банда Стива Йорубы, ниггера, чей папашка управлял филиалом какой-то компании. А заодно подрабатывал у наркобосса по финансовой части. Говорили, не только финансовой, но мало ли что скажут. Стив держался так же — расслабленно, «на чилле», хорошо зная, что ему ничего ни за что не будет.

Похоже, это те самые «верховские» и были.

Мелкий молчал, зло сверкал глазами и пытался вывернуться.

Парень со светлым чубом сделал пару шагов, протянул руку, мол, мяч отдай. Что-то негромко сказал, вожак богатеньких, как их сразу назвал про себя индеец, выпустил парнишку, заржал и… да твою ж мать, достал нож.

Прижал мяч к груди, замахнулся, чтоб пропороть старый истертый мячик.

Светловолосый бледнолицый коротко шагнул вперед и неуловимым движением отвесил противнику пощечину.

Короткую сухую оплеуху.

Богатенький выронил мяч и мягко завалился набок.

Его подпевала, державший мелкого, выпустил жертву и подхватил вожака.

Остальные рванулись к волейболистам.

Мелкий тлинкит в два прыжка оказался рядом со светловолосым и встал рядом, выставив кулаки. Девчонки заголосили, протиснулись между парней, одна сцапала мелкого и рывком утащила назад.

— Убью, тварь! Я твою калошу сейчас порву!

— Валите отсюда, варенички!

— Давай волоки своего Гошеньку, пока ходить можешь, — это уже кто-то из девчонок подначивал.

Горюнов тяжело вздохнул и дунул в свисток.

В эту ночь ему снились грузовики.

Потом почему-то учительница мисс Джесси, она снова хлопотала, проверяла, все ли зашли в экскурсионный автобус, потом они куда-то долго ехали, а когда приехали, оказалось, они в каком-то плохом квартале и на них бычат ниггеры в красных спортивных костюмах, суют в лица стволы и грозят завалить.

Потом на них начинает кричать Салли Паттерсон, маленькая славная Салли, которую он не мог ненавидеть, хотя она была рыжая и белокожая, а ее папа работал в банке. Правда, какой-то мелочью, но Салли всегда была чистенькой и сытой.

Потом негр стреляет в Салли, и Хуц-Ги-Сати во сне плачет, а его хлопает по спине и говорит: «Ну, не реви, колоша» парень со светлым чубом.

Сон был такой дикий, что индеец проснулся.

И долго лежал, вспоминая Салли Паттерсон.

Мисс Джесси и правда возила их несколько раз на экскурсии, но ниггеры в них стволами не тыкали. Мэр их городка даже гордился тем, что за все время, что он грел жопу в своем кресле,

в школе не было ни одного случая стрельбы и даже поножовщина случалась не чаще двух-трех раз в год.

Салли убили позже.

После того как ее отец увез семью, кажется, в Лос-Анджелес. Им об этом сказала мисс Джесси. Училка была старенькая, когда говорила, заплакала. Они пожали плечами.

Ну, бывает. У них свободная страна, и у людей есть оружие для защиты.

А сейчас, глянь, вспомнилась с чего-то.

Впрочем, долго раздумывать он не стал, зевнул и снова уснул.

Больше негры с пушками за ним не бегали.

Следующее утро началось с привычного уже позвякивания ключей, сытного запаха снеди и тихого вздоха Горюнова. Похоже, он и правда переживал за непутевого однокашника.

Хуц-Ги-Сати принял поднос, с удовольствием принялся уплетать кашу — на этот раз пшенную, да на молоке!

Вкусно было так, что он чуть не подавился.

— Пореже мечи, — буркнул Горюнов, — тетка

Маша для тебя, бестолочи, старалась, помнит, что ты ее стряпню любишь. Загляни хоть, скажи спасибо.

М-да, вот она, беда маленьких городков — все друг друга знают, и даже у такой вот второсортной бестолочи, как индеец-выпивоха, найдется сердобольная тетушка-соседка. Вот и как ее искать, тетю Машу эту?

Задачка…

— Вместе сходим, — буркнул Хуц-Ги-Сати, а себе в голове пометочку сделал — ухо востро держать, похоже, его тут неплохо знают. Значит, могут начать здороваться да лезть с расспросами. Что-то с этим надо будет делать, но что — пока решительно непонятно. Так что сейчас один вариант — изображать отходняк после драки и похмелья, стыд и неловкость, тупить глазки и бурчать.

— Лады, сходим, — легко согласился Горюнов, хлопнул индейца по плечу и бодро возгласил: — Отправляешься наводить блеск да лоск на Взгорье, во владения господина Пухлачева!

Индеец только плечами пожал: ну, Взгорье так Взгорье. Снова чужое имя земель, обманом занятых колонизаторами.

Взгорье оказалось тихой окраиной, от которой пахло не только летней листвой и мокрым

асфальтом — асфальт пришлось поливать ему, из шланга, присоединенного к уличной колонке, — но и большими деньгами. Дома тут прятались за старыми раскидистыми деревьями и основательными оградами. Многие каменные, другие деревянные, резные, а одна и вовсе из потемневших заостренных бревен, ровно ограда какого-нибудь форта из фильма о том, как проклятые бледнолицые захватывали земли индейцев.

— Ты давай тут как следует мети, не филонь, — кивнул Горюнов, — сам знаешь, Пухлачев варежку откроет — голова весь день звенит и стоишь как оплеванный.

Хуц-Ги-Сати только покосился украдкой, Горюнов смотрел на крышу дома из дорогой красной черепицы с явной неприязнью. С такой же неприязнью глянул он и на герб, украшавший ворота. Железные, кованые, с выведенными над гербом буквами «АП».

Интересно, кто это такой?

Впрочем, сейчас есть и более насущные вопросы. Например, узнать, где же он живет? Но и это — потом.

Он мёл и присматривался.

Прокатила стайка ребятни на великах. Велики непривычных каких-то расцветок, все больше

трех- и четырехцветные, рули странно гнутые вниз, как у взрослых гоночных велосипедов, а шины, наоборот, шире, колеса вроде больше.

Машины добротные, но «боевые». Сами ребятишки на вид сытые и ухоженные — наверное, из этого района как раз, где богатенькие частные дома.

Все пацаны, пятеро, на вид лет десять-двенадцать. Загорелые все, но у двоих кожа характерного тлинкитского оттенка, черты лица тоже — индейцы чистой крови!

А перекрикиваются на ходу все на этом здешнем русском!

Хуц-Ги-Сати ожесточенно заработал метлой.

Так и проходил с метлой по Взгорью. Местечко было небольшое, жило явно обособленно, жителей почти и не попадалось, но с теми, кто встречался, Горюнов вежливо раскланивался, ежели дама попадалась, а при виде мужчин с тщательно выверенной небрежностью вскидывал к козырьку фуражки два пальца, так, чтоб это не выглядело подобострастно, но и неуважением не казалось.

Похоже, здешних обитателей он недолюбливал.

А когда молодой, его лет, мягонько-полнова-

тый мужчина с пышными ухоженными усами ответил на его приветствие снисходительным кивком и бросил: «Что, Славик, отрабатываешь дружку школьные долги, когда он за тебя в драку лез?», — и вовсе налился дурной кровью.

Хуц-Ги-Сати решил, что только перепалки ему сейчас не хватало, и, вытянувшись с метлой у ноги, отрапортовал:

— Мести закончил, вашбродь, куда дальше прикажете следовать?!

«Откуда я все это знаю?» — с отчаяньем думал он — настолько естественно вылетели эти незнакомые обороты. Что это за «вашбродь»? Но сработало же — Горюнов повернулся, в глазах мелькнуло облегчение.

— Следуйте за мной, Смирнов, время к обеду, затем я отведу вас на следующий участок работы.

По-строевому повернулся на каблуках и зашагал вниз, к центру города.

Горюнов плелся сзади, что-то бурчал о толстосумах, на которых креста нет, и в сердцах бросил:

— Вот, Дима, ты как появишься, так вокруг тебя неприятности! Шел бы ты снова баранку крутить! Или правда, как Евграфыч советовал, в корпус заверстался. С твоей подготовкой — самое оно, с руками оторвут!

Индеец снова только плечами пожал, но зарубочку себе в голове сделал: значит, точно, здесь он тоже водила, видать, дальнобой, раз Горюнов так говорит. Да еще и с какой-то подготовкой. Какой вот только, понять бы?! Ладно, уже чуть легче, то, что он не знает какие-то городские события, можно списать на долгое отсутствие.

И то верно, в том своем настоящем мире он порой и по триста дней дома не был, ездил по стране. И посмотреть было интересно, и платили неплохо. А что, прорываться в дальнобои он начал, считай, с восемнадцати — опыт набрал будь здоров! Поначалу, конечно, на компанию батрачил, но с первого дня бредил собственным траком. Сразу решил: в лизинг брать буду! Так, считай, больше двенадцати лет уже в дороге.

Он криво усмехнулся — может, потому и не спился, за рулем особо не побухаешь. Зато, возвращаясь домой, отрывался.

А что делать, если свободная душа индейца в клочья рвалась от несправедливости мира, который отняли у его народа. Вот только последние годы, когда нашлись люди, с которыми можно не только говорить, но и делать дела… но тс-с-с…

И тут, когда он, казалось, нашел наконец СВОИХ, духи устроили ему такую подлянку.

«Башка твоя дурная и пузырь ханки, который ты в нее засадил, тебе подлянку устроили», — сказал внутри головы ехидный голосок, но Хуц-Ги-Сати его прогнал.

Что там продолжает вещать этот зануда?

И кстати, о вчерашней драчке подростков он больше ни слова не сказал.

Только когда вернулись, долго о чем-то вполголоса бубнил с шефом полиции, или как его там… Городничий? Городовой? Тьфу ты… исправник, подсказал непрошеный всезнайка в голове.

Ладно, разберемся.

У Горюнова зашипела рация.

— Так, веди нашего болезного к Старому рынку, пусть Поликарповне дверь в лавку чинит.

Ну что, пойдем к Поликарповне, может, еще и накормят…

Наломался за день так, что едва поел и завалился на койку. Вытянул гудящие ноги и принялся лениво слушать бормотание радио, что доносилось из зала дежурной смены. Дверь снова прикрыли неплотно, по молчаливому соглашению — он себя прилично ведет, взамен получает

хоть какое-то развлечение.

Интересно, конечно, было бы послушать да поглазеть, что тут днем творится, но день он провел на улицах города, и этого было более чем достаточно для обдумывания. Одна драчка у кромки поля чего стоила. Тлинкитские и белые дети вместе, ну надо же!

Хуц-Ги-Сати не мог понять, отчего это его так задело. Да, конечно, его взбесило покровительственное «меня держись, колоша!», переполняла горечь от того, что гордый и храбрый индейский юноша с таким обожанием смотрел на бледнолицего! Что он не помнил ни своего места в мире, ни гордости своего рода! Но еще гаже было от того, что в самой глубине души завозился червячок тоскливой зависти — за этого пацана вписались… Он вспомнил, как не по-детски деловито и жестоко месили его негры в начальной школе, а на рыпнувшегося в его сторону одноклассника небрежно цыкнули, и тот ушел, опустив глаза.

С того дня Хуц-Ги-Сати дал себе зарок — всегда и везде быть одному. Верить только себе и отвечать только за себя. Кстати, откуда всплыло это странное словечко — «zarok»? Это мир духов проникал в его личность, околдовывал!

От непривычно напряженных размышлений

заболела голова, и индеец решил выкинуть их из головы, прислушаться к тому, что там вещает радио.

— Раньше намеченного завершается визит Его Величества Микадо в Санкт-Петербург. Его Величество микадо с сожалением сообщил, что состояние здоровья вынуждает его вернуться на родину, однако он с теплотой будет вспоминать каждый миг пребывания в столице великой Российской империи. Отметим, что, несмотря на почтенный возраст, император Хирокито Второй лично посетил Российскую империю для участия в переговорах глав стран «Великого Фундамента Мира» — России, Японии, Поднебесной империи, Бразилии и Пруссии, — плыл по комнате бархатный низкий голос. И было в нем что-то настолько успокаивающее, что индеец закрыл глаза и расслабился.

— Продолжается миротворческая миссия Русского экспедиционного корпуса в Белуджистане. Наши доблестные воины при поддержке подразделений прусской тяжелой пехоты провели серию рейдов в пригородах Кветты, имея целью обнаружение оружейных схронов и ликвидацию лабораторий по производству наркотических веществ. Все цели операции были достигнуты, в

ходе оживленных перестрелок ликвидировано семь боевиков, принадлежавших, по информации нашей разведки, к незаконной организации «Сыны Старца Горы». Подробнее об этих и других международных событиях слушайте после выпуска новостей в программе «Мировой эфир с Михаилом Залесским». Гость программы — политолог, военный историк Григорий Пернавский.

Об этом, значит, корпусе ему копы втирали. Понятно — бледнолицые хитры. Русские — еще хитрее и подлее. Ось мира, значит! Захватывают новые страны и народы! Как всегда!

Мужской голос сменил молодой звонкий девичий.

— Теперь расскажем о новостях нашей родной Аляски! Его превосходительство губернатор Аляскинский посетил торжественное богослужение во вновь открывшемся после масштабной реконструкции соборе Архангела Михаила в столице губернии НовоАрхангельске. Его превосходительство высоко оценил мастерство санкт-петербургских, новоархангельских и московских умельцев, принявших участие в реконструкции собора…

Что за Ново-Архангельск, лениво подумал Хуц-

Ги-Сати, но мысль не задержалась… слишком тепло и сыто.

Кольнула тревожная мысль — завтра выпустить должны, сказали, к вечеру, а там — новая неизвестная жизнь…

Ладно, разберемся, сказал он себе и уснул.

— Так, паспорт, права, водительская лицензия, банковские карты в количестве две штуки, наличные деньги в сумме пятисот шестидесяти двух рублей сорока восьми копеек, часы наручные марки «Габю и наследники» на металлическом браслете. Ключи на кольце металлическом, прикрепленные к брелоку в виде животного. — Брязгин шлепнул на стол те самые ключи, пододвинул к индейцу лист желтоватой бумаги и ручку с выдавленным на боку двуглавым орлом. Казенную, стало быть.

— Давай расписывайся, и чтоб глаза мои тебя не видели. Христом-богом тебя прошу, Дима, приди уже в себя. Хоть сегодня не суйся ты в кабак. Тем более я там уже предупредил, чтоб тебе неделю не наливали. — Брязгин потянулся, хрустнув суставами, забрал подписанный бланк и сунул

в папку.

Хуц-Ги-Сати вышел на улицу, постоял, сунув руки в карманы, и двинул куда глаза глядят. Он вдруг понял, что впервые идет по этому городу вот так, вечером, не под конвоем, может остановиться, поглазеть. Может зайти в магазин и купить то, что ему надо…

Кстати, денег-то у него хватит, чтоб купить хоть что-то?

Карты ему отдали, а вот сколько у него денег на тех картах?

Ладно, думаем — если тут он тоже дальнобойщик, то, похоже, зарабатывать должен сопоставимо со старой жизнью. То есть на бухло хватает и на остальное вполне остается.

Хотя черт его знает, как он тут квасит.

Прислушался к себе — вроде пока бухнуть не тянет. Так что подождем с расслабоном.

Мимо прошелестел автобус — кругленький, бело-синий, потрепанный, но чистенький. Вышли несколько человек, по виду рабочие да конторские, разошлись по улице, кто-то в переулок свернул.

Только сейчас он понял, что чего-то в карманах не хватает.

И в людях на улице есть что-то непонятно

чужое.

Как до него это дошло только сейчас?

Видать, крепко его здесь приложили по голове, ну да, потом он все время ходил в комбинезоне и в сопровождении Горюнова, да и, знаете ли, осознать, что ты в другом мире…

Словом, Хуц-Ги-Сати только сейчас понял, что в кармане не хватает прямоугольника смартфона, а люди на главной улице городка кажутся странными потому, что ни один из них не шел, склонив голову, глядя в экран.

Даже ни одной прижатой к уху руки видно не было.

Народу на улице прибавлялось, видать, работали тут, как и в его мире, где-то за городом, может, завод тут какой был или еще что. Или в город покрупнее ездили. Надо будет посмотреть, что тут за Аляска, в конце концов, похожа ли на настоящую.

Не торопясь двинулся, осматривал людей — вроде обычные, одеты, правда, чуть иначе, чем он привык. Ветровки вроде более долгополые у мужиков, похожи больше на плащи, кто в костюмах, у тех покрой чем-то форму старых военных с картинок из учебника истории напоминает.

Женский пол, правда, щеголял кто в чем. Вон

три подружки, лет по восемнадцать-двадцать на вид, в легких сарафанах да босоножках, а вон дама постарше вышла из автомобиля, та в юбке по самые щиколотки, кофте с длинными рукавами, голова покрыта платком. В Ситке так православные ходили, когда молиться шли. У этой, правда, платок поярче.

У дверей магазина «Скобяные товары» болтают о чем-то тетки, у них на плечи накинуты большие платки, в росписи которых странно сочетаются яркие красные цветы с широкими округлыми лепестками и узнаваемые с первого взгляда сине-черные тлинкитские глаза, вписанные в продолговатые прямоугольники со скругленными углами.

Как же они все тут звонят? Как шлют сообщения? Компьютеры же тут есть!

Вот один зашел в стеклянную будку, разрисованную красно-сине-белым орнаментом, взял в руки массивную изогнутую ручку и приложил к уху…

Да ладно? У них тут телефоны на улицах, как в старых фильмах?!

Час от часу не легче.

«Помни, любая связь — это возможность следить за тобой. Белые делают все, чтобы знать

каждую твою мысль», — вспомнил он встречу на квартире, которую сняли для собрания парни из «Железных сердец». Тогда крохотный щуплый старичок много и немного путано рассказывал им о том, как федеральное правительство следит за ними невидимыми лучами. Но и немало толкового рассказал. Например, о том, как обмениваться информацией по электронной почте так, чтобы ее не отслеживали. Просто писать письмо и класть его в папку «Черновики», а пароль от ящика заранее давать только тем, кому его надо знать. Так что полезные вещи Хуц-Ги-Сати слушал, а про невидимые лучи пропускал. Сейчас, правда, пожалел. Может, и про лучи не врал. Вон оно как повернулось-то.

Глядя на телефонную будку, глаза сощурил — значит, тут белые поработители даже не скрывают свой тоталитаризм и угнетение его народа! Еще бы, такие телефоны прослушивать еще проще, чем мобильники. Небось на каждой телефонной станции сидит zhandarm — всплыло откуда-то… и нарисовался мерзкий человечек в синем мундире и с большими усами, торчащими в разные стороны, — сидит, словом, он и подслушивает.

Размышляя таким образом, Хуц-Ги-Сати шел

куда ноги несут. А несли они его под гору, туда, где многоквартирные четырех- и пятиэтажки окончательно сменялись маленькими домиками с палисадниками, а то и огородиками вокруг. С островерхими крышами и резными наличниками.

Вот, снова… Незнакомые вроде слова все чаще пробивались в сознание, будто ломался тонкий ледок и из темной глубины возвращались знания и опыт другого человека. Или это был он сам? Ну, как в том фильме с китаезой, где он собирал разные версии себя?

«Настоящий воин умеет ходить между мирами», — говорил Человек Без Лица, но тогда Хуц-Ги-Сати решил, что тот говорит о мирах белого человека и цветных… А вдруг?

Такое в голове не укладывалось.

К тому же хотелось жрать.

Он выкинул из головы хождение по мирам и стал оглядываться в поисках магазина. Неужели у них тут все только в центре вокруг площади?

Нет, вон ниже по улице вывеска на длинном доме.

«Воин непредсказуем. Дороги воина нельзя

предвидеть», — наверное, тот, кто рассказывал об этом Хуц-Ги-Сати, имел в виду что-то другое, но индеец и сам не ответил бы, почему его ноги свернули к крохотному дому с побелевшей от времени потрескавшейся шиферной крышей и слепым от пыли и грязи окошком чердака. Может, ворон на коньке показался знакомым? Он такого вырезал несколько лет назад, дарил шаману, к которому приезжал в поселение на посвящение.

Ключ мягко повернулся, тлинкит вошел, постоял, привыкая к темноте.

Зашарил по стенам: проклятье, где тут выключатель-то?

В голове почему-то ярко мелькнуло: сейчас он включает свет, а напротив него стоит кто-то черный, невидимый в темноте и очень страшный.

Выключатель оказался там, где он примерно и рассчитывал, крохотная прихожая оказалась пустой. Да и места для второго человека в ней почти и не было, индеец сам чуть не утыкался во внутреннюю дверь.

Которая оказалась незапертой.

За окнами только начинали собираться сумерки, и он медленно обошел маленькую вытянутую комнатку, которая и была настоящей прихожей, заглянул за приоткрытую дверь слева — унитаз

за занавеской, душевая кабинка, полка с хозяйственной всячиной.

По правую руку кухня, за ней узкая комната пеналом. В ней явно жила пожилая женщина.

Вот и фото на комоде. Сердце защемило — это была его мама. Самая настоящая его, хоть и одетая непривычно и снятая на фоне христианской церкви.

И постель была заправлена так, как мама заправляла, — подушки аккуратной горкой, одеяло туго затянуто под матрац.

Только теперь он понял, что так и таскает в руке пакет со снедью, купленной в магазине «Самобранка», где его, конечно же, узнала дородная краснощекая продавщица.

— Димочка, глазам не верю! Мне как Евграфыч-то сказал, что ты в кабаке сцепился, так я и не поверила! Ты что ж, и до дома не добрался?

Она все вещала, а индеец лишь кивал да водил взглядом по полкам. Что ж взять-то такого!

— Отощал ты совсем! Тебя там Евграфыч что, не кормил? Слушай, нам тут пельмешки привезли, «От Смирнова», пальчики оближешь! Бери, сейчас самое то! И сметанки, сметанки!

Она уже ставила на прилавок пластиковый стаканчик с синим узором и надписью «Настоящая

Чикинская!».

Индеец только рот открыл, но продавщица снова рукой махнула:

— Ой, да знаю я, что колоши рыбку уважают да всяких гадов морских! А я тебе так скажу: рыбка рыбкой, а мужик мясо есть должо`н да сметанку кушать, тогда и силы у него и на работу, и на всякие приятственные дела будут!

И игриво подмигнула.

Индеец решил вздохнуть и изобразить смущение…

Пельмени он в холодильник убрал, а вот включить его забыл. И пошел дальше осматривать дом. Трогать незнакомые вещи, которые, однако, отзывались в нем какими-то далекими отголосками узнавания. Смотреть фотографии, которых тут оказалось немало. Среди них — его собственная в незнакомой военной форме, на погоне две узкие золотистые полоски. Сзади видна огромная многоколесная машина пустынной защитной окраски. Еще и замаскированная сеткой. Он очень молодой, смотрит серьезно, мрачно, внизу напечатано — он поднес поближе к глазам:

«Младшему унтер-офицеру Смирнову на память о службе на благо Российской империи».

Захотелось швырнуть рамку с фото через комнату, но он сдержался и осторожно поставил обратно на полку.

То есть его еще и заставили служить белым.

И не просто белым — русским!

До какого еще коварства дошли эти колонизаторы?

Словом, когда он добрался до кухни, жрать хотелось нестерпимо, а пельмени слиплись в здоровенный ком. Внутри которого, если верить надписи на упаковке, пряталась «начинка из нежнейшего говяжьего фарша, вкус которого приведет в восторг даже самого строгого ценителя высокой кухни!». Буквы как-то сами складывались в слова после небольшой задержки, словно кто-то их переводил на ходу.

Хуц-Ги-Сати помянул добрым словом продавщицу, которая сунула ему бутылку растительного масла, нашел сковородку, оторвал половину кома пельменей, не задумываясь, открыл шкафчик и достал скалку.

Раскатал ком в блин наподобие пиццы и отправил в духовку.

Когда стемнело, он, осоловелый от неожиданно нажористой пельменьпиццы (а предупреждала же упаковка!), с кружкой чая завалился на диван перед телевизором.

Настала пора посмотреть, что же происходит в этом мире.

Пульт лежал на столике перед диваном. Довольно большой плоский телевизор стоял на тумбочке у противоположной стены. Марка незнакомая, надписи нет, только снизу по центру эмблема — серебристый кружок, украшенный орнаментом из листиков, на нем с краю стилизованное золотистое с красным мазком яблоко.

Только сейчас он подумал, что «тиви» может и не работать.

Да и как он включается-то?

Ткнул в зеленую кнопку слева — по идее, должен выпасть последний канал, который он смотрел.

Но сначала появилась заставка — уже привычный двуглавый орел на фоне колышущегося трехцветного полотнища и по кругу медленно скользят слова: «Всемирная телевизионная сеть “Дальновид”».

— После небольшого рекламного блока на нашем канале документальная программа «Ве-

ликие народы великой страны», посвященная самому многочисленному народу Аляскинской губернии — тлинкитам. Из этого фильма вы узнаете об истории тлинкитов, их культуре, обычаях и великих людях, ставших гордостью нашей империи.

Девушка была молоденькая, бронзовокожая, с волосами цвета воронова крыла. Легкая блузка с «глазастым» узором расстегнута ровно настолько, чтобы намекать на девичьи округлости в нужных местах.

Что ж, подождем, посмотрим рекламу…

— ВЕЛИКИЕ НАРОДЫ… — разнесся густой баритон, заколыхалось знамя, поплыли буквы «Имперское Историческое общество представляет…».

— Тлинкиты… Отважные воины и бесстрашные мореходы. Искусные ремесленники и удачливые купцы. Искони они населяют огромные пространства Аляски, живя в ладу с природой и соблюдая Божьи заповеди.

На экране появлялись картины, многие из которых были Хуч-Ги-Сати знакомы. С того времени, как он осознал, что бледнолицые украли у его народа будущее, он старался найти все, что мог, о прошлом. Правда, поскольку и времени, и навы-

ка такого не было, да и на одном месте он сидеть не любил, дело ограничивалось случайными книжками, картинками и постами в Интернете да редкими беседами с шаманами. Большая часть которых оказались мошенниками.

Но картинки он рассматривать любил.

— Непросто складывались отношения тлинкитов с русскими людьми, пришедшими с миром как гости и купцы, как мирные соседи и просветители. Были и взаимные обиды, ведь гордые мужественные тлинкиты, которых первые переселенцы назвали «колоши», ревностно охраняли свои свободы. В 1792 году сошлись они в жестокой схватке, когда тлинкиты сочли высадку партии Александра Баранова, что исполнял поручение государя, на остров Хинчинбрук обидой. В той схватке Александр Андреевич чуть не погиб, но оценил мужество и благородство тлинкитов.

К сожалению, это столкновение было не последним.

«Конечно, не последним, — злорадно подумал Хуц-Ги-Сати, — двести лет мы с вами воевали, двести лет не покорялись!»

Словно отвечая на его слова, появилась картина нападения великого Катлиана на поселение, которое русские называли Михайловской кре-

постью.

— Много людей погибло в том бою, вызванном отчасти неуклюжими действиями Ивана Александровича Кускова, что вышел на байдарках промышлять калана в воды, которые тлинкиты обоснованно считали своими. В тех трагических событиях погибли и безвинные промысловики Василия Кочесова, и почти все защитники крепости. Защищая женщин и детей, не делая различия между русскими и эскимосами, кои тоже находились в крепости, они отчаянно сопротивлялись и погибли настоящими героями.

— Да мы вас тогда просто поимели! — заорал Хуц-Ги-Сати. — Ваших пленных потом бледнолицые на кораблях забирали и вам же за выкуп отдали! Врете! Врете все!

— Не в лучшем виде проявили себя тогда граждане страны, которая ныне зовется Северо-Американскими Штатами, а также военные моряки Британии. Отбив огнем пушек пленных у тлинкитских вождей, они истребовали выкуп у российских подданных. Ради сохранения жизни и благополучия подданных империи выкуп был заплачен.

И в последующие годы Британия и Северо-Американские Штаты не раз пытались вбить клин,

разжечь огонь вражды между тлинкитами и Россией. Трагической страницей стало истребление людей в поселении Якутат, что последовало за боем при крепости Ситка, которую выстроили подговоренные англичанами тлинкиты. И лишь объединенная мудрость губернатора Аляскинского и вождей народа тлинкитов привела к тому, что к 1821 году противоречия удалось сгладить. К тому же ослабло влияние британских и американских подстрекателей, поскольку к тому времени обострились противоречия, приведшие затем к кровопролитной Гражданской войне и дроблению штатов.

— Это ложь! Вы… Вы *лжете*! Вы вышибли! Вышибли вас! Мы вас всех, и янки, и бриттов, крутили, пока наш народ не споили!

— К счастью, мудрость тлинкитских вождей, которые увидели, как исчезают целые братские народы индейцев, населяющих территории сегодняшних САСШ, и приняли историческое решение, приведшее к расцвету тлинкитских родов, — просить подданства у Его Императорского Величества.

После этих слов Хуц-Ги-Сати сидел молча, лишь зубы сжал так, что свело скулы.

Менялись кадры, рассказ о том, как тлинки-

ты сдались русским колонизаторам, сменился сладеньким враньем о расцвете его народа, расселении по просторам Аляски, строительстве школ и больниц, о предателях, сделавших карьеру на службе у русских…

Очень хотелось выпить. Он прямо чувствовал горьковатый вяжущий вкус, но в доме не нашлось спиртного. Никакого.

Видимо, он набухался в кабаке, а сейчас покупать спиртное не решился, ну его, злить исправника сейчас. Разобраться надо…

— …Славные воины, отважные и ловкие разведчики, люди, чья стихия и суровое море, и столь же суровые леса, — колоши — стали гордостью русской армии, дав ей немало настоящих героев. Одной из самых героических страниц, после которой имя «тлинкит» стало символом воинской доблести русской армии, стала легендарная «атака колошей» с моря во время высадки на пляжи Нормандии.

Хуц-Ги-Сати не мог оторваться от экрана.

Съемка шла с берега — тупоносые десантные корабли надвигались на берег, а опережая их, неслась волна настоящих тлинкитских лодок. На носу каждой воин в шлеме с головой орла — настоящем боевом шлеме! Над лодками — знамена,

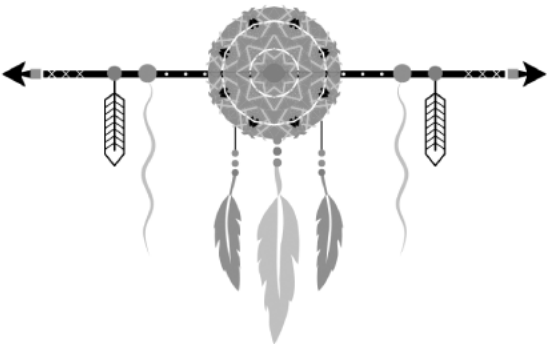
на многих из которых родовые знаки, он узнавал их! Невидимый противник вел пулеметный огонь, но волна была неудержима! Она накатилась на берег, воины со странными автоматами и винтовками в руках ловко выпрыгивали в прибрежные воды, кто-то падал, закачались на волнах тела, но остальные неслись по берегу, и уже откидывались борта десантных кораблей, и новые волны накатывались на берег.

«Они гибнут, добывая победу бледнолицым колонизаторам!»– подумал он с холодным бешенством. Теперь он точно знал, что не сможет жить в этом лживом мире.

— Храбрые воины с Аляски не только опрокинули хваленую Старую гвардию французов, но и затем раз за разом отражали атаки превосходящих сил противника, удерживая плацдарм до подхода тяжелой панцирной пехоты кайзера. Участием в этом деле Вторая Тлинкитская дивизия заслужила звание гвардейской, знамя из рук Его Императорского Величества, а церемониальные шлемы и шакатсы в посеребренных ножнах с вензелем навсегда стали частью их парадной формы.

Хуц-Ги-Сати не выдержал и выключил телевизор.

Эпизод 2. Тихий городок



Выспался удивительно хорошо, хотя под утро снилась какая-то непролазная хрень, от которой он проснулся в поту, выматерился от души на своем новом языке, стащил пропотевшую майку и уснул снова.

Проснувшись, обнюхал себя, подвывая, постоял под холодным душем, поскольку кран с горячей лишь издевательски зашипел, растерся жестким, задубевшим от времени полотенцем, провел рукой по подбородку.

Ладно, пока сойдет.

Кофе в доме не было, отчего Хуц-Ги-Сати озве-

рел. Порылся в кухонных шкафах, нашел пакет какой-то сухой травы. На упаковке — кустик нангунберри с ягодами, что-то вроде морошки, называется все это «Лучший травяной сбор “Утро колоша”».

Ладно, попробуем.

Дожевывая разогретые на сковородке остатки вчерашней пельменной пиццы, Хуц-Ги-Сати прихлебывал травяной сбор, оказавшийся, к его удивлению, не слишком мерзким, и делал то, что надо было сделать еще вчера, — раскладывал документы из потрепанного бумажника и думал.

Так, кредитки почти такие же, как те, что были у него в настоящем мире. Банки, правда, незнакомые, и как проверить баланс — непонятно, ничего похожего на банковские приложения не наблюдается. Да и куда их устанавливать, на микроволновку?

Он с тоской обвел глазами кухню. Взял чашку и прошелся по комнатам — да, память не подвела, ничего похожего на ноутбук или системник не нашлось.

Ладно, вернемся к карточкам.

На обеих непривычными буквами, которые он тем не менее понимал, «Дмитрий Смирнов». Имя, которое в этом мире ему дали белые захват-

чики. Ладно, главное, чтоб можно было деньги получить.

Если Хуц-Ги-Сати в голову что втемяшивалось, выбить оттуда было почти невозможно. Разве что вместе с мозгом. Но, как говорил ему учитель физкультуры в старом мире, «лобная кость у тебя, как у гориллы, не прошибешь». Вот только мало что через эту кость пробивалось, к тому же мешал поганый взрывной характер. Индеец порой после первой-второй порции выпивки это даже понимал и вздыхал. Особенно вспоминая баб, которые с ним долго не выдерживали, но потом вливал третью, и становилось полегче, виноватые в нескладной жизни находились без проблем, и все шло своим чередом.

Сейчас желание выбраться из этого мира лжи становилось как раз такой идеей. Он еще не понимал, куда и как, но уже знал, что обязательно вырвется туда, где есть правда и независимость. Где бы это ни было.

Для этого нужны деньги.

Для всего на свете нужны деньги, это он давно усвоил.

Окей, эта карта черно-желто-белая, в правом верхнем углу какой-то хитрый вензель, по центру тоже выбито «Дмитрий Смирнов». Он, значит.

Вторая светло-зеленая, совсем простая и потертая. Видать, он ею чаще пользовался. Поверху черными буквами «Азовско-Донской коммерческий банк».

Так, с картами понятно.

Точнее, понятно, что он клиент двух банков и с ними надо будет разбираться. Понять, сколько денег у него есть, как их снять или перевести туда, куда ему нужно, и есть ли тут что-то вроде привычного пин-кода.

Кстати, что там еще в кошельке?

Была у него привычка бумажку с пинами складывать и в боковой кармашек засовывать.

Ага… и тут что-то похожее.

Уже проще.

Со связью — вот тут непонятки, значит, будем искать. Как-то же они, кроме трубок в будках, друг с другом говорят, мониторы на столах в участке он видел, документы на принтере отпечатаны. Их Горюнов и называл «множилки». А говорили при нем копы по трубкам, от которых шли провода к пузатым аппаратам на столах. Не привычные витые, а широкие и толстые, лентами.

Так, что у нас есть еще?

Записная книжка.

Почерк у него здешнего оказался почти такой

же, как и в том мире, — крупный, округлый, по-детски неуклюжий. Зато понятный.

Писать он, видимо, не любил, значит, записывал только важное.

Ага, это, видимо, расходы. Что-то он прикидывал. Литры, километры, «Верхнее Егорьево — Затонск»… «Позвонить на заправку Грицаю».

Что за Грицай, зачем звонить?

«Лерка, Постоялый двор». Постоялый отчего-то с большой буквы, потом ряд цифр. Десять. Телефонный номер? Видать, с кодом. Интересно, что за Лерка. И кстати, далеко ли она отсюда, а то что-то… кхм… одиноко.

Ладно, не до баб.

А вот это интереснее.

«Грузовоз — Колош2516 — Рыба_прибой».

Похоже на логин с паролем?

Похоже.

Уже веселее, значит, есть куда вводить.

Куда и как вводить, он разобрался к вечеру. Решив, что сидеть дома смысла нет, да и подозрительно будет, а осмотр комнат лучше отложить до вечера, он отправился бродить по улицам и смотреть.

Городок был невелик, даже те, кто его, может, и не знал, вежливо кивали, мужчины все больше

прикладывали два пальца к козырькам фуражек и кепок разного вида. Головные уборы тут носили почти все, включая молодежь, и на Хуц-Ги-Сати посматривали неодобрительно.

Решив, что лишнее внимание привлекать не стоит, вспомнил, что неподалеку от полицейского участка в длинном трехэтажном здании был торговый центр, который здесь назывался «Городские торговые ряды». Внутри, правда, побывать еще не удалось, туда его работать не водили, а после отработки наказания он туда заглянуть не решился — пока не разобрался, что ж у него с деньгами.

Вот, кстати, чуть не хлопнул он себя по лбу, деньги-то он посчитал. Прикинул цены в магазине, примерно понял, на что у него хватит наличных. А где и как проверить счета? Вчера ж о том думал!

Да-а, крепко его приложили.

Должно же тут быть отделение банка? Городок хоть и маленький, но явно не бедный. Кажется, он видел что-то такое ниже вот по той улице — память у Хуц-Ги-Сати всегда была неплохая. А после того как он начал встречаться с «Железными сердцами» и слушать Человека Без Лица, учился еще и запоминать как можно больше из

окружающего мира.

Правда, получалось плохо, он быстро отвлекался, мучительно пытался вспомнить, что же было вот на той вывеске, мимо которой он проехал пять минут назад. Если не получалось, раздражался и злился на себя и весь мир.

Ладно, сначала кепка какая-нибудь, а то на него коситься начали.

В торговом центре он немного выдохнул, хоть тут что-то привычное. Небольшие магазинчики со шмотьем, косметикой, обувью, в конце галереи — большой продуктовый. Эскалатор на второй этаж, откуда доносилась непривычная, но не раздражающая музыка. Туда мы не пойдем, решил Хуц-Ги-Сати и направился по проходу.

— Димка! Ты чего носа не кажешь? — из стеклянных дверей магазинчика с вывеской «Модная одежда “Две столицы”» выглядывала моложавая женщина. Или молодая? Черт его разберешь, словом, примерно одних с ним лет. Симпатичная, но косметики — столько только порочные белые женщины на себя наносят! Но фигуристая, хоть и чуток полноватая, оценил индеец. И крашенная в блондинку и рыжую чередующимися прядями, а это недопустимо для порядочной женщины!

Пришлось сделать неопределенный жест, изоб-

разить приветствие.

И улыбнуться.

— Да ты заходи, народа пока никого, поболтаем! — кивнула на дверь рыже-белая. — Тут Влад Стешин вчера забегал, баял, ты опять к Евграфычу загремел?

Она помахала кому-то, привстав на цыпочки, глядя в конец галереи, где был продуктовый. Хуц-Ги-Сати решил, что поворачиваться не стоит.

Развел руками, смущенно улыбнулся, пошел к неведомой знакомой. На обширной груди слева к кофточке, расписанной синими цветами, приколот бейджик: «Старший приказчик Владимирова Елена Павловна». В голове всплыло — Ленка Егоза. И картинка, яркая такая, — школьный коридор, шум, топот, и Ленка, только с длинной русой косой, стоит посреди рекреации, уперев руки в боки, что-то язвительно выговаривает. Кому — непонятно. Интересно, у него и дальше эта не пойми чья память всплывать будет?

Ленка подвинулась, пропуская его в магазин, ненавязчиво задела бюстом. Индеец сделал вид, что не заметил.

Магазинчик был невелик, но опрятен, чувствовалось, что за ним следят не просто по приказу, а душу вкладывают. На длинных секционных ве-

шалках одежда — по четыре вешалки на мужскую и женскую, на стенке слева, на крючках, — о, то что нужно: кепки, фуражки, в голове появилось новое слово: «картуз» — вот, картузы эти.

К этому стеллажу он и направился, на ходу бросив:

— Ну да. Как-то оно нескладно получилось.

— Ох, Димка, Димка, все у тебя нескладно, как матушка твоя преставилась, упокой Господь ее душу. Светлая женщина была, хорошая, — вздохнула Ленка. Кажется, искренне, и, странное дело, боль за незнакомую женщину из чужого мира кольнула душу. Может, потому, что в том, настоящем, мире о его маме он ни от кого таких слов не услышал. А она их ох как заслуживала!

— И что тебя к бутылке-то понесло? — продолжала причитать-отчитывать Ленка. — И работник-то ты хороший, и парень видный. По тебе ж все девки начиная с шестого класса сохли.

Тут она вздохнула, и Хуц-Ги-Сати снова изо всех сил этого не заметил.

Чтоб точно не заметить, примерил черную фуражку с низкой тульей. Посмотрелся в зеркало — не, что-то не то.

— И куда ты любимую свою кепку-то дел? Потерял по пьянке, да? На вот, примерь, нам такие

недавно завезли, все водилы берут. Говорят, прям последний писк!

Вот эта кепка и правда шла больше. Да и козырек был у нее длиннее, хотя и не такой вытянутый, как у привычной бейсболки. Но если на лоб малость сдвинуть, должно быть вполне себе.

— Леночка, ты просто чудо, — улыбнулся он и полез за бумажником. — Беру не глядя!

— Да ты уж погляделся, — расхохоталась продавщица, — давай ярлычок сниму.

Кассу удалось опознать сразу, хоть и была она какой-то… тоже будто и современной, а словно из кино про старую жизнь. Когда еще не все было пластиковым и цифровым.

— Давай прикладывай, — ткнула Ленка в темный прямоугольник рядом с вытянутым окошечком кассы, где горели красным цифры — цена, стало быть.

Хуц-Ги-Сати достал карточку, приложил. Звякнуло, окошки мигнули зеленым.

Ленка неодобрительно посмотрела на потертый бумажник.

— Хоть лопатник-то смени, нормально зарабатываешь ведь!

Словом, выходя из магазинчика, Хуц-Ги-Сати выдохнул с облегчением, надеясь, что продавщица не услышит. И с легким сожалением: одноклассница в открытую сигналила, что не прочь продолжить беседу в другом месте и… кхм… в другом положении.

Поняв это, он приободрился. Раз на баб потянуло, значит, приходит в себя, организм после побоев и травм восстанавливается.

Но все это потом, сейчас надо решить вопрос с деньгами и понять, где ж у него трак. А он есть, вон и права, и лицензия в документах обнаружились, значит, он в деле и тоже, как в старом мире, дальнобоем занимается.

Но там все было понятно — трак в лизинге, заказы он брал через приложение, отвечал только перед собой и заказчиком.

Время от времени, правда, возникали профсоюзные трепачи, но он их начал посылать, как только стал работать на себя. Мужчина в ответе только перед собой, своей семьей и родом. Семья, увы, сократилась до него самого, род… Тут Хуц-Ги-Сати криво усмехнулся: где был тот род, когда он остался без родителей?

Ладно, не время отвлекаться.

Разбираемся с деньгами.

Банк обнаружился там, где он и предполагал.

Под вывеской «Азовско-Донской коммерческий банк. Городская контора. Открыто с 8 утра до 7 вечера ежедневно, кроме воскресенья».

Контора оказалась небольшой и даже какой-то уютной, хоть и малость обшарпанной. В небольшом вестибюле обнаружился банкомат с надписью «Выдача кредитных билетов» и странной клавиатурой — кнопки были круглыми, как на старинных печатных машинках, а экранчик маленький и темный. «Не работает, что ль?» — мимоходом подумал индеец. Впрочем, это все потом.

Только сейчас он подумал, а как объяснять-то будет, зачем пришел?

Кредит брать? А вдруг на нем уже кредитов как на собаке блох? Да и трак здешний может тоже в лизинге быть — не, не вариант.

Только сейчас он понял, что на него внимательно и терпеливо, как комодские вараны, смотрят сразу трое конторских.

Охранник — тот сидел за столом сразу слева от входа, смотрел равнодушно и выжидательно. Поймав взгляд индейца, слегка кивнул: мол, вижу.

Юная дева лет семнадцати на вид смотрела с

несколько большим энтузиазмом, чем хорошо поживший, судя по строгому морщинистому лицу, худощавый мужчина в темно-сером костюме-тройке и белоснежной сорочке. Серый галстук «с искрой» сдавливал горло так, что индеец непроизвольно повел шеей, проверяя, сам-то он дышать может?

Больше в конторе никого не было, так что Хуц-Ги-Сати буркнул неразборчивое «здрасьте» и направился к владельцу костюма.

Тот указал на стул перед ним.

— Что же привело вас к нам, Дмитрий Христофорович? — голос у банковского клерка оказался глубокий и мягкий. Бархатистый такой, даже странно, а на вид сухарь сухарем. Смотрел он при этом, правда, не то чтобы с брезгливостью или пренебрежением, а таким… индеец понял, что слова не знает, но, в общем, как на него глядят, не нравится, и тут же привычно озлобился.

— Дела меня привели! — отрывисто бросил он.

И только тут сообразил, что мужик-то его по имени-отчеству назвал сразу, без всяких бумажек! То есть знает достаточно хорошо. К счастью, на столе стояла табличка с эмблемой банка и текстом: «Старший специалист Соломатин Яков Вениаминович».

— Я, Яков Вениаминович, счет открыть хочу. — «И какой же ты счет-то открыть хочешь?» — ехидно поинтересовался у него внутренний голос. И Хуц-Ги-Сати решительно добавил: — Накопительный, значит! Чтоб на черный день или там на старость…

Яков Вениаминович аж вперед подался. «Неужели я что-то не то ляпнул?» — похолодел Хуц-Ги-Сати. А ну как есть у него тут уже такой счет? Хотя в настоящем мире, где его до сих пор небось ждет шеф Андерсон, ничего подобного у него никогда не было, и мысли такой даже не возникало.

— Дима, да ты никак за ум взяться решил? — тихо и как-то совсем не официально спросил его служащий. — Неужто прочистил тебе Брязгин мозги наконец?

Впрочем, тут же Соломатин принял официальный вид и сел прямо.

— Что ж, молодой человек, могу только приветствовать такое взвешенное решение. Тем более клиентом нашего банка вы являетесь не первый год.

Тут он хмыкнул и добавил:

— Не самым, правда, крупным и надежным, но долги гасите всегда.

Хуц-Ги-Сати, он же мещанин Смирнов, только кивал болванчиком.

— Итак, что же именно вы хотите?

— Да мне б для начала выписку, наверное, да и это, ну, предложения ваши разные.

— Выписку мы, конечно, сейчас организуем. — Соломатин застучал по клавиатуре. Такой же странноватой, как у банкомата, — с круглыми, поднятыми над нижней панелью кнопками. Дисплей у него был прямоугольный, вытянутый, с непривычным соотношением сторон. Что там на нем было, индеец, конечно, не видел. Но судя по тому, как служащий кивнул, полной голытьбой Хуц-Ги-Сати в этом мире не являлся. С чем он себя и не преминул поздравить.

Соломатин встал, вернулся откуда-то со скрепленными канцелярской скрепкой листами и большой папкой в цветах банка. Видимо, рекламными буклетами о счетах.

Положил на стол, достал листы дорогой на вид бумаги с картинками, диаграммами и цифрами и взялся за ручку.

Понизив голос, снова обратился к индейцу:

— Я вам, Дмитрий Христофорович, сейчас подборку продуктов по нашим предложениям, конечно, сделал и сейчас передам. Но поскольку

знаю вас давно, а к почтенным вашим родителям всегда относился с глубоким почтением, то советую обратить внимание вот на эти и эти варианты счетов. — Он что-то отчеркивал на листах и продолжал говорить: — Хоть у них и не самый высокий процент, но если вы смотрите на долгосрочную перспективу, увидите, что условия наиболее выгодны. Как я понимаю, вы пока собираетесь и дальше заниматься дальними перевозками, транспортное средство у вас уже практически в собственности, осталось внести пару взносов, как я вижу. После чего советую примерно такую же сумму вносить на накопительный счет. Это позволит вам и привычный образ жизни сохранить, и серьезно накопить за относительно небольшое время.

— А что там со штрафами за досрочное снятие? — решил блеснуть знаниями Хуц-Ги-Сати. С таким он столкнулся один раз в прошлой жизни, после чего долго вставлял карточку в банкомат с легким холодком по спине.

— Вы о чем? — непонимающе глянул на него Соломатин. — Вам вообще кто такое напел? С какой поры у нас законы дикарей из САСШ действовать начали?

— Да краем уха от кого-то слышал о новых

правилах, я ж так, особо не понимаю, — пожал плечами индеец, изо всех сил пытаясь сохранить бесстрастное лицо. А про себя отметил, что в этих самых САСШ законы-то, похоже, как в привычном мире.

Настоящем.

Честном. Где ты отвечаешь за себя и за каждое свое действие.

Соломатин тем временем собрал документы в пакет, протянул Хуц-Ги-Сати.

— Вот, изучайте. Или же я могу подробнее рассказать вам сейчас, чтобы, не затягивая, оформить все документы.

— Спасибо, Яков Вениаминович, — почти искренне ответил, принимая пакет, Хуц-Ги-Сати и встал. — Я дома спокойно посмотрю, пожалуй.

Служащий даже привстал, протянул руку.

— Заходите, Дмитрий, заходите. Я рад, что вы, похоже, одумались.

Юная дева смотрела на них все так же скучающе.

А Хуц-Ги-Сати шел по улице, не замечая летнего, на удивление теплого и солнечного дня,

и думал.

Слова банковского служащего стронули что-то в сознании индейца. Дикари из САСШ… законы из того, старого мира… что-то знакомое ему, там, где можно жить по привычным правилам.

И где, наверное, говорят на нормальном языке, а не этом — слова которого возникают в голове будто из ниоткуда, но кажутся привычными. От этого все время ощущение какого-то морока.

Вот, опять неизвестное, но понятное словечко!

Индеец тряхнул головой и затопал к почтовому отделению. Где почта, там и телефон, а где телефон, там и Интернет.

Или что тут у них вместо него?

Должно же быть что-то, не из воздуха ж добыли в банке данные его счета.

Да и логин с паролем он явно не от посудомойки записал.

Но тут в животе заурчало, а прямо по курсу показалась вывеска «Кухня Семеновны» и слоганом ниже: «Заходите всей семьей — вкусно как дома!».

Дома он оказался только в сумерках, с красными

глазами и квадратной головой. Едва не пролетел мимо продуктовой лавки, чертыхнувшись себе под нос, зарулил, плюхнул перед продавщицей пакет пельменей — эти он хотя бы понял, как готовить. Подумав, цапнул из холодильника пару бутылок пива. На этикетки смотреть не стал, главное, светлое, темное он не понимал.

А дома достал из карманов распечатанные листы и стал разбираться дальше.

Но сначала ополовинил первую бутылку.

Легенькое, но ничего.

Сейчас, пожалуй, крепче и не надо.

Крепче можно будет, когда он вырвется в нормальный мир.

Поскольку здесь белые колонизаторы не стеснялись. Русские-то к рабству привыкли, об этом он слышал с детства в том своем нормальном мире. И пожалуй, это была одна из немногих вещей, где он белым верил. Это придавало еще большее значение героическому двухсотлетнему сопротивлению его народа русским поработителям.

В этом мире рабами безжалостной империи стали все.

Привычного Интернета, компьютеров в каждом доме и мобильников тут не было. А были терминалы с бесплатным доступом в нечто,

называвшееся Всероссийской Сетью Передачи Сообщений.

Для входа в которую и нужны были нацарапанные на бумажке логин и пароль. Логин, правда, тут назывался умным словом «публичный псевдоним». Обнаружилось и что-то типа емейла, письма он нашел по зеленому кружочку около значка конверта с надписью «Депеши». Что это за депеши, он не знал, но почти привычной «мышкой» двинул уверенно и сумел-таки прочитать пришедшие письма.

Одно было из банка, ему прислали цифровую копию банковской выписки, два других от «отдела по работе с артелями и частными перевозчиками» некоей конторы «Демидов и наследники».

За соседним столиком негромко, но отчетливо костерили управу и какую-то «губернскую контору» две бабки. Одна в платочке, вторая в залихватски сдвинутом набок беретике с вязаным цветочком. Были бабки друг на друга не похожи, но сразу ясно — подружки не разлей вода. Не первый десяток лет.

— Макаровне вон тоже на полтора рубля лишних насчитали! — не отводя взгляда от монитора, вещала одна. — А куда иттить-то теперь, и непо-

нятно.

— Так они ж со Старобобровской съехали, ремонт себе затеяли, ты чего, Петровна! К инженера`м иди! — советовала кругленькая розовощекая в беретике.

— Да какие инженера`, ты ополоумела, что ль? Говорю ж, оплату мне не так посчитали! И теперь, говорят, через этот твой кабинент разбирайся!

— Ой, ну так ты не туда тычешь! — Берет начала стучать пальцем с тоненьким колечком по экрану, и бабки, понизив голоса, зашипели друг другу, неодобрительно косясь на Хуц-Ги-Сати.

Отчего-то индеец и правда чувствовал себя не в своей тарелке. Обвел взглядом помещение — духи и предки! Ну да, кроме тех бабок за столиками еще трое, нет, четверо людей в возрасте «крепко за 65», и все посматривают на него время от времени с удивлением.

Скрипнула дверь, через зал с бумагами в руках шел молодой парень в серо-голубой, явно форменной куртке.

Увидел индейца, удивленно поднял брови.

Подошел, хлопнул по плечу.

— Дим, ты-то что здесь забыл?

— Да вот, решил проверить… — Индеец кивнул на экран.

Почтарь наклонился к его уху.

— А что к старичью-то? Ты ж обычно в «Новгородце» дела ведешь, как в родные края наведываешься.

Здрасьте… Еще и «Новгородец» какой-то…

Ответ пришел в голову сам — не иначе, духи предков шепнули.

— Да должны были маршрут скинуть от Демидовых, а я поблизости от почты был. Вот и думаю, что время тратить. Заодно, мож, и товарища повидаю. — И Хуц-Ги-Сати, изобразив улыбку, легонько ткнул почтаря кулаком в плечо. Надеясь, что улыбка не слишком похожа на оскал.

— А, ну это да! — Служащий выпрямился. — Если надо, печатай, вон множилка.

Он кивнул на такой же серо-синий, как его куртка, куб в дальнем от Хуц-Ги-Сати углу зала.

— Ага, спасибо.

Да, идея распечатать была неплохой.

А потом Хуц-Ги-Сати отправился бродить по городу.

Он вел себя так, будто был в рейсе.

Смотрел по сторонам, подмечал мелочи, которые могут пригодиться, если, а скорее — когда придется возвращаться той же дорогой.

Странное это было ощущение — городок этот он

видел впервые, но ноги сами несли его туда, куда нужно. Стоило подумать, что хочет мороженого — а был Хуц-Ги-Сати великим сладкоежкой, хотя никому в том не признавался, — как он понял, что надо вернуться до перекрестка, свернуть и подняться к главной площади города, и самое вкусное мороженое будет именно там.

И продавщица, пожилая бабушка, судя по внешности, чистокровная тлинкитка, его узнала, заулыбалась.

— Есть, есть твое любимое, Димочка, изнеровское. Недавно из Ново-Архангельска привезли.

Хуц-Ги-Сати откинулся на спинку дивана.

Улыбнулся, вспоминая мороженое. Действительно, вкусное оказалось.

Разговорив мороженщицу, удалось и ненавязчиво узнать адрес «Новгородца»: оказалось, заведение это совсем неподалеку от площади. Хуц-Ги-Сати решил положиться на память нового-старого тела и зашагал к дому под красной крышей.

Оказался «Новгородец» чем-то средним между пабом, семейной столовой и интернет-кафе,

какие были и в том, настоящем мире. В них пропадала молодежь до тех пор, пока в каждом доме не появился ноутбук, на прикроватных столиках — планшет, а в кармане — смартфон.

Где-то Хуц-Ги-Сати слышал, что в тоталитарных странах типа Китая или России такие заведения сохранили свою популярность, а послуживший в Ираке ветеран, с которым они иногда пересекались на трассах, рассказывал, что такие интернет-кафешки в маленьких городках становились центрами общественной жизни.

А еще — как магнитом притягивали тех, кто делал деньги в «серой зоне». Фредди Ветеран тоже вроде пытался, но говорил об этом как-то невнятно.

Так что в темноватом зале «Новгородца» Хуц-Ги-Сати решил держать ухо востро, а если кто будет подкатывать с разными предложениями, делать вид, что после драки ни черта не помнит и вообще сейчас не время о делах, копы его пасти могут.

Однако за все то время, что он просидел за монитором с кружкой кваса и блюдцем соленых сухариков, никто к нему ни с какими темными делами не подошел.

Хотя судя по тому, что расторопный малый сам

ему притащил всю эту снедь со словами: «Дима, все как обычно», его привычки здесь хорошо знали.

А он решил побродить по новостным сайтам, понять, как тут общаются в этом диковинном варианте Сети, да послушать, что говорят вокруг.

Писали много, говорили о новой базе китайцев на Луне.

«Тайконавты Поднебесной проникли в недра спутника матушки Земли! Читайте только у нас свежие новости от специального корреспондента “Московских ведомостей”!»

«Российская империя готовится бросить вызов Поднебесной! Отважные исследователи межпланетного пространства готовы к полету на Луну и закладке второй русской станции! Море Спокойствия будет русским!»

Он попытался вспомнить, что там было с полетом на Луну в старом мире. Американец же первым был… Белый, правда, но хоть из его страны! Хотя… какая там — его…

Ладно, в общем, здесь что-то иначе пошло.

«С огромным успехом прошли гастроли сверхпопулярного любимца женщин, несравненного

идола кей-попа красавца Ким Чен Ира!»

«В центральном лондонском храме Господа Шивы вознесены молитвы…»

«Командующий Русским экспедиционным корпусом в Белуджистане генерал Завойский заверил, что русские миротворцы продолжат свои усилия для установления спокойствия и приведения к покорности…»

«Атаман казачьего войска Эфиопского полковник Бакри Тефера посетил учения…»

Сильно мешало, что здесь не было привычного поисковика. Точнее, поиск-то был, но прикрученный к конкретному сайту. Или, как тут они вроде назывались, изданию. Судя по надписям и указателям, много было доступно только по подписке, но хватало и бесплатного.

Оказалось, есть у него подписка на какой-то «Русский транспорт».

Ну, неудивительно.

Только те, кто ни черта в перевозках не смыслит, думают, что дальнобой — здоровый тупой громила, который только и умеет, что баранку крутить да дешевых проституток иметь.

Не, ну не без девочек, конечно, но чтоб не просто на плаву держаться, а еще и нормальный

заработок иметь, настоящий дальнобой должен постоянно держать нос по ветру.

И начинается эта чуйка, как только ты права получил.

Дальше-то что?

В найм идти или самому заказы брать?

Если брать, то какие?

Если самому на себя работать, то как добыть деньги на лизинг, поскольку потянуть полный выкуп простой водила может, только если у него внезапно окочурится дядюшка-миллионщик. На хрена ему тогда выкупать трак — непонятно.

Опять же, сразу на себя работать — рисково, как правило, поначалу идут в найм, опыта набираются, потихоньку связями обрастают.

И не только из поставщиков, на дороге кто только не пригодится.

И как у него тут с этими связями?

Кроме того, случаются же и всякие интересные подработки, которые совсем не обязательно вносить в декларации и накладные…

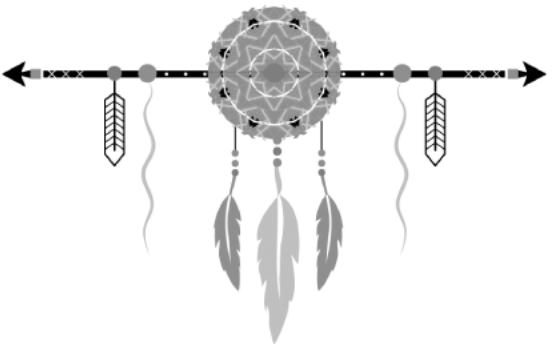
«Ну да, потому ты и ждал, не подойдет ли кто к тебе», — шепнул противный внутренний голосок.

Индеец закинул в рот последние сушки, допил квас, со вздохом полез за бумажником.

Развернул документы на трак.

Что ж, надо отоспаться, а завтра пора ехать на стоянку, посмотреть живьем, что за зверюгу он гоняет в этом мире, куда его закинули злые духи.

Эпизод 3. На встречу с «Медведем»



Наутро задождило.

Лето вспомнило, что ему здесь положено быть дождливым.

Побаловало солнечными денечками, дало молодежи время поболтаться по окрестностям да пообжиматься по опушкам и аллейкам парка, теперь хорош.

Зато, наверное, владелец местного кинотеатра, который здесь назывался синематограф «СапфирЪ», радовался от души, для него хорошая погода

— нож острый. Это Хуц-Ги-Сати сам слышал, когда решил вечером дойти все же до трактира.

Ладно, чушь какая-то в голову лезет.

Городок сам подталкивал его в дорогу.

Пора.

Документы в кармане, адрес, где ждет его трак, он нашел на парковочной квитанции, в депеше — ну и словечко, — которая ждала его в электронном ящике, новый заказ с адресом и пометкой: «Дело срочное, клиент тебя требует!». Невольно прокатилась волна гордости — ценят, значит, его в этом мире. Ну, того, каким он тут был. Правда, тут же себя оборвал — белые поработители ценят, еще худшие, чем те, в настоящей его жизни.

Когда он думал об этом его перемещении, которое устроили злые духи, начинала болеть голова. Так сильно думать он не любил, потому просто решил — надо ехать, брать заказ, зарабатывать деньги и искать пути, как свалить туда, где есть нормальная жизнь.

Междугородная автостанция с вывеской «Автовокзал» была на окраине города, ее Хуц-Ги-Сати нашел еще накануне. Походил, посмотрел на непривычно огромные, при этом очень тихие автобусы, подкатывавшие к приземистому стеклянному кубу автовокзала.

Было их, правда, немного, за все время, что он там шатался и пил травяной чай, остановилось всего два. Из чего он сделал вывод, что родной его городишка что в этом, что в том мире — дыра дырой.

Автобус уходил в 6:45 утра.

Был он огромный и до странности пустой. Хуц-Ги-Сати думал, что как раз на нем разъезжаются те, кто работал в других городах, потом сообразил: те ездят на местном автобусе, что он видел в центре города.

А этот, значит, что-то типа «Грейхаунда». Только, с сожалением признался себе индеец, побольше и покомфортнее.

Взял недорогой билет ближе к хвосту автобуса, но так, чтоб не рядом с туалетом. Ему это посоветовала старая скво, сидевшая в каморке кассы. Выглядела она так, будто родилась вместе со своим креслом и кассой.

«Хотя, может, так оно и было, в таких городках люди работают на одном месте всю жизнь и не хотят ничего иного», — подумал индеец.

Это и погнало его в дорогу в том, старом мире. Кажется, здесь тоже. Откуда-то наплывали видения трассы, проложенной через глухой лес, взгорка, большого села внизу, золотящегося купо-

ла церкви… Воспоминания того, кто жил в этом мире. В своем настоящем он ничего подобного видеть не мог.

У спинок были высокие сиденья, так что на пассажиров особо не поглазеешь, тем более место у окна. Но может, оно и лучше — в просвет между спинками было видно входивших в ближайшие двери.

Делового вида мужик средних лет, не отрываясь от толстой газеты, прошел вперед. За ним две тетки с огромными матерчатыми сумками.

Интересно, эти-то куда?

Сели через три ряда от него и затрещали.

Хуц-Ги-Сати представил, что это на несколько часов, и мысленно застонал.

Но тут же вспомнил слова Человека Без Лица. «Там, где человек толпы слышит раздражающий шум, охотник слышит подсказки мира, чудесного и страшного мира!»

Я охотник, напомнил себе Хуц-Ги-Сати, я охотник в безбрежном холодном океане. Мне надо напасть на след, выследить добычу!

Моя добыча — место, где я смогу жить сам. Без этого приторного обмана, будто кому-то есть до меня дело. Где мне не будут кивать при встрече и говорить «бог в помощь».

Не нужен мне этот чужой бог.

Он не поможет охотнику найти дорогу в настоящий мир.

Тетки между тем продолжали трещать о том, что успеть бы снять комнату у Сергевны, пока цены перед ярманкой не подорожали, о том, что опять сбор за место безбожно подняли, креста на них нет, а исправник-то, исправник опять требовать «на аманины» будет, а где он был, когда шпана у деда Степана стол перевернула да весь товар попортила?! Никакого от него толку!

Хуц-Ги-Сати лишь чуть слышно хмыкнул. Здесь, значит, тоже шпана свои законы устанавливает, копы смотрят в сторону, а налоги и поборы растут.

«Везде, во всех мирах поработители одинаковы. Но здесь они еще и нашли покорных рабов, довольных своей жалкой жизнью», — с неприязнью думал он, глядя в окно. И понял, что его так раздражало.

Тетки хоть и ругали начальство и сетовали на растущие цены, а делали это как-то беззлобно. Ну, словно дождь за окном или снегопад, из-за которого приходится дома сидеть. Вот они и вздыхают — беда, а что ты с ней сделаешь?

Раздражение перерастало в глухую злобу. Хуц-

Ги-Сати знал это свое состояние и порадовался, что запретил себе брать в дорогу горячительное. Хотя очень хотелось.

Но еще сильнее, понял он вдруг, хотелось увидеть трак.

Положить руки на руль, прислушаться к урчанию двигателя, понять, как слушается руля могучий аппарат.

А аппарат неведомой ему марки впечатлял. Пятьсот «лошадок», двадцатилитровый турбодизель, восьмиступенчатая коробка передач, какой-то «двойной» усилитель руля, 32 тонны вес, пять пар колес…

М-да, здесь его версия Хуц-Ги-Сати его самого же и уделала. Но на то это и мир духов, чтобы обманывать и внушать ложные ожидания, напомнил он сам себе.

И снова уставился на дорогу.

Тетки все так же трещали о том, что в этом году «колоши поговаривают, рыба хуже идет, да и япошки шалят, вон, погранцы недавно с катера аж очередью саданули, чтоб отогнать». С другой стороны прохода доносились девичье щебетание и смешки. Там сидела стайка молоденьких девах в похожих платьях и куртках, все с одинаковыми холщовыми сумками, в которых угадывались

очертания книг.

Учатся небось. На медсестер, что ль, подумал индеец. Чтоб на врачей учиться, простовато были одеты, да и говорили не как врачи. К тому же среди них были две девчонки — явные тлинкитки, а откуда у них деньги, чтоб на врачей-то выучиться.

Была во всем окружающем какая-то неправильность, которая раздражала его как раз этой своей неуловимостью, поскольку складывалась из мелочей.

Индеец обвел взглядом салон.

Прислушался.

Ну да — музыка негромкая играет. Незнакомая какая-то. Вроде и тягучая, а ритм в ней есть, но странный. И гитары или там саксофона, синтезаторов, в общем, того, что в торговых центрах да всяких придорожных кафе и на заправках играет, нет этого.

Струнное что-то, ну и ударные, а совсем другое.

А еще — все стайками да кучками, хоть и мало народа. Поодиночке — он да мужик с газетой — кстати, где он?

Все говорят друг с другом.

В «Грейхаунде» б все в телефонах сидели да наушниках.

«Точно, вот оно! — понял индеец. — Ни у кого наушников нет!»

Это было настолько неожиданно и непривычно, что он, оказывается, только сейчас на это внимание обратил!

Поняв, что не так, Хуц-Ги-Сати как-то сразу успокоился, откинулся на спинку и уставился в окно.

Мимо неслась серая лента дороги. На удивление, надо сказать, неплохой.

Он ехал на встречу со своим траком.

Благодаря которому собирался выбраться из морока.

Обязательно выбраться.

ОСЕНЬ. ДОРОГИ

Хуц-Ги-Сати чуть сбросил скорость перед затяжным поворотом. Так, из слепой зоны вышли, теперь чуть прибавим… Он с удовольствием почувствовал, как отозвался мягким урчанием «Медведь», послушно входя в поворот.

Трак — здесь их называли грузовозами или почему-то колунами — легко тащил двадцатитонный груз, на трассе был устойчив, топлива потреблял для своих габаритов умеренно и вообще характером обладал достаточно покладистым. Любил, конечно, уход, разгильдяйства хозяину не

прощал, словом, медведь медведем.

Подружились они с «мишкой» с первого взгляда.

Увидел его Хуц-Ги-Сати уже в сумерках и против воли заулыбался.

Обводы, конечно, непривычные — более вытянутые, плавные, приземистые какие-то, чем у его трака в ТОМ мире. Но — мощь какая сразу чувствуется!

Ждал его грузовоз.

Скучал по хозяину.

По борту, вытянувшись, готовый прыгнуть, грозно занес лапу прорисованный рукой мастера медведь. Выполнен, как по заветам предков положено, с плавными вытянутыми обводами, так, что создавалось ощущение обманчивого спокойствия, за которым пряталась грозная, сокрытая до поры мощь. Синий с красным на черном фоне.

— Значит, как просил, я за мишкой-то твоей присматривал, — шмыгнул носом сторож. Маленький, похожий на воробья, сухонький, в истертом донельзя ватнике. Но чистеньком, да и сам мужичок опрятным был.

«Потому, видать, я сюда “Медведя” и определил», — подумал Хуц-Ги-Сати. К траку он относился в своем мире с почти священным тре-

петом. Так, наверное, его предки относились к своим лодкам, рыболовным снастям и оружию — ко всему, от чего зависела их жизнь.

Хуц-Ги-Сати нашарил заранее заготовленный рубль.

— Спасибо, отец.

— Да ладно тебе, Дим. Ты ж знаешь, всегда присмотрю!

Ну, кроме старичка за стоянкой «присматривали» и плечистые парни в форме, которые и проверили у него документы при входе, однако дед с такой гордостью смотрел на «Медведя», что не одарить его рублем было попросту невозможно.

Кабина «Пузырев/500ТД» тоже впечатляла. Во-первых, запахом.

Хоть и стоял аппарат без движения явно поболе двух недель, а не чувствовалось в нем затхлости.

Следил, значит, за ним здешний я.

Руки сами легли на оплетенный шершавый, чтоб рука не скользила, руль, правая привычно упала на шар рычага коробки передач, потом, опять же сама, без участия разума, приподнялась, тронула кнопку радиоприемника.

Рация — вот она, на левой стороне закреплена.

Индеец обернулся, отдернул занавеску. Сзади

обнаружилось спальное место, аккуратно свернутый спальник, сложенный вчетверо плед с тлинкитским узором. Кольнуло сердце — мама дарила. Такой же был у него в том мире. Тоже от матери…

Словом, несмотря на ночной холодок, он решил заночевать в кабине.

«Ты воин! Ты сын холода и волн! Иди к волне, она обнимет тебя», — перед глазами встал отец. Он стоял на берегу, провожая его, маленького, страшно напуганного, но готового к испытанию Хуц-Ги-Сати. Его ждал холодный зимний океан, в который должен войти каждый воин его народа. Ощутить его прикосновение, перебороть холод и страх и выйти обновленным.

Переночевал. Под утро проснулся задубевший и решил, что он хоть и воин, а хороший спальник надо найти. И какого лешего его в кабине-то не было?!

С того времени они с «Медведем» сделали уже пару рейсов, сейчас за окном колуна проносилась серая аляскинская осень, в фуре, крепко принайтованный, ждал доставки в Дежневск бетонный заводик.

В спецификации и накладных он, конечно, значился как «комплект оборудования, пред-

назначенного для исполнения полного цикла производства бетонных смесей», но приказчик, от которого индеец получал груз, гордо назвал его именно заводом.

— Мы их, почитай, чуть не для всей губернии производим! Вон в Большую Россию тоже заказывают, видишь! — Был приказчик, судя по амулету и узору на вороте рубашки, из атабасков, но звался Константином Порфирьевичем. На груди его рядом с оберегом виднелся православный крест. Зевнув, он мелко перекрестил рот.

Отчего Хуц-Ги-Сати тут же его невзлюбил.

Правда, дело свое прислужник белых поработителей знал хорошо. За тем, как крепили в фуре оборудование, следил зорко, проверил натяжку каждого ремня, потрогал чуть не каждую доску упаковочных коробов. Лишь после этого подписал транспортную накладную и три раза напомнил, чтоб господин Смирнов ему сразу позвонил и депешу, значит, прислал, как только груз передаст. И чтоб документы, значицца, проверил, а то знает он этих дежневских, им лишь бы в вагон закинуть, а там хоть трава не расти, а груз в самом Елизово ждут!

Почему приказчик так гордится тем, что груз ждут именно в Елизово, Хуц-Ги-Сати голову, по-

нятное дело, ломать не стал. А вот посмотреть, что это за Дежневск, конечно, надо.

Поскольку в местной географии он еще откровенно плавал.

А дело свое он привык делать хорошо. То есть — доставлять в срок, а то и раньше срока. Для чего требовалось знать назубок не только трассы, но и объезды, площадки для фур, мотели, расположение постов дорожной полиции и еще массу того, что позволяет хорошему дальнобою доехать до места живым, а груз доставить в целости.

И тут в полной мере индеец ощутил отличие этого мира от родного.

Аж сплюнул в сердцах, прокляв тех злых духов, что его сюда закинули.

Чем же он так прогневил предков, что они закинули его в мир, где нет Интернета?

Нет, понятно, что и в родном мире он просто тупыми руками при навигаторе не был — что он, таксист какой?.. Но навигатор, конечно, работу облегчал сильно. Как и форумы, а потом закрытые группы в мессенджерах, прошерстив которые можно было узнать немало интересного.

Не, конечно, рации тут были, и «Медведь» мог похвастаться мощной, на грани допустимого, антенной и отличной «зворыкинкой». Пользо-

вались тут частотой 27,135 МГц, позывной свой он тоже узнал быстро: «О, здорово, Аляска!» — бросил ему здоровенный усач, как только он загнал «Медведя» на ночную стоянку в первом же рейсе.

Но язык-то!

В нормальном мире он пользовался, как все нормальные люди, тэн-кодами.

Услышал «10–38», значит, поплохело человеку, медпомощь просит. Говорит кто-то, что вон на желтом «шеви» «10–55», — значит, бухой в этом «шеви» едет, в оба смотреть надо и за собой, и за придурком.

Но у русских все не как у людей!

— Осторожно, впереди Пиноккио мотыляет! — Вот как ты поймешь, что это лесовоз на скользкой трассе повело?

— Братцы, впереди машинка работает, — среди ночи слышишь спокойный дружелюбный голос с мягким говорком. Спасибо, конечно, но как нормальному человеку понять, что тебя «крейсер» дорожной полиции поджидает?

Правда, многие фразы всплывали будто сами собой, но первое время он больше отмалчивался.

В общем, тяжело было без Интернета.

Не было его здесь! Не бы-ло.

Так что пришлось несколько вечеров провести перед мониторами «депеш-кафе» и за распечатками. Хуц-Ги-Сати читал и чесал в затылке.

Что географию, что историю он и в родном-то мире знал хреново, на фиг ему все это не сдалось.

Но что Соединенные Штаты Америки — одна страна, в состав которой входит много штатов, знал точно.

Здесь их не было.

Не послышалось ему тогда в «обезьяннике», САСШ тут были. Северо-Американские Соединенные Штаты, значит. И Конфедерация Штатов Юга Америки. Которые, судя по новостям, еще и между собой на ножах — ну не от скуки же они на границе палят.

Канады тут тоже не было.

Точнее, как… Была, но называлась Канадским протекторатом Британской империи. Обнаружилось и нечто совсем несусветное — Бразильская империя.

Тут Хуц-Ги-Сати понял, что надо выпить.

К счастью, географию он решил учить между рейсами. И выпить получилось.

Иначе он бы точно взорвался, обнаружив, что тут Россия захватила еще и часть Америки. Вклю-

чая, ясное дело, родную Аляску.

Оказалось, все западное побережье США от Аляски до мексиканской Нижней Южной Калифорнии захапали русские. Граница начинается от восточных отрогов гор Маккензи и дальше тянется по водоразделу Скалистых гор.

Даже символ Америки — Гранд-Каньон! И он теперь у них!

А захватить удалось благодаря предательству рабовладельцев-южан!

Проклятые сепаратисты, желая сохранить власть над рабами и доход от хлопковых плантаций, пошли на союз со злейшим врагом всех цивилизованных людей — Российской империей! Хуц-Ги-Сати, правда, что-то смутно слышал о революции в России и о том, что потом страна называлась как-то иначе чуть ли не несколько десятилетий.

Но неважно — тут она называлась империей и тяжелым сапогом наступила на его родину.

И — спасла южан.

В разгар Гетисбергского сражения на помощь Северовирджинской армии генерала Ли подошли три полка казаков из Калифорнийского казачьего войска и ударили в тыл Хэнкоку, вырезав его артиллеристов.

Северян разгромили.

Что там было дальше, Хуц-Ги-Сати не очень понял. Вроде Большая война была, но какая-то не такая, как в настоящем мире. Правда, он и о той знал только, что США победили всех и спасли мир. От кого именно, он не совсем понимал. Вроде от парня по фамилии Гитлер, но где он был и зачем белые кидали атомную бомбу на Японию, это он уже почти не помнил. А в этом мире про бомбу вообще не нашел. Ну надо же..

Интереснее было про сегодняшние дороги.

Тут он читал и хмыкал.

Дорог русские понастроили немало. Окинув опытным взглядом водителя карту, индеец оценил, как они оплетали разветвленную железнодорожную сеть, уходили к морским портам, шли от крупных городов в самые глухие уголки.

Самое необычное обнаружилось на мысе Царевича Алексея. Который в его мире был мысом Принца Уэльского, это он точно помнил.

Прямая стрела, обозначающая мост, уходила к мысу Дежнева и упиралась в кружок с обозначением Дежневск.

Куда он нынче и держал путь.

С неожиданным для самого себя волнением.

— Там едешь, аж сердце екает! — размахивая

руками, вещал Паша Два Пуда, здоровенный красномордый детина, с которым индеец пересекся уже третий раз за последние месяцы.

— И с чего там екать? — хмыкнул индеец. Больше просто чтоб разговор поддержать. Пока другие говорят, самому можно молчать. А он молчал. Сдерживался.

— Да как чего! Ты представь, въезжаешь на него, а поток в четыре полосы, да в каждую сторону! А под тобой, считай, сразу море! Глубь-то какая! — У Паши аж глаза блестели, он вел над столом широченной лапищей, в которой игрушечной казалась даже двухпудовая гиря. За любовь к которым он и получил прозвище.

— Ну, по четыре — не так и много, — пожал плечами Хуц-Ги-Сати. Дима, поправил он сам себя. Пока надо привыкать, что он Дима. Дальнобои народ жесткий, реагировать надо быстро, так что Дима он. И Аляска.

— Ай, вот правду говорят, что колоши бесчувственные, — махнул рукой Паша.

А сидевший рядом бородатый пузатый Леха Гимнаст, водивший синий «Руссо-Балт Особый 2000», вздохнул. Называл он свой грузовоз не иначе как «Папочка».

— Тут чуять надо, нехристь ты этакий. Там же,

если небо ясное, едешь и прям чувствуешь, как боженька на тебя глядит. А вот ежели в шторм… Упаси господь. Только и молишься Николаю Чудотворцу да Богородице. — И он перекрестился.

Сидели они две недели назад в придорожной кафешке при постоялом дворе «Домашний уют», время было уже позднее, за окном сеял противный мелкий дождь, так что расходиться не хотелось.

Вот и трепались.

— Мало ему четыре! — перебил Паша Гимнаста, подался вперед так, что кружки с крепчайшим чаем закачались и застучали. — Это ж восемь всего! Да над морем! Не каким-нибудь, Баренцевым! Ты вообще знаешь, как его строили?!

Хуц-Ги-Сати — тьфу ты, Дима! — не знал.

Потому просто пожал плечами. И ляпнул безотказный аргумент:

— Да в Китае и не такое есть.

Что там есть в Китае, он понятия не имел, но точно знал: если надо перевести стрелки и сказать, что есть что-то грандиозное, говори про Китай. Поднебесную то есть.

— Ты про Даньян-Куньшаньский мост, что ль? Ну да, здоровенный, больше ста шестидесяти километров. Только ты не равняй! Там-то по суше!

Строй себе да строй!

— Ну ладно, так уж и просто строй! — проявил эрудицию Гимнаст. — А землетрясение если? Помнишь, в начале нулевых было какое! А мост-то выдержал!

— Ну не просто, и что?! — отмахнулся Два Пуда. — Ты со стройкой в Северном море-то не равняй! Пока строили, до минус пятидесяти бывало, народ чуть не помер! Даром, что ль, потом половину инженеров в дворянство возвели да орденов на пиджаки понавешали?! Они же сквозь льды! В полярную ночь!

— Ну, понес! — всплеснул руками Гимнаст. — Ты еще тут «Голос империи» включи, ага!

— И включу! Ща включу! — побагровел Паша. — У меня там свояка чуть в море не унесло! Так инженер ухватил и вытащил!

— Так им и платили нехило! — не унимался Леха.

Паша крякнул.

— Платили, это да. По справедливости платили, но и работка была… не, я лучше баранку покручу.

Дальше разговор, конечно, свернул на бабки, оплату по километражу, клиентов-кидал, переработки, которые надо было выбивать из компаний

или клиентов…

Индеец Дмитрий Смирнов внимательно слушал — сам-то он работал на себя, но если в старом мире все было просто — регистрируйся в приложении да приезжай по адресу забирать груз, — то тут все было несколько сложнее.

Нет, работать на себя тоже вполне было можно. Но — через фрахтового брокера, который брал процент с каждого заказа. Положа руку на сердце, Хуц-Ги-Сати признался себе, что и в старом мире работал примерно так же и, даже получив заказ через приложение, старался уточнить, а не кидала ли брокер, который его разместил.

Здесь же брокерами были, как правило, транспортные компании. Как «Демидов и наследники», через которых работал и он.

По этому поводу дальнобои, конечно, ворчали, поминали недобрым словом монополизм и «своих» чиновников да «думаков», что протаскивали интересы транспортников на всех уровнях, однако находились и такие, что вспоминали о дорогах, которые проложили там, где это казалось невозможным, городах в зоне вечной мерзлоты.

— В них даже в полярную ночь тебя на ножи не поднимут! — завопил Гимнаст…

Словом, трепались, как и положено, чуть не до

первых петухов.

Хуц-Ги-Сати понял, что хочет увидеть этот мост.

Так что, когда подвернулся заказ на бетонный заводик, он тут же согласился.

В Дежневске ему снова набили морду.

Первый-то раз он словил в дыню еще по ранней осени.

«Медведя» набили по самое не балуйся комплектухой для всякой сельхозтехники и машин для производства мороженого. Чему Хуц-Ги-Сати поначалу удивился. Не, о том, что туристам скармливают месиво, которое выдают за акутак, он знал. Но в настоящий-то акутак идет олений да тюлений жир, ягоды, сушеная рыбка. Да не всякая — тут чуть ли не у каждого рода свой секрет был!

Понятное дело, туристы от такого нос будут воротить.

— А тут, оказывается, несколько лет назад приехал, значит, заводчик. Мезеров Павел Константинович, чуть не из самого Петербурга, — рассказывал ему приказчик, принимавший

груз. — Ну и решил, значит, что может аж с изнеровскими мороженщиками тягаться! Только, говорит, надобно, чтоб не просто на месте мороженое делали, а чтоб и история у него красивая была, и народ, значит, на совесть работал. Вот местных и привлек. Работу многим дал, фабрика, сам видишь, какая… Наши и стараются, «Колошанское» теперь не только по Аляске, мы его и в Большую Россию грузим, во как!

Фабрика и правда была большая.

Мороженое Хуц-Ги-Сати пробовать не стал, хотя угощали.

Из принципа.

Не будет он потворствовать тем, кто грабит культурное наследие его народа!

Морду ему, правда, набили не там, а в большом селе Акудимово неподалеку от Анкориджа. Прямо в долине Матануска. Туда вторая часть груза шла, бо`льшая.

Село было большущее, увидел его Хуц-Ги-Сати со взгорка, от которого дорога плавно шла вниз. Само Акудимово раскинулось немного наискось поперек широченного тракта, который разрезал его надвое. Посередке каждой части возвышалась церковь с золотой маковкой. Индеец уже научился кое-как ориентироваться, где село, где город,

где деревня. Понимал, что зажиточность места, в которое его занесло, легко определить по церкви — ежели храм богато смотрится, то и вокруг люди не бедствуют.

В Акудимово явно жили не бедно.

Улицы с ухоженными домами по краям села утыкались в бетонные стены переработочных цехов, ремонтных мастерских, ангаров для техники, словом, всего, что строят деловые люди поблизости от плодоносящих полей да огородов.

Здесь растили и картошку, и морковь — хвастались: наша-то матанусковка сладкая, никакого сахару не надо! А хрустит так, что по лесам медведи вздрагивают!

Готовили и сено — и своему скоту на зиму, и по окрестным хозяйствам продавали. С десяток лет назад ушлый Шон Горелов додумался, начал рассылать по богатым конезаводчикам рекламки «исключительно ручным способом по заветам предков и в соответствии с рекомендациями лучших ветеринаров заготовленное сено, только для породистых лошадей! Покупайте “Акудимовское разнотравье от Горелова!”».

Поднялся — вон, видали, какой дворец себе отгрохал? Рядом с храмом!

Попал индеец в село как раз вечером в пятни-

цу, побродил вечерком по улицам, поражаясь многолюдству и количеству автомобилей.

На площади наткнулся на объявление, вокруг которого горячо спорили местные мужики.

Оно и объяснило многолюдье.

— А я тебе говорю, кузьмичевские возьмут!

— Да куда им, Архипыч нашим премию обещал выписать, расстараются!

— Горелов точно своих выставит, они на неделе в Анкоридж ездили, что-то для своего «Бычка» приволокли, вторую ночь колдуют!

На доске объявлений главное место занимала яркая афиша: «Главное событие осени! Акудимовская гонка на ТРАКТОРАХ! Победитель получает ПРИЗ! Будут ЛОТЕРЕЯ И ТАНЦЫ!». И ниже, помельче: «С дозволения его превосходительства губернатора Аляски и с благословения епископа Алеутского и Аляскинского Тихона».

Хуц-Ги-Сати зевнул и отправился спать в кабину «Медведя».

Разбудил его колокольный звон.

Индеец поморщился, перевернулся на другой бок, накрылся подушкой.

Не помогало.

Пришлось вставать.

Утро выдалось по-осеннему прохладным, но на

удивление солнечным.

Технику Хуц-Ги-Сати любил, потому решил посмотреть, что за звери здешние трактора, и отправился на звук колокола. Он уже понял, что в этом ненормальном мире все значимые дела местные рабы начинают с колоколов и молебнов.

Хуц-Ги-Сати припоздал, стоял на краю толпы, поэтому до него доносились только отдельные обрывки.

Вот снова зазвонили колокола, раздалось протяжное пение, поплыли над толпой какие-то знамена на палках.

Индеец мысленно застонал — еще и крестный ход, да сколько можно-то!

Однако он заметил, что самые хитрые уже потихоньку отделяются от толпы и двигаются за село — к полю, на котором и должны были проходить гонки.

Трактора были уже там.

И, вынужден был признать индеец, это были всем зверям звери.

Мощные, ухоженные, любовно украшенные и расписанные.

«Руссо-Балты» и «Фордзоны», могучие «Питерцы» завода Яковлева и «Пахари», что сошли с

конвейеров Фрезе.

Публика активно обсуждала машины и экипажи, детвора восторженно ахала, молодежь заливисто свистела, поддерживая своих. Какой-то господин явно туристического вида попытался высокомерно бросить, мол, до Саратова-то или Краснодара, конечно, не дотягивают… Господина вытолкали взашей.

Неча тут умничать.

Бахнуло, заревели двигатели.

И разнеслось над полем заливистое: «Йухухухуху-у-у-у!!!»

Расписанный красными мустангами «Питерец» сразу вырвался вперед, и лишь теперь Хуц-Ги-Сати увидел, что за рулем его сидит остроносый бронзовокожий индеец в головном уборе из пестрых перьев. В таких непонятных наголовниках изображали вождей племен бледнолицые в дебильных вестернах.

Толпа взревела:

— Давай, Во-о-о-ождь!!!!!

Вождь дал!

Но, невероятно подпрыгнув на какой-то кочке, удержав машину буквально на одном колесе, его настигал зеленый «Руссо-Балт», кабину которого заполнял красномордый вислоусый мужичина в

тельняшке и круглой шапке с красным плоским верхом. Хуц-Ги-Сати уже знал, что их называют kubanki и носят их только kazaki. Кто это были такие, он не очень понимал, но раз они выделялись из общей массы русских и тоже были пришлыми, решил их ненавидеть.

Казак и ряженый краснокожий пришли к финишу одновременно.

Дальше начались возня и толкание грудь в грудь, выяснение, кто же первый, болевшие за казака уже кидали шапки оземь и демонстративно закатывали рукава, местные копы свистели в свистки, обстановка накалялась, пока не выяснилось, что мужик в тельняшке и краснокожий в перьях уже втихую прибухивают из переданной кем-то бутыли.

Бутыль у победителей отобрали, прорвавшийся через толпу местный богатей Горелов заорал: «Обоим призы дам, не посрамили матушку Аляску!!!»

Мужиков подняли на помост, сунули в руки какие-то пакеты и вазы, после чего вдоль улиц протянулись столы, и село под разливы гармошек и рев радиоприемников с народными песнями принялось есть и пить.

Хуц-Ги-Сати тоже сунули в руки стакан.

Он его медленно и мрачно выцедил.

Пойло было забористое, от такого индеец впадал в тяжелую злобу и хотел правды.

Правды под рукой не оказалось, зато разбитная девица, хохоча, сунула ковш:

— На, колош, пробуй, тятькина медовуха! Нравится?

Не понравилась, но по башке дала знатно.

Индеец молча вернул ковшик и понял, кого надо искать.

Ряженый в перьях, конечно, нашелся на центральной площади, где чествовали победителей.

Ну как — чествовали.

Поили.

И кормили.

— Не, Вождь, ты погодь! Я ж тебя обошел, ну скажи! — хлопал того по плечу казак. Рюмка в руке Вождя подскакивала, расплескивая содержимое во все стороны, Вождь хохотал и отмахивался.

Хмельной его, добрый ко всему миру взгляд остановился на Хуц-Ги-Сати.

— Да ты ж колош! Родимый! Иди к нам! — раскрыл он объятья. Слева кто-то уже тянул индейцу стопку.

Водка и медовуха объединились и взорвались в голове Хуц-Ги-Сати.

— Я тлинкит! Я никогда не буду пить с предателем!

Судя по воцарившемуся рядом молчанию, к нему прислушивались. Его слова дошли хотя бы до нескольких сердец!

— Ты предал своих предков! Ты рядишься, чтобы выслужиться перед своими поработителями! Они… — он задохнулся. — Они убивали твой народ, а ты!..

Били его со смаком.

От души.

Поскольку вечер только начинался и народ еще кое-что соображал, даже не особо сильно покалечили.

Но Вождь обиделся сильно. Перья съехали ему на глаза, он все время поправлял их обеими руками, шатался и норовил носком тяжелого сапога заехать Хуц-Ги-Сати в живот.

Все кричал, что у него жена вообще татарка, да он за своих, за русских, порвет, да его дед…

Что там было с его дедом, Хуц-Ги-Сати уже не слышал и не очень помнил, как его выхватили за шкирку из толпы околоточные да сунули до утра в холодную.

Даже фельдшера вызвали…

Сволочи.

Дежневские называли родные места «городом дорог». Более поэтически возвышенные натуры, вроде предводителя местного дворянства, правда, предпочитали называть Дежневск «градом моста». Однако и они понимали, что Императорский мост тоже — дорога. Которая утыкалась в железнодорожный узел и портовые пакгаузы.

Между портовыми и «колесниками», конечно, шла постоянная грызня, но и те, и другие, если надо, объединялись, если кто-то пришлый пытался подмять город.

Народ в Дежневске обитал жесткий, деловой и ухватистый.

Но и гостеприимный.

Ежели ты к ним с душой, значит.

Об этом Хуц-Ги-Сати в один голос затирали Два Пуда и Гимнаст.

А потом и сам индеец вспоминал, когда прорывался к Дежневску через шторм.

Груз был срочный, так что, несмотря на штормовое предупреждение, Хуц-Ги-Сати решил рискнуть.

И невольно вспомнил слова Гимнаста — мол, как шторм, так видишь, как Господь гневается.

Индеец смотрел, как тяжелые, будто камни,

тучи падают в море, как несутся ему навстречу полотнища ледяной воды, и проклинал свои тупость и упрямство.

Уговаривал «Медведя» держаться за мост всеми своими лапами.

Только разгрузившись, позволил себе выдохнуть и понял, насколько вымотался.

Так что «Фонарь» был тем, чем нужно. Простое заведение без затей. С недорогой выпивкой и незамысловатой сытной жратвой.

И — теплое.

Тоже хорошо, поскольку в Дежневске ледяной пробивающий до костей ветер дул отовсюду, сразу и все время.

Поэтому Хуц-Ги-Сати сидел в углу, ел пельмени с рыбным фаршем и потягивал местную настойку «Морская особая». Якобы по секретному семейному рецепту сготовлена да на какой-то редкой местной водоросли настояна.

Ну как потягивал. Поначалу он искренне хотел нормально поесть да согреться, но уже после третьей стопки начал прислушиваться к разговорам.

Так всегда было — стоило ему выпить, и голоса окружающих делались громкими, резкими, каждое слово било в голову и раздражало.

Поскольку люди постоянно врали, говорили глупости, несли какую-то хрень.

Этот, что сидел за соседним столиком с четырьмя корешами, был, видать, чукчей.

Для него что чукчи, что эскимосы, хоть и говорили, будто это народы разные и выглядят по-разному, а все были на одну рожу.

Эскимосы и вовсе врагами его народа были, с русскими заодно!

Этот еще и что-то про монахов каких-то нес, навроде больничку они ставили.

— Однако из стойбищ к ним ездили, это мне дед еще рассказывал…

— Ну, так им рабы нужны. Они везде одинаковые. Эти просто божьими называют, — Хуц-Ги-Сати прожевал пельмень и поводил в воздухе вилкой.

— Ты, мил человек, охолони. — Чукча был маленький, морщинистый, с широкими мощными ладонями, будто от другого человека. — Монахи-то еще в дедовы времена сколько детишек-то спасли. Раньше-то как, голодное ежели время, так младенчиков да стариков и душили. Чтоб, значит, бесполезные рты не кормить. А те, значит, по вере Христовой-то и объясняли, что грех это великий.

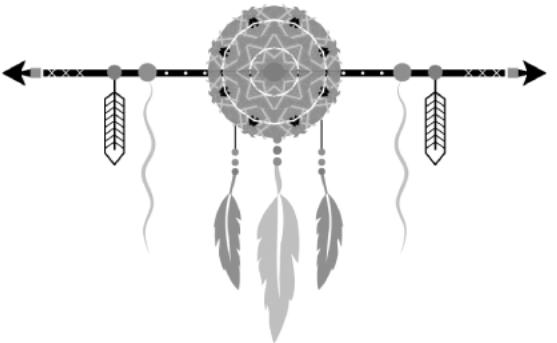
В Хуц-Ги-Сати уже сидело пять, нет, шесть стопок «Морской», поэтому он был готов нести людям правду.

Жестокую отрезвляющую правду.

— И вы, значит, прониклись светом. Или как там. Благо для народа? Ага… — Он подался вперед, чтоб точно услышали. — Так они и уничтожают народы! Ваши предки в своей мудрости давали выжить самым сильным! Слабым не место в этом мире! Но теперь вы оставляете слабых. Обузу! Лишние рты, которые никогда не станут воинами. Сильная кровь мешается с кровью слабаков!

— Дурак ты, однако, — расстроился чукча и дал Хуц-Ги-Сати в ухо.

Эпизод 4. Перспектива 1



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ресторан был хорош. Петр Аркадьевич оценил небольшой уютный зал с колоннами, которые делили помещение на отдельные зоны — и затрудняли наблюдение с улицы за столиками в глубине. Отдельные кабинеты размещались так, что вообще не просматривались с улицы. Это он оценил особо. Как и негромкую музыку, лившуюся из скрытых динамиков. Он по опыту знал, что струнные, особенно скрипка, отчего-то лучше всего скрадывают звуки разговора, поже-

лай кто-то подслушать или записать скрытым микрофоном.

— Вы проходите, Петр Аркадьевич, посидим, пообщаемся, — чуть тронул его за плечо майор Троицкий, — сколько лет уже не виделись-то! Вон в тот кабинет.

На столе уже ожидали легкие закуски, пузатый графинчик аж со слезой по боку. С холодненькой, значит. Горькой.

— «Тройное столовое»? Все так же любите астраханской выделки? — кивнул на графинчик Петр Аркадьевич.

— Ох и память у вас, ну и память, господин Закревский! Как же я жалею, что вы решили выйти в отставку! — рассмеялся майор, усаживаясь. Расстегнул пиджак, чуть ослабил галстук.

В штатском он чувствовал себя совершенно непринужденно и в светло-серой в едва заметную темную полоску «тройке» от Суни больше всего напоминал крепкого купца второй гильдии либо преуспевающего управляющего крупного предприятия кого-нибудь из Нижегородской артели. Что-то подсказывало Закревскому, что речь пойдет именно о ней.

— Увы, Бронислав Карпович, обстоятельства моей отставки вам известны не хуже, чем мне.

А может, и лучше, — не удержался от шпильки Закревский.

Троицкий помрачнел, дернул уголком рта.

— Петя, я тебя прошу, ты прекрасно знаешь…

— Знаю, Слава, знаю. Потому и с тобой встречаюсь. Иначе хрен бы я… а-а-а, — махнул он рукой, — давай уже выпьем наконец, и ты расскажешь, что там у вас в Особенной канцелярии приключилось.

На лице Троицкого отразилось неподдельное облегчение. Закревский, прикуривая, глянул через сведенные лодочкой ладони: а ведь не играет майор. Значит, действительно что-то такое недоброе происходит, раз он решил обратиться к старому другу. Другу-то другу, но с которым лет пять не общался. Да, по его, Закревского, инициативе, но тем не менее.

— Прежде всего, Петя, ты должен понимать, что встреча эта сугубо неофициальная. Я решил наконец восстановить узы нашей дружбы, принести извинения за то, что недостаточно отстаивал тебя в той гадкой истории…

— И так далее, и тому подобное, — перебил его Закревский, — давай уже к делу.

— Хорошо, давай к делу, — легко согласился Троицкий и потянулся к другу стопкой. Чокну-

лись.

Выпили.

Вдумчиво помолчали.

— Хорошо, — выдохнул Закревский.

— Недурно, — поддержал Троицкий.

— Теперь, друг мой Бронислав, рассказывай, какой интерес у Особенной канцелярии, сиречь зарубежной разведки, к нижегородским гостям.

Троицкий пригладил кончики усов.

Разлил еще.

По полрюмки.

Значит, точно на серьезный разговор нацелился.

— Сразу суть словил, — рассмеялся Бронислав, — но, понимаешь, Петя, беда в том, что я и сказать толком ничего не могу. Слухи только есть, — он пошевелил в воздухе пальцами, как опереточный герой, — шепоточки, пересуды, статейки в газетках у янкесов да в Европах. А мы их, значит, собираем да анализируем. И вот, понимаешь ли, вызывает меня тут руководитель мой, их благородие Кербер Людвиг Степанович, да и начинает исподволь так выспрашивать. Да ты помнишь, как он это делает. Мастер! А что, мол, думаю я об экономике Северо-Американских Штатов. Как там у них отношения с южанами?

Нет ли каких вестей об активности наших британских заклятых друзей в протекторате Канада? Причем вопросы все больше задает по коммерческой части да по транспортной.

— Ну а ты? — Закревский слушал внимательно, но не забывал отдавать должное и закускам. Рыбка, овощи да гады морские. Очень правильный выбор, ежели надо и закусить плотно, чтоб «Столовое» в голову не ударило, и не жирное, чтоб не отяжелеть.

— А я слушаю да все пытаюсь понять, что ж он вокруг да около ходит. Вопросы задает явно такие, что касаются гостей нижегородских, на которых ты работаешь. Спрашивает, значит, как там, прочен ли мировой статус Нижегородской ярмарки-то. Ну и про демидовский куст, куда ж без него.

Закревский подцепил на вилку грибок, задумчиво прожевал. Бронислав вроде и ерничал чуток, изображая простонародно-купеческий говорок, вворачивал все эти «значит», но о вещах-то говорил весьма серьезных. Нижегородскими гостями называли объединение богатейших купцов и промышленников империи, сгруппировавшихся вокруг знаменитой еще с позапрошлого века Нижегородской ярмарки, которая ныне приобре-

ла статус мировой. Попасть на Нижегородскую ярмарку — это как получить членский билет элитного закрытого клуба. Ядром «нижегородцев» и по сию пору являлись купцы-староверы, в том числе Морозовы, искренне гордившиеся тем, что они прямые потомки того самого Саввы Тимофеевича. Ныне главой морозовского рода был крепкий и умный Тимофей Саввич, который лично и встречался с вышедшим в отставку, ходившим еще с тростью Закревским.

Троицкий выдержал паузу, разглядывая узор на стопке, потом негромко продолжил:

— А потом Кербер вдруг спрашивает: «А что, Бронислав Карпович, если бы оказалось, что гостей наших бразильцы обхаживают, да и некоторые янки вроде удочки закидывают, чтоб наши пенаты посетить да по Волге-матушке покататься. Что б вы на такие слухи ответили?»

Закревский сжевал что-то морское, скучающе спросил:

— И что же ты ответил?

Вкуса съеденного, правда, не почувствовал.

— Честно сказал. Так и говорю, мол, без конкретики и говорить не о чем. А слухи, да мало ли их ходит! А он мне в ответ: предположим, что фамилии там мелькают, Морозовых, например. А еще

что разговоры эти тишком идут прямо у самих северян. И что «старшие братья» о том вроде не особо осведомлены?

Троицкий тоже сунул вилку в тарелку с закусками и, глядя на Закревского, энергично зажевал.

— Морозов, значит, — пробормотал Закревский, отодвигая тарелку. — Значит, не ошибся я, Слава. И, значит, следил ты за мной.

Майор развел руками.

— Грешен. Но исключительно из дружеской заботы.

— Ладно, не отвлекаемся. Рассказывай, что там дальше тебе Цербер вещал, — назвал негласным прозвищем Людвига Степановича Закревский.

— А дальше, понимаешь, продолжает он ходить вокруг да около и между делом так рассказывает, что обедал он тут в своем клубе и подсел к нему человек, вроде как из демидовских. Вот, значит, сидят они, сигары покуривают, и начинает демидовский вскользь то одну, то другую цитатку из статеек амеровских газеток да радиопередач в беседу вкручивать. И вроде бы ничего особенного, а картинка складывается… Понимаешь, о чем я?

Понимал Закревский, конечно, понимал. Сам так делал, когда надо было прощупать, что визави знает, о чем догадывается. Или когда надо к

чему-то внимание привлечь, а напрямую говорить нельзя. Так что просто молча кивнул.

— И говорит мне Людвиг, значит, Степанович, что рисуется передо мной интересная картинка. Что есть все признаки переговоров. Ну или танцев таких… с предварительными прощупываниями да касаниями. И похоже, глазки строят бразильянцы да северо-американские деловики. А с нашей стороны, — тут он показал на Закревского вилкой, — твои нижегородцы. А вот почему к Керберу пришел демидовский человек, ты меня не спрашивай.

Закревский и не спрашивал. И так понятно, между нижегородскими, Морозовым и Демидовыми, особой любви-то не было. Однако было и неписаное правило: друг дружке можно и ногу подставить, а то и по темечку тюкнуть, но то дело, считай, семейное. Иноземцам в это встревать не допускается. Рылом, знаете ли, не вышли. Особенно если дело государственных интересов касаться может. Ну и, размышлял Закревский, лишний раз осведомленность показать и при случае об услуге напомнить, оно не лишнее. И государевым людям напомнить, и самим Морозовым. Что ж… поиграем.

— Допустим, Слава, я скажу, что господин Мо-

розов подумывает о том, чтобы совершить вояж по СевероАмериканским Штатам, посмотреть на устройство некоторых их промышленных предприятий. — Закревский откинулся на диване, раскинул по спинке руки.

— Петя, если я тебе скажу, что интерес Морозова и всей ярмарки к бразильскому никелю уже давно не секрет, ты же не удивишься?

Не удивится, конечно. А вот то, что Морозов осторожно закидывал удочки насчет бразильского же тория, который можно будет использовать в реакторах нового поколения, пока афишировать не хотелось бы. Как и то, что испытать такие реакторы проще у янки — в САСШ, почитай, законов-то об охране окружающей среды и нет. Экологические безумцы, конечно, беснуются шумно, но на то янки и мастера шоу устраивать. Одни орут, другие верят, что борьба идет, а люди работают. Молчаливое одобрение на предварительные переговоры Морозов-старший получил непосредственно из Дворца, и осведомлен об этом был только самый близкий круг.

Так что Закревский предпочел отпить глоток «Кашинской целебной» и ответить обтекаемо:

— У Тимофея Саввича обширные интересы, ты же знаешь.

— И, соблюдая эти интересы, Тимофей Саввич всегда печется и о благе государства российского и Его Императорского Величества, почему и жалован государем неоднократно, — ответил Троицкий, дождавшись, когда исчезнет бесшумный официант, принесший горячее. — При этом, однако, подчеркнуто фрондируя и громогласно заявляя о поддержке либеральных идей. Чем вызывает прямо-таки несварение желудков у наших ультрапатриотов-«почвенников», «соборян» и хоругвеносцев.

— Семейная традиция, что ты хочешь, — хмыкнул Закревский.

— А хочу я, любезнейший Петр Аркадьевич, чтобы эта семейная традиция не вышла боком не только патрону вашему и его нижегородской да рогожской братии, но и государю императору, — стал очень серьезным Троицкий.

В руке его оказалась монета, которую он, подкинув большим пальцем, отправил Закревскому. Тот поймал, молча глянул на друга, выразительно подняв бровь. Тот так же молча показал — с обеих сторон, мол, глянь.

Рупия, 1838 года. На одной стороне женская головка, королева Виктория, стало быть. Что будет на другой, Закревский и так знал, но перевернул.

Ну да. «One rupee» в центре. И по окружности: «East India Company».

— Ты уверен? — так же беззвучно, одними глазами спросил Закревский.

Майор чуть заметно кивнул.

Закревский кинул монету обратно.

— Слава, я твои опасения понимаю, но заверяю, Морозов сейчас крайне осторожен в своих словах и поступках.

— Вот и хорошо! Давай тогда нападем на жаркое, оно тут просто бесподобное, — потер руки Троицкий.

Остаток вечера друзья провели, вспоминая минувшие дни, Троицкий подначивал Петра, именуя сопровождающим на богомолья, тот интересовался, удается ли пропотевший китель после докладов Церберу вовремя поменять, вспоминали забавные случаи, соль которых была понятна только им двоим, словом, душевно посидели.

Под конец уже чуть захмелевший Троицкий вспомнил о далекой юности.

— У нас, помню, когда я в Уфе служил, начальника секретной части чуть не сняли! А знаешь за что? У какого-то солдатика конверты от секретных депеш нашли! Он ими печку вроде растопить хотел. А комиссия была, раз, да и нашли! Тот бо-

жился, что ни сном ни духом, секретчик и вовсе поседел везде, где волосы имелись. Мол, не может такого быть, по инструкции подлежат хранению в установленном порядке! Не помню уж, чем там дело кончилось, но слухи долго ходили да пересуды всякие, все гадали, как у солдатика конверты-то оказались…

Потом перешли на гарнизонную скуку, затем Троицкий начал прощаться, уговаривал друга еще посидеть, мол, все оплачено, и Закревский согласился.

Со вкусом откушал кофию, побаловался десертом, пообещав себе непременно заглянуть в гимнастический зал, вышел через неприметную дверь в переулок.

Прошелся пешком до гостиницы, поднялся в номер, где посмотрел бумажную почту и электронные депеши, и ближе к полуночи спустился в ресторан.

За столиком в глубине зала его ждал высокий спортивного вида молодой человек в модном «немецкого» кроя костюме. Петр Аркадьевич первым подал руку, придержал за плечо.

— Да не вставайте вы, Олег Тимофеевич, право слово. То, что вас отец в почтительности к старшим воспитал, конечно, хорошо, но не надо

привлекать и ко мне, и к себе лишнего внимания. Не только ж репортеры, но и просто любопытствующие заинтересоваться могут, кто ж это такой важный, что перед ним сам Морозов-младший вскакивает.

— Извините, Петр Аркадьевич, — смутился молодой человек. Впрочем, не слишком сильно, и сразу перешел к делу. — За вами никого не было, я двоих попросил последить.

— Знаю, видел их. Парень тетеха, девица толковая, но излишне порывиста. Впрочем, для ее лет и опыта это естественно. — Закревский сидел расслабленно, со стороны они болтали о пустяках. Встреча была совершенно естественной, замотивированной, как говорили в Особенной канцелярии. Морозов-старший не скрывал, что именно Олега видит своим преемником, Закревский из своих консультаций тоже секрета не делал.

— Что с майором?

— С ним интереснее. Как вы и просили, за ним я тоже двоих послал, но опытных, из тех, что на ярмарке по карманникам да слухачам работают. Похоже, шли за майором.

— Что значит похоже?

— Говорят, голову на отсечение не дадут, но

пара человек шла так, что они их заподозрили.

— Ладно, будем считать, что чутье их не подвело.

Ах, Слава, ах, майор, во что ж такое ты вляпался, подумал Закревский.

— Что дальше, Петр Аркадьевич? Что отцу передать?

— Особо пока ничего. Скажи только, чтоб за окружением посматривал, от экзотических сборищ и предложений непонятных знакомств отказывался. Остальное он лучше нас знает. Да, еще, пожалуй, скажи, что я могу некоторое время не сразу отвечать. Пусть через тебя передает, если буду нужен.

— А вы куда? Сейчас же самое время, вы же говорили… — заволновался Морозов-младший.

— Не переживайте, Олег Тимофеевич, вы, — он выделил это «вы» интонацией, — со мной, будет надобность, связаться сможете. Что касается остального, тут я воспользуюсь своим статусом независимого консультанта и заявлю, что более подробный отчет в мой гонорар не входит.

Увидел, как меняется взгляд молодого человека — ох и похож на отца! — широко улыбнулся.

— Успокойтесь, пожалуйста. Для вашего же и вашего батюшки блага делаю. Рано еще что-то

определенное говорить, а излагать беспочвенные подозрения — это только нервы мотать. А они нам всем еще потребуются.

Допил чашку чудесного краснодарского чая и откланялся.

Поднявшись к себе, разделся, неторопливо повесил костюм на плечики, ношеную сорочку — отдельно. Горничная знала: надо забрать, выстирать, отгладить… Привычные действия успокаивали, позволяли обдумать произошедшее.

Самое интересное было не сказано, а обозначено. И то, что Троицкий говорил такими намеками, а о возможном участии Ост-Индской компании в комбинации и вовсе умолчал, зато явно *показал*, было весьма тревожным симптомом.

Во-первых, майор опасался, что в Канцелярии его слушают. Даже не обязательно там «крот»… хотя…

Но пусть. Те же демидовские с удовольствием заплатят за консультацию чиновнику Особенной канцелярии за любую информацию, которая позволит опередить конкурента.

Но гораздо более серьезной и неприятной делал комбинацию интерес Ост-Индской компании. Всемогущая корпорация, давно уже ставшая

теневым правительством Британской империи. О том, что именно она возвела на троны двух последних Виндзоров, говорили практически открыто. Между тем майор ни слова не сказал о том, что Цербер интересовался компанией. Почему?

Все же намекает на возможного «крота»?

В любом случае это просьба о помощи. И — обозначение позиции Канцелярии, а то и Двора.

У них связаны руки, они не могут сейчас влезать в расследование сколь-нибудь официально, да и расследовать нечего. Но вкупе с этой историей про подставленного секретчика — сказано более чем достаточно.

Закревский почистил зубы, выполнил перед сном дыхательную гимнастику, очищая разум.

Погасил свет, лег на спину, чуть расфокусировал взгляд.

Итак, что мы имеем…

Практически открытая, по меркам Канцелярии, просьба негласно контролировать ситуацию. И для него дружеское предупреждение — кто-то готовит Новгородской ярмарке и лично Морозову гадость. Не просто так майор подчеркивал, что он был удивлен вызовом к Церберу, да и сам Цербер спрашивал так, будто полученная информация для него новость. Значит, либо кто-то там мышей

не ловит, либо на каком-то этапе прошел тихий саботаж. Причины могут быть разными, но учитывать это надо.

Отметим.

Рупия, которую чеканила Ост-Индская компания, — м-да. И тут же байка о секретчике. Толстенный такой намек на то, что готовить будут провокацию с потерей лица основных фигурантов. Один из излюбленных приемов специалистов компании из «Отдела по контролю за репутацией».

Любят же англосаксы иносказания! Надо же, как отдел грязного белья называли.

Значит, провокация будет грязная и громкая.

Сделки такого уровня, для которых прощупывает сейчас почву Морозов, требуют высочайшего одобрения. Любой скандал с фигурантами — и гарантированное вето. Причем не обязательно от Двора.

Столь же важна безупречная публичная репутация всех участников сделки и для бразильцев. И даже не потому, что они искренне считают себя прямыми преемниками выдуманной Великой Португальской империи и каждый — дон с родословной длиной с Амазонку. Для Бразилии основной торговый партнер — Поднебесная.

К России бразильянцы клинья подбивают давно, однако ссориться открыто с Великим Драконом им совсем не с руки. Так что любой шум вокруг переговоров — и они громко хлопнут дверью.

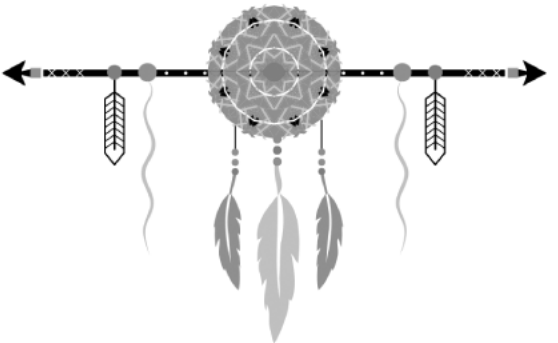
Для янки шум тоже невыгоден. У этих, по сути, государственных интересов и репутации нет, однако хоть какой-то фасад и они пытаются изображать, иначе их в приличные дома просто не пустят. И уши консорциума «Атомик Маунтин» не должны торчать слишком сильно.

Интересно, что придумают затейники из Ост-Индской компании? И какого черта они решили лезть в комбинацию?

Придется разбираться на месте.

Закревский повернулся на бок, закрыл глаза и крепко уснул.

Эпизод 5. Маша



Хуц-Ги-Сати постепенно обрастал связями и знакомствами.

Не хотел — но обрастал. Поскольку был хорошим дальнобойщиком, любил трассу и свой трак. А без контактов на трассе никуда. Ты помог — помогут тебе. Не помог, проехал мимо или полез в бутылку там, где не надо, — и пойдет слушок по трассам, дальнобои-то посплетничать любят почище баб в придорожных трактирах.

Тьфу ты, сплюнул индеец, уже и в мыслях эти словечки лезут.

Трактир…

Тракт…

Таксистов и почему-то почтарей, которые депеши тут перевозят да всякие посылки, типа DHL в нормальном мире, отчего-то ямщиками зовут…

Все не как у людей.

Но когда увидел трак на обочине и молодого водилу, что чесал затылок, бессмысленно глядя на уткнувшуюся в кювет морду колуна, остановился.

Провозились часа два, разобрались, выбрался молодой.

Официанточки опять же.

Бодрыми такими оказались, ласковыми. Тут индеец кривовато улыбнулся: одна в «Старом казаке», другая, считай, почти на самой границе с САСШ, — там, кстати, и названия другие, больше английских слов.

Привычных…

Потому, наверное, он старался брать рейсы к тем местам поближе.

Интересно было и на людей с той стороны посмотреть, а вокруг границы-то всегда кто-то трется — у кого родственники, кто товар туда-сюда тянет, а кто и темные дела обделывает.

Вот в «Койоте» он ту девчоночку и заприметил.

А может, и она его.

Сколько прошло-то?

С месяц, наверное, а то и поболе.

Тогда дожди пошли, заливало так, что он решил не рисковать, осторожно завел «Медведя» на стоянку возле придорожного трактира с постоялым двором. Здесь, правда, приписка на вывеске была: «Мотель».

Но на русском.

На хрена, спрашивается?

Стоянка была небольшая, но места «Медведю» хватило, кроме него — только пара битых жизнью внедорожников, «корыто» дорожной полиции да несколько седанов, недорогих, но надежных.

Значит, местный люд собрался, кто дождь пережидает, кто по вечернему времени с друзьями треплется да шары гоняет.

Бильярд, как обнаружил Хуц-Ги-Сати, в здешних краях был настоящей страстью. Даже поболе, чем в старом мире, где зеленые столы тоже частенько в придорожных заведениях ставили.

Индеец улыбнулся себе.

Вспомнил, как вошел тогда, кивнул всем вежливо — ну а что нарываться-то без дела?

Сел в уголке, тепло было, хорошо.

Она и подошла.

Заказ, значит, взять.

Меню принесла.

Вроде и ничего такого.

Ну, фигурка ладная, это да. Бедра широкие, талия — не тонкая, как у этих, городских, помешанных, а такая… он и не знал, как сказать. Смотрел-то, как нормальный мужик, снизу вверх.

Грудь — он аж сглотнул тогда.

А как лицо увидел, и вовсе как дурак уставился и что сказать не знает.

Глаза темные, спокойные такие, и в них интерес и грустинка какая-то. Совсем чуть. Будто кто-то ее давно обидел, и она все не забудет.

Брови немножко приподнятые. Домиком, густые, черные, и кажется от этого, что она все время не то удивляется, не то спросить что хочет.

Волосы прямые, в косу забраны, и черные, аж отливают, как нефтяная пленка в свете ламп.

Личико круглое, щечки смуглые, а все равно чуть румянец проступает.

И губки такие, что он сразу представил… Словом, в красках воображение изобразило.

И вся она была такая, какой Хуц-Ги-Сати представлял настоящую хорошую тлинкитскую

девушку.

Такую, какой она должна быть.

О таких рассказывал им Человек Без Лица, когда говорил о прекрасных скво, достойных своих мужчин — великих воинов и усердных тружеников.

Верных жен и надежных боевых подруг.

И он никак не ожидал встретить ее здесь. Не место порядочной тлинкитской девушке в трактире, где обслуживают всякий сброд, живущий на дороге.

Не должна она носить такую вот одежду…

Как у этих — русаков.

— Меню посмотрите или… — Тут она улыбнулась, и Хуц-Ги-Сати решил, что хоть вы его убейте, а девчонка эта с ним будет. Судьба типа это. А она все улыбалась: — …или мне на слово поверите?

— Поверю. Вам — поверю, вы своего не обманете. — Он смотрел на нее серьезно и чего-то ждал.

Чего — и сам не понимал, знал только: как она сейчас ответит, так дальше все и пойдет.

— Тебя не обману. — Она как-то иначе на него посмотрела. В глазах уже не грусть была, а что-то другое. Ожидание? Вопрос какой-то?

Будто это она его спрашивала — а ты меня не обманешь?

Странно, это все он помнил, а что заказывал ей, как там дальше разговор шел, уже не помнил.

Хотя обычно все накрепко запоминал. Иногда и хотел бы что-то забыть, а не получалось.

А вот тот вечер весь как в тумане.

Помнил, что ждал заказ, смотрел все, когда она появится — она на кухню ушла, потом еще у кого-то заказ принимала, потом тарелки ему принесла, и тут только он сообразил спросить, ее-то как зовут.

Она сказала:

— Маша я. Мария.

Сердце кольнуло.

Чужое имя.

Не шло оно ей. Так могли звать какую-нибудь русачку. С толстой задницей и грузной походкой. И размалеванную.

А ее, такую настоящую, должны были звать…

У них тут и нет настоящих имен, с горечью понял Хуц-Ги-Сати.

Даже он сам везде уже представляется только как Дмитрий или Дима.

А если бы все было по-настоящему, ну, как положено быть, ее звали бы — тут она на него глянула, и он ощутил, как в груди зародилась и ударила и вверх, и вниз горячая волна…

Ее должны звать Джиналатк. Да — Катящиеся Волны, вот как ее должны звать!

Конечно, тогда он ей не сказал ничего. Дурачком отмороженным посчитает.

Да и звали ее уже к другим столикам, народу в трактире оказалось немало, видать, в окрестностях особых развлечений не было. Вот и собирались тут вечерком. В одном конце зала хохотала местная молодежь, наверняка на одном из тех здоровых «сараев» приехала. В другом у бильярда негромко беседовали квадратные мужики в клетчатых рубашках.

Они ее и позвали.

Показали пустые пивные кружки.

Мол, обнови.

Она показала рукой: ага, сейчас иду.

Снова улыбнулась. Ему одному.

— Это же твой колун, да?

— Мой. — Сердце удар пропустило, будто он малолетка какой.

— Здорове-е-енный! — Она совсем по-детски посмотрела в окно, где виднелся силуэт «Медведя», спохватилась и заспешила выполнять заказ.

Он ел, не разбирая вкуса, потом попросил налить чаю в термос и ушел в грузовоз. Сначала думал, может, номер снять, но передумал, долго

сидел в кабине, слушал радио, читал.

Он и сам не ожидал, что к книгам пристрастится.

Читал все больше по истории. Не совсем старой, а века с XIX, чтобы понимать, что там происходило и что сейчас творится.

Хотя, конечно, хмыкал и думал, что русские врут.

Но врали они умело и красиво.

А все равно читать-то другого ничего не было.

Если решил устраиваться где-то, надо хоть понимать, что к чему.

Около полуночи машины разъехались, погас свет.

Потом в пассажирскую дверь постучали.

Словом, съехались они.

Рассчиталась Маша, да и приехала к нему.

На автобусе.

Ну а что — родных никого, это она ему еще в первую ночь рассказала, когда лежали они на койке в задней, жилой части «Медведя».

— Тут уютно, я и не думала, что ты такой. — Она заворочалась, прижалась к нему вплотную.

С любопытством смотрела на шторку с тлинкитским узором, маленький холодильник, из которого он достал бутылку холодной минералки, лампочку в оранжевом колпачке с красными разводами.

Удивленно хмыкнула, когда увидела полочку с книгами. Провела пальцем по корешкам.

— Какой такой? — Он рассеянно ворошил ее густые волосы, и было ему непривычно хорошо и спокойно.

— Ну, я думала, у тебя над сиденьем иконка будет, многие Николу вешают. А тут, — она похлопала по стене у изголовья, — девки с сиськами, парни такие картинки от «сашов»[2] таскают.

Его неприятно кольнуло, но он постарался, чтобы голос шутливо звучал:

— И много ты кабин повидала?

Она приподнялась на локте, глаза стали темными, мрачными, чисто ведьма из старых легенд.

— Мало. Понял?

И резко встала.

Засобиралась.

Хуц-Ги-Сати сжал ее запястье. Так, чтоб не слишком сильно, но показать, что просто так не

---

[2] Примечания: 2
От САСШ.

отпустит.

— Ты обиделась, что ль?

— Просто пора мне.

Словом, едва уболтал.

Не хотел, чтоб она ушла.

Осталась.

Потом разревелась, он утешал, как мог, потом говорила.

Неприкаянная она оказалась.

Жили неплохо, отец на лесопилке работал, мать поварихой, знать, потому ее все к кухням да трактирам и тянет.

Пока не оскользнулся отец, да так, что жилу на бедре ему перерубило.

— Тут вон, — она качнула коленом в сторону, рукой к бедру потянулась.

Хуц-Ги-Сати перехватил руку:

— Дура, на себе не показывают!

— Ой, да ладно тебе, — но показывать не стала. — Так рубануло, что он за минуту весь и вытек.

Она вздохнула и дальше говорила с тем отстраненным безнадежным спокойствием, что Хуц-Ги-Сати не раз встречал на маленьких заброшенных фермах да городках у закрытых рудников в старом мире. Здесь тоже бывало. Но все больше

у старух, почему-то любивших сидеть у церквей да погостов.

Тьфу ты, мысленно сплюнул он, «старый мир», «погост» — словечки этого мира все чаще сами всплывали в мозгу. Даже на своем родном языке думать приходилось с усилием.

Ну вот, Машка такой ему показалась, когда о родителях говорила.

Сама она малая еще была, помнит только, что мать все «строгановских» кляла, мол, мухлевали их адвокаты и денег вдове выплатили меньше, чем в договоре было пропечатано.

— Ну а дальше мамка попивать стала, ее и турнули, — вздохнула девушка, — конечно, кому какое дело до того, что горе у человека. Только в «Старой крынке» посудомойкой держали. А потом…

Она всхлипнула, и Хуц-Ги-Сати обнял ее покрепче.

— Говорили, выпимши была и за котел с кипятком взялась. Ну или еще как он на нее опрокинулся. Два дня в больнице пролежала, так в себя и не пришла. Померла…

Грустная история вышла.

— Хорошо, я в возрасте уже была, ну да школу как-то окончила да работать пошла.

Она села, толкнула его ладошкой в грудь.

— Да ты не думай, что я тут плачусь или что чем дурным занимаюсь! Готовить умею, гостей обслужить умею, меня любят, говорят, внимательная!

Уехал он поутру, а девчонка из головы не выходит.

Когда между рейсами передыхал, уже сам к ней наведался.

Квартирка у нее крохотная была в панельном домике на краю села Старый Удел.

К декабрю решили съехаться.

Квартирку она через соседку договорилась сдавать вахтовикам, что лес валить наезжали да к геологам, что вокруг что-то искали, нанимались.

Копейка вроде, а все не лишняя.

Ведь и им пришлось угол снимать.

Тут дед, конечно, помог. Тот, что за стоянкой смотрел, где индеец «Медведя» ставил.

Недолюбливал его индеец, уж больно тот богомольный был да все про Русь великую заговорить пытался, а тут…

Как увидел девчоночку, тишком к индейцу подошел, кивнул.

— Сошлись никак?

Хуц-Ги-Сати промолчал.

— Ладно, что невенчанные живете, то ваш грех.

А по углам мыкаться не дело. Вот тебе адресок, хорошая женщина комнаты сдает. Заодно и за милкой твоей присмотрит, чтоб непотребства никакого не было, пока ты в отлучке.

Так оно и вышло.

С Машиными деньгами за ее квартирку да заработком индейца получилось и половину дома снять. Домишка, конечно, крохотный, зато недалеко от его стоянки. Значит, и магазины рядом, и пара трактиров, и столовка для дальнобоев и ремонтников.

Машка быстро работу нашла, и уже две недели спустя Хуц-Ги-Сати с легкой душой ушел в рейс.

Ну как легкой.

Раздражения хватало — полезли к ним с Машкой сразу.

Первым околоточный заявился. Кто, значит, такие, откуда взялись, да почему вместе живут, и венчаны ли.

Хуц-Ги-Сати чуть в рожу ему не сунул, Машка в руку вцепилась, вежливо ответила.

Потом, правда, весь вечер ему выговаривала почище матери. Хуц-Ги-Сати недобрым словом вспомнил свою болтливость — кто его тянул за язык рассказывать о том, что менты его за драки принимали?

Посещения на этом не закончились. Оказалось, бабка, что полдома сдала, в местном приходе состояла, да была не «захожанка», а накоротке с батюшкой и «активистами» — так их всех называл Хуц-Ги-Сати.

Заявились и оттуда. Проведать, значит, новых соседей и покапать на мозги Маше. Что, мол, грех это — невенчанной жить.

Тут, правда, перед тем как в рейс уйти, Хуц-Ги-Сати просвещать подругу взялся.

А в Маше удивительным образом уживалась деревенская хитроватая практичность, тяга иметь свое, что урвала — не пускать, недоверчивость к чужим, какая часто бывает у сирот, полными черпаками хлебнувших злую долю, и желание любить и верить любимому человеку. Ровно как у героинь этих чувственных драм, которые постоянно крутили тут по телевизору.

Пользовались они, надо сказать, огромным успехом.

Как успел понять Хуц-Ги-Сати, главным их производителем на весь мир была Россия, а в самой России кроме отечественных девы умилялись еще над терзаниями, снятыми в Бразилии и отчего-то в Корее.

Ну вот, он Машу за стол усадил, и проговорили

они за полночь.

Что в нормальных странах никто в душу так не полезет.

И полиция не имеет права спрашивать, кто тут венчанный, а кто нет.

А «веруны» эти и вовсе пусть друг другу мозги в церкви конопатят. А что церковь частью государства считается, то и вовсе тоталитаризм.

— Кто? — распахнула глаза Маша.

— Короче, в нормальных странах они не лезут! — рубанул Хуц-Ги-Сати.

— Ну не знаю… Странный ты. Как не православный, — с сомнением протянула девушка.

— Я? Конечно! Я память своих великих предков чту и обычаи их помню!

Словом, пришлось ему раскрывать подруге глаза.

Он говорил, что знал и помнил, и смотрел, как все шире открываются ее глаза и удивленно округляется рот.

Она не знала ничегошеньки.

Да и откуда?

В этом мире русским удалось то, чего не добились даже белые колонизаторы в том, правильном, настоящем мире. Полностью подчинить, покорить сознание его народа чужой вере и чу-

жим обычаям.

В том мире, где он жил, пока не очутился здесь, тлинкиты были хоть и малочисленны, но жили наособицу, четко знали, кто друг, а кто враг, и умело пользовались теми крохами свободы, что оставили им враги.

Они возрождали традиции предков, что свято хранили старшие, и всегда надеялись только на себя.

Правда, и в том мире тоже среди тлинкитов православных хватало, и их Хуц-Ги-Сати презирал, но хоть понимал — эта странная для англосаксов вера тоже была хоть каким-то протестом и борьбой.

Здесь все оказалось иначе.

Вон в том самом селе, где он Машу встретил, тлинкитов чуть ли не все село было.

Заговорил он как-то с соседкой Машкиной.

Было ей уже за девяносто, а точнее никто и не помнил, да и она сама тоже.

— Эх, милок, эт по пачпорту, а мне его давали-то как — как мамка сказала, так и пропечатали. А я уж, наверное, и бегала тогда, за курями смотрела!

Спросил, какого они племени, какого куана. Какой тотем у рода?

Только рукой махнула.

— Милок, ты что? Миха`лковы мы, православные, курей держим!

И таких, оторвавшихся от корней, Хуц-Ги-Сати встречал на трассах постоянно. Вроде и помнили предков, могли до пятого-шестого колена рассказать, а лезли в альбомы да показывали — вот с батюшкой дед мой, на клиросе пел. А тут дядька двоюродный, он о-го-го, он в Первую Белуджистанскую кампанию Георгия из рук самого командующего получил!

Песни слушал — а много голосов-то тлинкитских, и мелодии угадываются, а все равно — какое-то оно другое. Словно все, что было у его народа своего, исконного, переплавила, перемолола сила чужаков и вложила обратно в головы обеспамятевших индейцев.

Маша как раз такая была.

Пришлось рассказывать подруге и о том, как земли эти принадлежали только им, тлинкитам. И как отважные воины индейцев гнали русаков со своей земли, и как героические женщины тлинкитов брали оружие и вставали рядом со своими отцами, братьями и мужьями!

Дальше, правда, было сложнее, ведь не мог он сказать, что двести лет их народ воевал с Россией.

И что оказались они под властью Соединенных Штатов Америки в итоге… И осталось их в том мире куда меньше, чем здесь.

Зато, думал он, там они остались воинами. Выжили самые сильные и приспособленные.

А здесь — не видел он тут воинов своего народа.

Ну ни единой организации, что боролась бы за права тлинкитов, не нашел!

Ни единой!

Потому что в этом-то мире их обманывали иначе.

— Да, в резервации, как в САСШ, нас не загоняют, — горячо убеждал он подругу, — но и янки уже давно это отменили! А здесь ты паспортом привязан да пропиской! Ты просто так без паспорта и билет не купишь!

— Ну ладно тебе, на междугородние только, — улыбалась Маша, но по глазам он видел, слова-то в душу падают. Задумывалась она.

— А ты давно хоть одну книжку тлинкитскую видела? А? А фильм про нашу историю? Чтоб настоящую?! Нет! Только как русские нам культуру да медицину принесли! А мы?! Да у нас же свои корни, свои обычаи!

Хмурилась, пожимала плечами.

Что отцу, что матери не до сказок — работали день да ночь, а бабка померла, когда Маша совсем крохой была.

Так что росла она под звук да картинку из телевизора.

И про Ивана-царевича знала, честно говоря, больше, чем про Иеля или Канука.

Так что Хуц-Ги-Сати слушала, раскрыв рот, все две недели, пока он снова в рейс не ушел.

Совсем темная, что тут скажешь.

Хуц-Ги-Сати промотался почти весь декабрь. Перед Новым годом да Рождеством пора для любых транспортников горячая, для дальнобоев не исключение. На Аляске — тоже. В самых глухих уголках ждут товары, много заказов на сборные грузы, так что дома он оказался только под самый Новый год.

И тут — глухое время до конца рождественских праздников. Хоть и не крещен был Хуц-Ги-Сати, а помнил вроде: сначала Рождество христиане справляют, потом Новый год приходит. Здесь наоборот оказалось.

Да и крестик он, когда пришел-то в себя, на

кожаном шнурке на шее нащупал.

Тьфу ты.

Значит, тут его крестили.

Близких знакомых у них не было, так что Новый год вдвоем встретили.

В основном под одеялом.

На Рождество по городку погуляли, колокола послушали…

Побольше Хуц-Ги-Сати побыть с подругой хотелось, да не выходило, работала Машка. Хозяин, правда, когда та сказала, что мил-друг из рейса вернулся, в положение вошел да на день отдых дал, а еще день — поменялась сменами.

Домой когда шли, вдруг спросила:

— Сатик, милый, ты говорил, домик у тебя от родителей. Может, продашь? Я тут присмотрела один, посчитала. Если там продашь, тут можно почти сразу купить, а остальное с моей получки отдадим, ты же вон как хорошо зарабатываешь…

Он только щекой дернул.

— Только не здесь. Чтоб нас тут налогами да надзором жрали? Не бывать тому.

— Ну а как? Ты только скажи, я ж с тобой куда хочешь… — И на руке повисла, в глаза заглядывает.

Аж сердце зашлось…

— Уходить нам надо, понимаешь?

— Да куда, Сати?

— Туда, где люди нормально живут. Где сколько заработал, то и твое! Где не лезут в чужую жизнь! — Он обозлился. Вдруг, сразу. Аж пелена перед глазами пошла. — Да хоть через границу!

— Жить-то на что будем, милый? — охнула она.

А Хуц-Ги-Сати вдруг полегчало. Словно отпустило что-то внутри, так легко стало. Все ж великое дело, когда хорошая баба рядом.

— Да на то же, что и сейчас! Что я, там работу не найду? Баранку крутить что там, что здесь. С парнями, что через границу грузы таскают, я говорил. Нормально там с заказами. Ты и повариха знатная, и официанткой можешь!

— А… А «Медведь»-то твой как же?

Вот тут сердце кольнуло. К грузовозу он, конечно, прикипел. Почти как к Машке.

Да и до выкупа не так много оставалось.

Продавать надо будет… полную цену, конечно, не выручит.

Словом, стоило заговорить, и всплыло немало вопросов, над которыми он особо не думал, когда решил, что под властью русских жить не будет.

— Все решу. Не завтра ж уходим. Покумекаем,

что к чему, да и переедем, — сказал он с уверенностью.

А Маше достаточно было того, что она услышала «покумекаем». Про обоих сказал, значит, не пустое место она, не просто грелка для постели.

И так ей хорошо стало, что она уткнулась ему в грудь и обхватила покрепче.

Чтоб не видел, как она от радости плачет.

На Крещение он тоже дома оказался.

Январь снежный выдался и с морозцем, рейс получился тяжелый, пару раз «Медведя» на трассе начинало волочить так, что Хуц-Ги-Сати сквозь зубы молился всем богам и предкам, матерился, «Медведь» цеплялся за трассу всеми колесами.

Вытянули.

Второй раз повело уже чуть не у самого дома, на подъезде к городку, и индеец боялся уже не только за себя — вынесет навстречу какую-нибудь консерву, он и не заметит.

Пронесло.

Поставил колун на стоянку, похлопал по колесу, пообещал себе обязательно благодарственную жертву духам принести и домой пошел.

Ну, Машка и потянула — пойдем да пойдем, поглядим хоть, на людей посмотрим, повеселимся, что мы дома, как сычи…

Вздохнул, оделся потеплее да пошел.

Речка-то, что за городом, широкая была, а на зиму ее льдом крепко хватило.

Вечером шли, Машка на руке повисла — любила она его двумя руками повыше локтя обхватить и тесно-тесно идти. Словно боялась, что он денется куда.

А он никуда от нее деваться и не хотел.

Народу на берегу — тьма. Весь город, кажется, вывалил.

Рядом друг с дружкой, значит, две проруби вырубили.

— Иордань называется, у меня папка, говорили, в такой завсегда окунался, пока в силе был, — шепнула Машка. И тихонько рассмеялась: — А я все боюсь. Ужас как хочется, да страшно!

Хуц-Ги-Сати только хмыкнул.

И вспомнил, как с синими губами упрямо шел навстречу морской волне и чувствовал спиной взгляд отца.

«Смотри вперед! Смотри в море, прими его, обратись к духам пучин!»

А может, обманывала память? Не умел отец

красиво говорить, все больше молчал. Правда, когда сын подчеркнуто неторопливо вышел из воды, похлопал по плечу и коротко бросил:

— Бегом.

И они бежали до самого костра, который горел на берегу, ожидая тех, кто проходил сегодня обряд Посвящения Морю.

Индеец глянул на небо.

Было оно сегодня на удивление чистое и звездное.

И — тихое.

Хотя вокруг народ пошумливал, кого-то даже вездесущие казаки под руки вывели, укоризненно приговаривая:

— Что ж ты зенки залил, и не стыдно тебе? Как можно-то на Крещение-то, а?

— Дык ить до первой звезды, а оно ыво-о-она-а ка-а-а-ак… — Ноги у того, кого волокли, заплетались, он смешно вскидывал голову, на звезды показывал.

— Идут, идут… Вона, смотри, — пронеслось по берегу, смолкла гармошка, молодежь вырубила «транзистор».

Правда, шли.

Жрецы христиан выглядели торжественно, несли крест на длинной палке, за ними прихожане

— самые рьяные, значит, с иконами.

Индеец смотрел с неприязнью, но молчал — не хотелось Машке настроение портить, да и самому посмотреть любопытно. Как там они рабов охмуряют.

Остановились, затянули распевное, торжественное. Голос попа, который не то пел, не то читал эти свои заклинания, низкий, густой, плыл над собравшимися, над рекой, над белыми, укрытыми снегом деревьями на том берегу и, казалось, поднимался к весело подмигивающему звездочками небу.

— Вон, смотри, освящать воду будут, целебная она станет, — шепнула Маша, кивая на процессию, которая отправилась к иордани.

Опустили в воду большой крест, что-то снова поговорили-попели. Поп выпрямился во весь немаленький рост, перекрестил собравшихся.

Скинув длинный тулуп, первым полез в прорубь тощий жилистый механик из мастерской, куда Хуц-Ги-Сати захаживал, договаривался, чтоб «Медведя» посмотрели.

Задержался на перекладине, что над самой водой, вдохнул поглубже — и окунулся!

Вылетел из воды, тут же исчез второй раз, опять показался по плечи, крестится.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй!

И тут же — третий!

Стрелой взлетел обратно, там дружки уже ждут, полотенцем растирают, жена ноги трет шерстяной варежкой, голову укутывают.

Кто-то в крышку термоса уже льет что-то пахучее — аж туда, где стояли Хуц-Ги-Сати с Машей, запах дошел. Приятный, травяной…

Небось и этот рецепт у нас украли, скривил уголок рта индеец. Наверняка же из местных трав да ягод готовили.

А народ шел и шел к иордани — кто спускался осторожненько, пробовал воду кончиками пальцев, втягивал со свистом воздух сквозь зубы. Здоровенный околоточный из «центрового» района взревел: «Господи, помилуй!» не хуже того попа, что воду святил, бухнулся в воду так, что она окатила тех, кто поближе стоял.

— Пересидит! Да пересидит, тебе говорю!

— Да не пересидит, Акимыч чуть не с конца лета готовился!

Спорили рядом, Хуц-Ги-Сати не выдержал, обернулся.

Осанистые мужики в годах — бороды окладистые, шубы нараспашку, из купечества, видать, — спорят горячо. О чем, правда, не сразу понял.

Пока те не засобирались по тропке налево, туда, где был небольшой выступ, а за ним вроде тоже мосточки. И народ за ними тоже потянулся. Не весь, но хватало.

Оказывается, там тоже прорубь соорудили. Не крестом, правда, а обычную, прямоугольную. И костер рядом, и даже палатку поставили армейскую, с печкой внутри.

Вот откуда дымком-то тянуло!

Двое крепких мужиков, один жилистый, невысокий, второй здоровенный, с тугим выпирающим пузом, лысый как коленка, неторопливо раздевались и добродушно подкалывали друг друга.

— Ты, Акимыч, сходу-то не бросайся, а то река из берегов выйдет.

— Ну, тебе-то, Степ, переживать не о том надо. Ты, главное, занырни. Пустые-то ведра не тонут!

Хуц-Ги-Сати оглядел обоих с ног до головы.

— Готовиться с лета к тому, что дети тлинкитов проходят в десять лет… Ну да, что еще ждать от тех, кто даже свои обычаи у нас украл, да еще и бабки на этом стрижет.

Сказать-то тихо хотел, Маше, а — услышали.

Тетка, что рядом стояла, и услышала. Дородная, одышливая. Пальто на вате — от бабки досталось,

не иначе. Развернулась, ну точно тяжелый трак на зимней трассе.

— Ты это чего рот открыл? Это кто тут что украл?! Нехристь окаянная! Все вы колоши такие, даром что прикидываетесь!

Маша вцепилась в руку, пыталась утащить, но его уже понесло.

— Мой народ тысячи лет укреплял своих юных воинов! Я сам в десять лет вошел в зимний океан, и никакой это не спор был, а…

Его крепко хлопнули по плечу.

Лысый.

Стоял, улыбался. И пахло от него чем-то таким… Странным. Но чем, Хуц-Ги-Сати не понял.

— Друг, праздник же великий! — Тут на тетку цыкнул: — Грешно сквернословить! Крещение!

Но плечо индейца не отпустил.

— В десять лет, говоришь? А давай с нами, кто кого пересидит! На троих-то оно веселее!

За спиной кто-то ахнул.

— Третий сидеть будет! Григорий Фомич, на кого ставить-то теперь станешь?

Хуц-Ги-Сати открыл рот.

Закрыл.

Маша дергала за рукав, он осторожно, но крепко перехватил ее пальцы.

Ну нет.

Теперь уйти он не мог.

Принялся молча расстегивать куртку.

— А ты что стоишь? — снова рявкнул лысый на ватное пальто. — Еще одно полотенце готовь, не видишь, на троих пересиживать будем?!

И расхохотался.

Провалялся Хуц-Ги-Сати после крещенского купания с неделю.

От хорошего заказа пришлось отказаться, да что поделаешь, кашель, температура такая, что перед глазами все плывет, язык заплетается.

Машка рвалась врача звать. Пробовал отказаться, мол, просто малость простыл, когда из проруби вылезал. Машка наорала, укутала и пошла за врачом.

Простыл — это, конечно, слабо сказано.

Мужиков он честно пытался пересидеть.

Хотя, когда окунулся, сразу понял разницу между незамерзающим океаном и прорубью в реке. Вспомнил, что тогда и снега-то еще не было, когда он заходил.

Не отступать же.

И тощего он таки пересидел, хотя Машка в какой-то момент на него посмотрела и стала отчаянно махать рукой, вылезай, мол.

Он и сам понимал, что вылезать надо. Сердце еще не сбоило, но тело уже сковывало так, что, глядишь, на дно пойдешь.

И все же он дождался, когда тощий подплыл к краю, попытался вцепиться в поручень — не получилось, его вытянули, стали тут же растирать полотенцами, потащили в натопленную палатку.

Здоровый лысый подплыл, глянул, у самого губы уже трясутся, но еще держится.

— В-вы-лез-зай… н-н-не д-д-дури!

После такого индеец точно решил: умру, а не вылезу!

А лысый глянул, схватил под локоть и поволок к поручням.

Своим хрипит:

— Вместе лязаем, ничью пиши!

Вместе и вылезли.

Мотало индейца, пузатый-то вроде полегче отделался, обниматься полез, Хуц-Ги-Сати оттолкнул:

— Не нужна твоя жалость! Я бы…

— Дурак ты, паря! Помер бы за просто так! —

махнул рукой лысый.

Его терли полотенцами, Хуц-Ги-Сати растирала Маша и еще кто-то, но он уже не очень хорошо соображал.

Только потому позволил отвести себя в палатку, где ему сунули горячего чая, какого-то варенья, посадили к печке.

Остальные двое хохотали, вокруг них хлопотали мужики в одних плавках, бабы в купальниках — вроде жены, он не понял.

Дождался, когда руки слушаться начнут, молча нашел свою одежду, натянул и ушел.

Его пробовали остановить, он лишь отодвинул человека в сторону.

С врачом Маша договаривалась, взял он недорого, да еще сам посоветовал, мол, страховку у своего мужика посмотри, там, может, в оплату что пойдет.

Хотя — тут врач хмыкнул — сам же полез в прорубь, каждый год же он предупреждает, мол, нечего здоровьем рисковать. Не, не слушают!

Выписал таблетки, уколы какие-то, ушел.

Колоть Машка умела, оказывается. Так что Хуц-Ги-Сати днем валялся в ожидании вечера, когда она придет, дрогтал в температурном ознобе, шипел от злости и стыда — этот русский специ-

ально его унизил, нарочно полез с ним из воды, благородство, понимаешь, показал! Вечером получал укол, температура спадала, и он засыпал.

Еще телевизор смотрел, поскольку читать не мог, строчки расплывались.

Там, в новостях, и увидел он знакомую эмблему.

Не поверил своим глазам, аж на диване приподнялся — она. Цвета, правда, на флаге чуть другие, но знак тот самый!

Красно-коричневатая голова индейца с двумя перьями, которые читались и как два пальца, сложенные в знак победы! В таком же красноватом круге, что в нормальном мире!

В его мире, правда, флаг был черно-желто-бело-коричнево-красноватый. Тут полосы шли в другом порядке, но какая разница!

Значит, есть в этом мире отважные люди, настоящие воины, что борются за свободу коренных народов Америки!

Снова навалилась слабость, он лег, попил ягодного морса, который приготовила с вечера Маша, — пей, это чтоб пропотел как следует, от температуры!

Сделал звук погромче. Смотрел, и его колотило и от температуры, и от того, что он наконец на-

шел в этом мире что-то знакомое.

Не просто знакомое!

Цель жизни увидел!

Раз тут есть American Indian Movement, то, может, и «Железные сердца» тоже есть? В любом случае надо туда — к ним.

«…провела очередную демонстрацию у штаб-квартиры корпорации Newmont Corporation, протестуя против… Вооруженная охрана корпорации вместе с частной полицией делового квартала применили против протестующих водометы и резиновые пули. Свидетели сообщают, что местами протестующие вступали с корпоративной полицией, как называют такие соединения в САСШ, в рукопашные схватки», — вещал голос из телевизора.

У Хуц-Ги-Сати сжались кулаки. Это были новости из его, нормального мира!

Мира, в котором каждый может высказать свое мнение и отстаивать его. Где каждый сам распоряжается своей жизнью и сам отвечает за последствия. Где есть свобода выбора!

С того дня он начал всерьез думать, как им перебраться в САСШ.

Пока выздоравливал, внимательнее слушал новости, попросил Машку покупать газеты, на

приемнике пару передач нашел.

Конечно, тому, что говорили, не слишком верил, понятно же, что все это имперская русско-рабская пропаганда!

— Мы видим отрицание не только православных, христианских ценностей, но и общечеловеческих! Пропаганда вседозволенности, культ абсолютного индивидуализма служат лишь прикрытием для хищнических устремлений англосаксонских компаний, которые стремятся к безудержной эксплуатации народов. Так происходит в САСШ, так происходило и в Индостане до тех пор, пока народы Белуджистана не обратились к странам Второго Священного Союза за покровительством! — с экрана вещал поп. На удивление подтянутый, с короткой бородкой и такими плечами, что на них ряса потрескивала.

Индеец понимающе кивал — то есть у них каждый действительно сам распоряжается своей жизнью. Каждый может найти тех, кто разделяет его взгляды, и открыто их выражать. А те, кто не согласен, могут открыто свои взгляды защищать. Все честно: основа природы — конкуренция и выживание.

«Мы выжили потому, что во все века избавлялись от слабых и бесполезных. И сегодня пора

стряхнуть с себя морок, который внушили нам поработители. Вернуть себе судьбы безжалостных и мудрых воинов», — вспомнил он слова Человека Без Лица.

— У них же нет правительства, — разводил руками пухляш в странном пиджаке с воротником-стойкой. — Президент, Белый дом — это же просто нанятые управленцы, которые действуют в интересах транснациональных корпораций! И о каком можно говорить государстве, едином народе, если в САСШ даже нет общего законодательства! Только федеральные соглашения!

Его пытались перебить, но он отмахивался:

— И даже эти соглашения работают только на интересы крупного капитала. Даже их собственные деловые люди, что ведут дела в небольших объемах, как наши купцы второй-третьей гильдий, даже эти трудяги не защищены!

То есть деловые люди получают справедливые цены за свои товары и для бизнеса создают нормальные условия. Да, конечно, крупные компании пытаются урвать свой кусок. Но вот же — его братья по крови открыто отстаивают свои права!

Кстати, в новостях ни слова не сказали о том, что кого-то задержали, предъявили обвинения…

А русские наверняка бы не упустили такой возможности пнуть своих врагов.

В том, что САСШ были врагами русских, индеец уже не сомневался. Наверняка это потому, что они здесь, как и в том мире, боятся конкуренции американского бизнеса! Жесткого, впитавшего все лучшее, что им удалось забрать у коренных народов, и потому эффективного. А в этом мире, значит, Штаты еще эффективнее, ведь они меньше, чем в том, настоящем! Раз русские захватили их территории.

Нет, им с Машей… Нет, с Джиналатк.

Ее зовут так.

Это имя ей нравится.

Когда он впервые так ее назвал, она удивилась.

Но улыбнулась. Неуверенно, непонимающе, но — улыбнулась же.

С того дня он стал называть ее так все чаще.

Особенно когда они оказывались в постели.

От этого воспоминания снизу поднялось приятное тепло, то что нужно — напряглось, так что Хуц-Ги-Сати заворочался.

Ну, значит, все в порядке, он выздоравливает.

И надо вернуться к подготовке обряда.

Он выключил телевизор, закрыл глаза и за-

думался.

Об обряде он задумался сразу же, как только Маша переехала к нему.

Он представлял себе их вместе — в настоящей одежде предков, танцующих вокруг костра среди ночного заснеженного леса.

У реки.

Обязательно у реки.

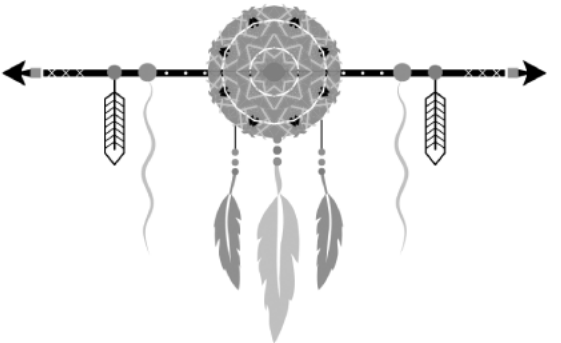
Тлинкиты — люди воды.

Да, леса и воды.

Там он и проведет обряд имянаречения, и она обретет истинное имя, станет полноценной частью своего народа.

И сможет получить новый паспорт на новое имя там, куда они уедут.

Эпизод 6. Сборы в дорогу



Хуц-Ги-Сати решил действовать.

Он вообще не очень умел и любил долго что-то обдумывать. Поэтому первым делом нашел в справочнике риелтора поближе к родному городку, где был родительский дом, и узнал, как все организовать, чтоб продать.

Самому этим заниматься было недосуг, а оформлять бумаги на Машу, оказалось, та еще маета. Проверки, доверенности, проверки доверенности, зачем-то виза от местного епископа — церковь-то тут с какого бока! В очередной раз индеец убедился, что из этой ненормальной стра-

ны надо выбираться.

К дому он никаких особых чувств не испытывал. Это была просто еще одна часть морока, который навели злые духи. А может, и добрые, думал он, правда, в последнее время, особенно после очередного кувыркания в постели с Машей, глядя, как она засыпает у него на плече.

Может, действительно добрые духи-то? Но тогда какой-то урок они ему дают. А ежели это духи предков и божества чему-то учат, значит, он должен быть сильным и несгибаемым. Настоящим воином, который быстро принимает решения и отвечает за них.

Так что Машке он ничего говорить не стал, согласился на все условия риелтора, который его честно предупредил — раз продавать срочно хочет, то денег выручит меньше, не сезон по зиме-то.

Да и продать скромный домик на острове за серьезные деньги не получится.

Хуц-Ги-Сати просто сказал: старайтесь не продешевить — и ушел в рейс.

Как раз к границе с САСШ.

«Медведя» под завязку нагрузили «зворыкинскими» телевизорами, которые, как с удивлением узнал индеец, пользовались бешеным спросом

в САСШ. Продавец особо оговорил полную сохранность груза при транспортировке, но и оплату дали соответствующую.

Поехал.

Доплачивали еще и за срочность. Груз предназначался для какой-то крупной северо-американской торговой сети, которая специализировалась на русской и китайской электронике, так что перегружали прямо с фуры на фуру.

Тут Хуц-Ги-Сати и зацепился языками с ДаШоном Мбагуа. Фуры-то вон, задом к заду стоят, что не размять ноги.

Трак у ДаШона оказался, правда, «руссо-балтовский», но до ума он его явно сам доводил. По дверям черная пантера бежала, морда расписана африканскими масками и поднятыми вверх кулаками.

— Копы не стопают? — кивнул индеец на пантеру.

ДаШон только плечами пожал. И осмотрел индейца искоса. Был он высокий, нескладный — и здоровенный. Эту агрессивную негритянскую настороженность, готовность стразу взорваться истерикой, а то и полезть за пушкой Хуц-Ги-Сати успел малость подзабыть.

Вспомнил.

— А чо им тормозить? Все по красоте, не докопаются. Да и насрать им всем, — пожал плечами негр.

— Ну, пантера-то у тебя не просто так? — Хуц-Ги-Сати стоял, перекатывался с носка на пятку, руки в карманах, грелся.

— А тебе-то с того что? — Теперь смотрел и настороженно, но и с интересом. Тем более говорил Хуц-Ги-Сати на английском, а его мало кто знал. Кто из-за кордона приезжал, русский учили, да и вообще основными международными языками, как выяснил с удивлением Хуц-Ги-Сати, считались русский, немецкий да португальский. Причем бразильский говор.

А последние лет тридцать, услышал он в какой-то программе, в моду прочно вошел какой-то мандаринский диалект.

«Это еще что?» — удивился индеец. Оказалось, китайский.

В общем, слово за слово, разговорился ДаШон.

Говорил, правда, так косноязычно, что индейцу пришлось напрягаться, чтоб понять.

— Йо, «пантеры» — сила! Мы свободные люди, корпорации пусть знают! Не то что эти юги-угольки!

Короче, как понял Хуц-Ги-Сати, «Черные пан-

теры» в этом мире действовали более открыто и вроде бы мирно, чем в его привычном. То выступали вместе с «Братьями-мусульманами», то грызлись. В целом гоняли на демонстрации, добивались больших выплат для «свободных ниггеров» и были чем-то типа профсоюза.

Негров он, откровенно говоря, не любил.

Да и за что?

В школе его настоящего мира власть держала черная банда, которая безжалостно метелила всех подряд, не делая различия. Для своих же ниггеров, если кто был не в банде, исключений тоже не делали.

Пару раз доходило до поножовщины.

Смотрел Хуц-Ги-Сати на ДаШона, который с горящими глазами рассказывал, как «да мы макаронников знаешь как нагнули? Там даже копы на раене не рыпаются», смотрел да думал, что прав был Человек Без Лица.

Спросили его на одной встрече. Мол, надо бы объединиться с угнетенными братьями-чернокожими, вместе бороться с белыми, которые угнетали черных рабов столько веков!

На что Человек Без Лица, как всегда, не повышая голоса, бесстрастно спросил — отчего же негры не отправятся к себе в Африку бороться

за свои права там? И почему вместо этого они ходят по земле, которая принадлежит по праву коренным американцам, и требуют каких-то особых пособий и выплат? Почему в то время, как истинные дети Америки трудятся в поте лица, черные пришельцы сидят на пособиях и требуют еще и еще? А когда получают — сбиваются в стаи, захватывают территорию и превращают ее в помойку.

— Что бы вы сделали, окажись в вашем распоряжении современный небоскреб? — спросил Человек Без Лица.

Кто-то сказал, что устроил бы там общественный центр, кто-то предложил сдавать его, а вырученные деньги пустить на борьбу… Горячо говорили.

— Когда негры захватили города Южной Африки, какое-то племя заняло небоскреб. Они просто кидали мусор и гадили в общий мусоропровод. Валили свое дерьмо в трубу. А то и просто на лестницу. — Человек Без Лица, как обычно, сидел в тенях, голос отстраненный, чуть задумчивый, отчего казалось, что он плывет один посреди вселенского океана. Но все слушали его с напряженным вниманием. — Они пользовались зданием до тех пор, пока не загадили его полно-

стью. Мусоропровод отказал, по лестницам было невозможно ходить. Тогда они просто собрали вещи в узлы, самки похватали своих детенышей, и племя перебралось в другой небоскреб[3].

Народ, что тогда на встречу собрался, замолчал.

Задумался.

— А с парнями из AIM вместе действовать не пробовали?

ДаШон как-то сразу напрягся, весь его вертлявый расслабон исчез.

— А тебе что? Ты вообще кто? Ты русский, ты откуда про них знаешь? А? Ты из охранки?!

Полез, в грудь пальцами тычет, глаза дурные…

Хорошо, перегрузка закончилась, бригадир грузчиков с бумагами пришел, давайте, мол, подписывайте.

Разошлись.

Негр только, как в кабину садился, зыркнул, пробормотал что-то, да Хуц-Ги-Сати уже внимания не обращал, рукой только махнул.

Пора было в обратный путь.

Может, и риелтор уже что толковое скажет.

Выруливая с терминала, Хуц-Ги-Сати думал,

---

[3] Примечания: 3

Случай реальный, зафиксирован неоднократно в ЮАР.

что, если дело нормально пойдет, к середине весны можно будет уже и бумаги на получение гражданства подавать.

А что?

Он осторожно узнавал, что там да как, оказалось все до странности просто.

Пишешь заявление — одно в полицию, его несешь по месту прописки. Второе отправляешь депешей в специальный отдел МИД, который и передает это в САСШ.

Вроде должны в течение месяца рассмотреть.

Если все нормально, иди на все четыре стороны.

Все, кого ни спроси, в один голос говорили — САСШ никому не отказывают.

Все правильно, подумал Хуц-Ги-Сати, они понимают, что им нужны люди, которые будут сами делать себя.

В его голове уже складывался простой и надежный план.

На деньги за домик и «Медведя» (тут сердце, конечно, екнуло) они берут в лизинг трак там. Хотел поначалу и «Медведя» перегнать, но почитал о том, сколько это тянется и как оформляется, проклял русскую бюрократию, плюнул.

Значит, думал он, наблюдая за трассой, трак

возьму. Ну и на тамошние права сдать придется, это он тоже узнал. Вроде и здешние там в какой-то зачет идут.

Пока учиться будет, что-то да придумает с работой.

Машке проще, официанткой да поварихой пойдет, как и тут. Это они тоже узнавали, вроде даже медкнижку заново оформлять не надо.

Жилье какое-никакое — снимут.

Да еще и подъемные же дадут при получении гражданства!

Надо пользоваться!

А там — первым делом найдет парней из AIM.

Они и подскажут, что и как дальше делать!

Что именно делать, для чего ему парни из AIM — он, честно говоря, и сам не смог бы объяснить. Но они были частью его жизни в том, привычном мире, и он тянулся к этому привычному.

К авторитету Человека Без Лица, к привычной объединяющей ненависти, понятным врагам и жизни, где есть только ты. И — твои соратники по борьбе.

Хотя, задумался он вдруг, была ли эта борьба-то?

Но тут же прогнал непрошеные сомнения.

И сосредоточился на дороге.

Сложнее всего оказалось продать «Медведя».

Поначалу, как узнал, встал на дыбки дед-сторож.

— Ты, Дима, чего удумал? Какая емеграция?! Куда «Мишеньку» продавать?! Да я поперек ворот лягусь! — завелся старик.

Обиделся даже!

А всего-то Хуц-Ги-Сати хотел его попросить, мож, знает, кто возьмет?

Недорого отдаст. Там и не продажа ведь даже, а передача прав, ну и еще какая-то чешуя, о которой ему терли в банковской конторе.

Не, ни в какую.

Ушел к себе в каморку, дверью хлопнул.

Поболтался в «Старом сапоге», где дальнобои любили собираться, попробовал там поговорить. В итоге нарезался до изумления, говорили, хотел бить всем морды, кричал что-то о других мирах. Мужики заволновались, мол, колоша белку словил. А всем известно же, ежели колоша белку словит, то это хуже, чем чукча.

Чукча просто в углу будет сидеть и тыкать ножом в каждого, кто подходит.

— На такого, — со знанием дела рассуждал Слава с позывным «Казак», — матрас просто

кидаешь, пока он его тыкает ножиком, ты его и пеленаешь. Был у нас такой, когда в Турбате стояли. Хороший мужик, но как выпьет — хоть святых выноси.

— Вот мы тебя, Дима, и вынесем вместо святого, — ржал Казак, пеленая индейца его же курткой, — потому как выпимший колоша хуже самоеда. Он на тебя сам бросаться будет! Я об такого, помню, приклад «федора» сломал, это ж надо!

В общем, не стали городового звать, отволокли к дому, у двери поставили да в дверь постучали.

Там его Маша и нашла.

Протрезвел, понял: придется через лизинговую контору продавать. А там копейки дадут.

Махнул рукой: а, ничего ему тут не надо!

Не позволю себя унижать!

Подписал бумаги, что не позднее чем через месяц передаст приказчику конторы ключи от транспортного средства в надлежащем состоянии.

И в рейс ушел.

Вернулся усталый до чертиков — конец февраля, вроде и не пора еще весне нос казать, а вопреки всем правилам днем растеплело, ночью, известное дело, подморозило. Едва не ушел в обочину.

Спать хотел, жрать хотел, едва ключом в замочную скважину попал.

Открыл, а из кухоньки голоса.

Мужской. Вроде и знакомый, и не поймешь чей.

И Машкин. Да ласковый такой.

Затылок сразу налился горячей тяжестью, рука зашарила по стене — искала биту для лапты. В лапту Хуц-Ги-Сати не играл, но пару бит, как представилась возможность, прикупил. Одну в «Медведя» положил, вторую в прихожей поставил.

Нормальных бейсбольных-то тут не сыщешь.

Ладно, коленную чашечку сломать и эта сойдет.

А потом, потом — Машку…

Тут перед глазами все поплыло, он понял, что Машку он пальцем не тронет.

Но на мороз — выставит.

С вещичками.

Сжав биту так, что пальцы побелели, он шагнул в кухню.

— Ой, Сатик! А мы с Пал Евграфычем о тебе говорили!

Маша обвила его шею руками, чмокнула в щеку — и тихонько завела ему за спину биту. Дернула,

мол, отдай, и прощебетала:

— Сейчас вернусь, я скоренько.

И упорхнула в прихожую.

Вместе с битой.

А он остался стоять в дверях, тяжело глядя на Брязгина.

Исправник смотрел на него странно.

С сочувствием, что ль. Сожалением?

Словом, так смотрел, что у него снова глаза кровью наливаться начали и желваки на скулах заходили.

— Что я нарушил, ваше благородие, что вы меня в розыск объявили? — сквозь зубы процедил индеец.

А Брязгин вдруг улыбнулся.

— Да не нарушил ты ничего, Дима. Сядь. Девочка вон твоя сразу все про тебя и меня поняла, хорошая она. Повезло тебе. Только что ж ты, дурак, невенчанный с ней живешь?

Эти вопросы Хуц-Ги-Сати мимо ушей пропустил, а на табуретку сел.

Маша зашла, уже в шубке и зимних фасонистых расшитых валенках.

— Вы тут беседуйте, а я пойду поесть прикуплю. Что ж ты не предупредил с дороги?! Да вы чай пока пейте, пейте, варенье-то есть, Дима покажет.

И исчезла.

Брязгин вздохнул.

— Я ж говорю, хорошая.

— Что хотите?

Лицо Брязгина не изменилось, голос — все такой же спокойный.

— Вы, господин Смирнов, со мной так не разговаривайте, пожалуйста. Неприятно мне такое обращение. Да и негоже это. И по твоим обычаям тоже, тлинкитский воин Хуц-Ги-Сати. Так ты себя вроде называть любишь? Так ты со старшими говорить почтительно должен. И неважно, какого они роду-племени. Я с колошами всю жизнь живу и обычаи ваши как свои знаю. Понял? И повоевать мне вместе с твоими пришлось. Так что кто тут воин, это мы отдельно поговорить можем.

Тяжело слова падали.

Приходилось держаться, чтоб не вздохнуть и не осесть на стуле виноватым школяром.

— Вы старше. Да. Обижать не хотел, — повел плечом индеец. — А все равно, зачем приехали? Не нарушал я ничего.

Брязгин улыбнулся. Грустно так.

— А приехал я, Дима, потому что запрос ко мне пришел на твою проверку. Мол, дом решил продавать мещанин Смирнов. Нет ли какого

мошенства. А ты не знал, что в таких случаях положено полицию запрашивать?

Нет, не знал этого Хуц-Ги-Сати.

И сюда, значит, они лапы свои запускают… Нет, не подвело его чутье, нечего тут делать…

— Вот и решил я сам убедиться, не пытаются ли из тебя деньги выманить, по доброй воле ли ты и в здравом ли уме дом продаешь?

Посмотрел на Хуц-Ги-Сати, снова вздохнул чему-то своему. Совсем по-стариковски вздохнул.

— Не чужой же ты, Дима. Отца твоего я хорошо знал. Мать — святая она у тебя… была.

И резко переключился.

— Что это за разговор — в САСШ уезжать? Ты с чего такое удумал?

Вот тут Хуц-Ги-Сати все понял!

Все это сочувствие, все это «не чужой ты мне» — ложь это все! Вранье! Вынюхивать коп приехал! Не пускать!

Он сразу успокоился.

— Мир повидать решили, — откинулся он на стуле. — По странам поездить. Хоть что-то, кроме вашей тюрьмы, увидеть. Пока молодые мы. Ясно?

Он подался вперед и очень тихо сказал:

— Так что езжайте обратно, пока Маша не при-

шла. Нечего ей голову забивать.

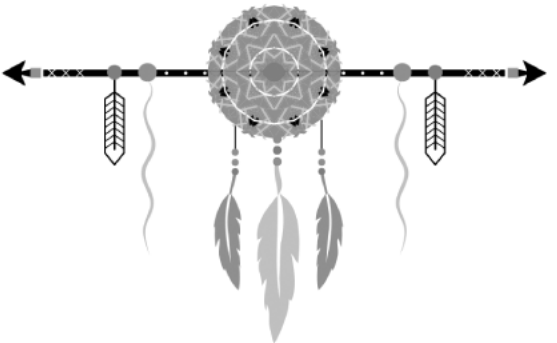
Брязгин долго смотрел на него.

Молчал.

Тяжело поднялся и ушел.

Спустя неделю Хуц-Ги-Сати продал «Медведя».

Эпизод 7. Перспектива 2



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ,
ШАНХАЙ, РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО, ВАШИНГТОН, ЧИКАГО

В Чикаго Закревский приехал уже уставший до чертиков.

Наутро после разговора с Морозовым-младшим он первым делом нанес визит в антикварный магазин, услугами которого пользовался, когда надо было подобрать подарок нужным людям. Близился юбилей Трифона Семеновича Рукавишникова. Так что визит консультанта ярмарки

и задумчивый выбор подарка во внутренних покоях хозяина магазина были совершенно мотивированными. Именно там хозяин держал наиболее ценные предметы, и в святая святых допускались только избранные клиенты.

О том, что эти внутренние покои соединялись со служебными помещениями фотоателье, находившегося в том же доме, знали только те, кому это было положено знать. Как и о том, какие заказы в том ателье выполнялись.

Час спустя Закревский, вежливо приподняв модную «федору», покинул лавку. Заказ договорились прислать к вечеру в гостиницу.

В течение дня Петр Аркадьевич встретился с представителем «Охранного предприятия Смирнова», чьими сейфами и сигнализациями Морозовы пользовались, почитай, лет сто.

Затем за обедом пообщался с известным журналистом из «Международного обозревателя». Обед, естественно, был за счет Закревского.

Цены у «Кюба», конечно, всегда были безбожными, но Петр Аркадьевич не переживал: Морозов никогда не жалел денег на хорошие источники информации. А журналист был как раз таким источником. Поскольку умел анализировать, держал нос по ветру, а с Закревским

работал не только из-за денег, но и из искреннего мальчишеского задора еще с тех времен, как Петр Аркадьевич состоял в Особенной канцелярии.

Говорили о Бразильской империи и Поднебесной.

В конце Петр Аркадьевич попросил журналиста где-нибудь в компании обронить, что морозовский консультант интересуется околополитическими сплетнями в «демидовских» краях, особенно в окрестностях Екатеринбурга.

Затем Закревский поработал в личном, с оплаченной на год арендой, кабинете подключения к Сети. Его он уже не первый год арендовал у компании «Тихие кабинеты», которая специализировалась на предоставлении именно тихих и очень хорошо защищенных кабинетов с аппаратурой выхода в Сеть. И всероссийскую, и, за дополнительную плату, «Чистые небеса» Поднебесной, европейскую NetScape и ArpaNen Media северо-американцев.

Что было особенно ценно для него — «Тихие кабинеты» это проворачивали не просто через псевдонимы, а с помощью реально существовавших пользователей сетей.

Заказал чайник молочного улуна, обменялся депешами с деловыми партнерами, распечатал

несколько статей, которые тут же сшил в аккуратную брошюру.

Остаток дня провел в гимнастическом зале «сокольников», в рядах которых официально не состоял, но услугами их залов и преподавателей постоянно пользовался.

Вечером забрал сверток с подарком, поднялся к себе в номер, развернул посылку. С удовлетворением осмотрел прекрасный эскиз «Летнего заката» Флоранского в оригинальной рамке, аккуратно поддел лезвием раскладного ножа крепеж на задней стороне и достал паспорт Российской империи.

На следующий день из Пулково отправился в деловую поездку приказчик «Торгового дома Шелапутиных» Павел Алексеевич Звонцев.

Стратопланы Закревский недолюбливал, но это был самый быстрый и достаточно комфортный способ добраться до цели.

Шанхай, как всегда, накатил серо-сизой волной густого шума. Закревский любил этот гигантский мегаполис. Ему нравилось соединение разных эпох, культур и укладов, здесь в одном доме спо-

койно уживались лапшичная, прямиком из XIX века, и ультрасовременная клиника пластической медицины, до которой жители Поднебесной были великие охотники.

В этом сезоне, например, у здешних девиц в моде было изменение разреза глаз, «дарующего вам взгляд жестокой коварной полячки, безотказно покоряющий мужчин», как сообщало рекламное объявление на интерактивном дисплее клиники. Девица, которая загадочно улыбалась и изображала «жестокую полячку», по мнению Закревского, правда, больше напоминала бурятку.

Бурятки, впрочем, по мнению Павла Аркадьевича, тоже были ого-го. В плане безжалостного покорения.

Хотелось потеряться на улицах города, побродить, слушая Шанхай, напитываясь им. Но — не в этот раз. Времени было только на то, чтобы обменять паспорта и получить у надежного человека новый документ. На этот раз на имя инженера Якова Валерьяновича Замшева.

И уже господин Замшев позволил себе чуть расслабиться и немного посидеть в любимой лапшичной Чуньфен, что в Сюйхуэйе.

Отдуваясь, Закревский-Замшев положил палочки на поднос, ощущая в животе приятную

тяжесть, а во рту — послевкусие острой лапши с сычуаньским перцем.

Поймал моторикшу, сел в прозрачную торпедообразную капсулу и отправился в аэропорт.

Стратоплан компании «Небесные драконы» доставил господина Замшева в Рио-де-Жанейро, где он задержался на три дня по делам фирмы. Инженер посетил заводы Бразильской империи, провел переговоры в интересах российско-германской фирмы «Оптические механизмы», последний день посвятил составлению отчетов, которые и направил в свою контору во Владимире.

И фирма, и контора в древнем русском городе, и даже переговоры были самыми настоящими.

И — позволили убедиться страхующей двойке, которая, сменяясь, следовала за Закревским от самого Санкт-Петербурга, что за объектом хвоста нет.

Поэтому Петр Аркадьевич спокойно, но не привлекая ненужного внимания, встретился с доном Луисом Алейшо Боланже.

Был дон Луис невысок ростом, обширен и весел,

манерами больше напоминал обитателей фавел, однако вполне справедливо считался «серым кардиналом», во многом определявшим направление бразильской экономической политики.

О делах Нижегородской ярмарки он, конечно, был прекрасно осведомлен и не преминул в разговоре пару раз обронить фразы, которые однозначно свидетельствовали о том, что информацию он получает не только из газет.

Но обронил осторожно и доброжелательно. Так, чтобы и возможный источник не засветить, и продемонстрировать, что использовать информацию во вред нижегородцам не собирается.

Закревский жест оценил.

— Дон Луис, скажите, как вы сами оцениваете состояние дел, которые сейчас интересуют господина Морозова? — Закревский понимал: спрашивает практически в лоб, что не слишком укладывалось в каноны бразильского делового этикета. От метрополии южноамериканская аристократия унаследовала любовь к извилистому окольному выражению своих мыслей, полунамекам и легким обозначениям… И соединила это с жесткой, давящей, словно кольца анаконды, деловой хваткой.

Однако Закревский решил рискнуть, рассчиты-

вая, что такую прямоту дон Луис воспримет как встречный знак доверия.

«Серый кардинал» поднес к губам широкий низкий стакан, вдохнул аромат ликера. «Из таких стаканов янки обычно тянут свою кукурузную самогонку», — подумал Закревский. Откуда у него эта привычка пить только из этих стаканов?

— Все так же предпочитаете Jabuticaba Prosa Mineira? — улыбнулся он.

Дон Луис улыбнулся, отсалютовал бокалом, показывая, что оценил внимание собеседника к мелочам.

— А вы остаетесь верным кашасе. Мне кажется, она вам напоминает родную русскую водку.

Он смочил губы ликером, посмаковал.

— На мой взгляд, дела господина Морозова, во всяком случае, те, о которых я знаю, идут весьма успешно. В развитии его коммерческих проектов заинтересованы не только русские деловые круги, но и деловые партнеры из разных стран.

Он снова сделал крохотный глоток и добавил:

— Как существующие, так и потенциальные. Партнеры.

Закревский двумя пальцами взял маленький

мартелино[4], отсалютовал собеседнику, сделал, как положено, крохотный глоток, посмаковал.

Чужой, конечно, напиток, но хорош… Особенно к рыбе. А повар у дона Луиса был превосходный.

— Кашасу я люблю саму по себе. На водку она ничуть не походит. Да и пьют ее совершенно иначе, чем водку. Да вы и сами это знаете. Но ваша «фазендейро» просто прекрасна!

Дон Луис просиял. Кашасу он гнал уже много лет, лично и самозабвенно. Получалось действительно прекрасно.

Тем временем Закревский отдал должное рыбе.

Прожевал.

— Тогда я спокоен, дон Луис. Раз вы считаете, что вокруг господина Морозова спокойная деловая обстановка… — и Закревский подвесил фразу в воздухе.

Дон Луис не торопился с ответом.

— Скажем так… Я полностью уверен, что деловые круги Бразильской империи относятся к господину Морозову с глубочайшим уважением. Насколько я знаю, в Старой империи отношение к нему такое же.

---

[4] Примечания: 4
Стаканчик, из которого принято пить в Бразилии кашасу.

Закревский удержался от улыбки. Все же португальская любовь к помпезности во всем, что касается родословных и происхождения, цвела в Бразильской империи пышным цветом. Потому до сих пор и называют здесь Португалию Старой империей. Хотя сами же вышибли португальцев из страны, как только представилась возможность.

— Я ощущаю в вашей фразе некоторое «но», или это моя профессиональная подозрительность? — осторожно уточнил Закревский.

Дону Луису не надо было уточнять, о какой именно профессии его собеседника идет речь. Их знакомство состоялось пятнадцать, да нет, какое там, шестнадцать лет назад. И до сих пор дон Луис восхищался тем, как изящно провел операцию молодой русский разведчик. Никакого шантажа, подкупа, угроз или использования втемную. Ничего из того, что обычно применяли те, кого считали королями разведки, — бритты, германцы и французы. Последние, впрочем, как и евреи, обладали особым почерком и предпочитали заходить на объект через девочек и мальчиков.

Русский же поймал его на пороке, о котором и сам дон Луис не подозревал.

Детском тщеславном желании иметь истин-

ную аристократическую родословную, такую, чтоб тянулась еще из Старой империи.

Бумаги оказались подлинными.

И действительно помогли ему войти в правительственные круги.

Не для личного обогащения старался!

Ради блага страны! — говорил себе дон Луис и почти не врал.

Говорить с ним на равных «наверху» стали только после того, как дон Луис устроил выставку «Боланже век за веком», на которой ненавязчиво продемонстрировал документы, свидетельствующие о том, что род его восходит к «тем самым» Соуза.

После этого скромный сотрудник русского посольства стал желанным гостем в доме дона Луиса. Закревскому ни разу не потребовалось объяснять господину Алейшо Боланже, что, если в определенных кругах узнают, кто помог получить дону Луису те документы, его репутация… Скажем так, публично ничего не изменится, но в его присутствии определенные темы обсуждать больше не будут.

Дон Луис все прекрасно понимал и ценил тактичность Петра Аркадьевича, который ни разу не попросил его о том, что могло бы навредить

интересам Бразильской империи.

Искренним патриотом которой был дон Луис.

Со временем оказалось, что их сближает еще одно обстоятельство — искренняя неприязнь к Ост-Индской компании.

Точнее, методам, которые она применяла для достижения своих целей.

Обо всем этом сейчас и думал «серый кардинал» бразильских «рикас»[5], прикидывая, как ответить.

Вопрос русского его встревожил. Не слишком сильно, поскольку с самого начала было понятно, что такие переговоры от конкурентов полностью не закроешь. Но он хорошо знал, кто такой Петр Аркадьевич Закревский, и понимал, что просто отведать кашасы, пусть и лично им, доном Луисом, изготовленной, консультант не поедет.

— Сеньор Закревски, ценю ваше доверие, однако «но», пожалуй, есть. Не могу сказать, что есть конкретные сигналы, но пара моих хороших партнеров вскользь обронили, что отмечают тихую активность островных гринго. Например, владельца одной нашей горнодобывающей компании несколько раз расспрашивали о планах

---

[5] Примечания: 5
Толстосум, богач.

развития британские журналисты.

— Их можно понять, бразильская экономика на подъеме, бритты, разумеется, сделали стойку.

— Безусловно. Однако этот знакомый сейчас начинает вести дела с вашими соотечественниками, сеньор Закревски. И начальник его охраны доложил шефу, что засек за ним чужое сопровождение. Причем именно тогда, когда он собирался на встречу с русскими comerciante. Что интересно, о несколько более плотном, чем обычно, внимании обмолвились в разговоре и мои знакомые представители компаний САСШ. Причем именно тех, с которыми ведет сейчас переговоры наш общий знакомый.

В целом ничего выдающегося, думал Закревский. Североштатники следят друг за другом постоянно, это их национальное развлечение наряду с судами и бесконечными телевизионными «процедуралами». Наивно думать, что переговоры Морозова не заметят.

Приоткрывать карты дальше или не стоит?

Пожалуй, не стоит.

И Закревский аккуратно свернул беседу.

Правда, прощаясь, все же решил слегка «задать вектор», как говорил один его хороший знакомый. С которым он планировал встретиться в

ближайшее время.

— Дон Луис. Если вдруг вам просто померещится, что вокруг наших с вами общих знакомых затевается игра, которая может помешать их деловым интересам, сообщите, пожалуйста.

И тут же уточнил:

— Разумеется, я обязуюсь поступить так же.

Дон Луис задержал руку Закревского в своей.

— Сеньор Закревски, а прямо сейчас нет ничего, относящегося к таким обязательствам?

— Пока нет, — совершенно честно ответил Петр Аркадьевич.

Ворочаясь в неудобном кресле, Закревский с тоской вспоминал стратопланы Российских Императорских авиалиний. Бразилия хоть и считалась империей, но своей орбитальной авиации не имела, как и САСШ. Так что приходилось довольствоваться обычным «Эмбраэром». Кормили хорошо, стюардессы были очаровательны, но кресла!

Так что спустя одиннадцать часов, выйдя из чикагского аэропорта, Закревский был невыспат, помят и раздражен.

И звался Семеном Леопольдовичем Зуровым.

Глянув в паспорт первый раз, Закревский зал себе слово, что за «Леопольдовича» ему кто-то непременно ответит.

Поднял руку, сел в первое же подкатившее такси, велел везти в Тэлботт.

По дороге думал, сколько у него времени.

Решил: часа четыре, пожалуй. Может, пять. На его стороне неизбывный штатовский бардак и отсутствие централизованных спецслужб. И конечно, Митенька Артист, который сейчас должен был проходить паспортный контроль с бумагами на имя Петра Аркадьевича Закревского.

Громоздко, конечно, но что делать.

Надо будет встречаться с Морозовым, а делать это можно только с абсолютно легальными бумагами.

Упаси боже, кто-нибудь из поднебесных партнеров увидит заголовок вроде: «Русский магнат в компании русского шпиона — на кого работает Морозов?!».

Оставшееся время надо использовать с толком.

Когда до отеля оставалось шесть кварталов, он постучал в перегородку из пуленепробиваемого стеклопласта.

— Остановите здесь!

Просунул купюру через узкую щель, подхватил портплед и вышел.

Северо-американские города он не любил, чувствовал себя в них неуютно — окружающее пространство давило, заставляло спешить, хотелось побыстрее убраться с улиц. Он словно попадал не то в скотозабойный цех мясокомбината, не то на конвейер машиносборки.

Мрачный скучный утилитаризм без намека на желание как-то обуютить пространство.

Вытянутые на целые кварталы дома. Застройка плоская, в десять, много пятнадцать этажей.

Закревскому не хватало привычных «игл», что оживляли ландшафты русских городов. Здесь — некрашеный проржавевший металл, голые кирпичные стены, из украшений — разве что граффити уличных банд и знаки контроля частных охранных контор, патрулирующих улицу.

Зачастую это одно и то же было.

Как тут только люди-то живут?

А вот некоторые торговые галереи ему нравились. Особенно те, где сохранились маленькие несетевые магазинчики и семейные конторы вроде «Мелкие нужные услуги», в одну из которых он и вошел.

Тихонько стрекотала в задней комнате швей-

ная машинка, радиоприемник на столе пел что-то сладенькое на итальянском, подвешенный сбоку от входа плоский «Золотой Дракон» показывал машущих руками людей.

За людьми на экране скучающе наблюдал чернявый подросток.

Так же скучливо перевел взгляд на посетителя.

Опознав по костюму и портпледу состоятельного посетителя, оживился.

— Что угодно джентльмену? Починить костюм, ботинки, пришить пуговицы, погладить рубашки?

Но Закревский кивнул на столик у прилавка. На столике каким-то чудом помещались терминал для выхода в местный MediaSett, клавиатура с неимоверно затертыми кнопками и телефон.

Парень услужливо развернул к посетителю терминал оплаты.

И просительно заглянул в глаза.

— При оплате кешем можем поговорить о скидке и доступе в settku через мой аватар…

— А ну как я коп, что за sett следит? Или вообще с холма?

— У меня глаз-то алмаз, так дед говорит, — улыбнулся паренек, — у парней с холма и повадка другая, и костюмчики.

— На тебе, глазастый, — улыбнулся Закревский, — за сообразительность. Своим аватаром обойдусь, что я, на голых девок смотреть собрался?

Чернявый только фыркнул.

Закревский пошерстил местные «Желтые страницы», поглядывая на экран, набрал на аппарате местный номер.

— Алло… Алло… Это прокат «Чикагская конюшня»? Да? Да, здравствуйте. Я хотел бы у вас арендовать на неделю какой-нибудь недорогой седан. Хотелось бы коричневый или серый. Права? Конечно, как положено, действительны еще на пять лет. Да.

Порылся в кармане, добыл записную книжку и вечное перо.

— Конечно. Записываю.

Подмигнул парню и вышел.

На выходе его толкнули, и в кармане он нащупал сверток со своим паспортом и кредитками.

Неторопливо дошел до отеля, привыкая к местному воздуху.

Чадно, душно, запахи висят в густом, какомто жирном воздухе, шум — такой же густой и угарный.

Хотя, говорят, тут еще неплохо, а вот в Дет-

ройте летом приходится натурально ходить в противогазовых масках, с чего ушлые местные бизнесмены получают хороший гешефт.

К счастью, в отеле его ждал номер с отличной китайской системой кондиционирования. Оставив багаж, Петр Аркадьевич наскоро освежился, сменил костюм и рубашку на необязывающие брюки свободного кроя, льняную рубашку с воротником-стойкой и плотную кожаную куртку-пиджак. И сделался неотличим от большей части мужчин на улице.

В таком виде он и отправился разыскивать прокатную контору.

В подземку не полез, решив, что после метро Питера и Москвы это будет для него непосильным испытанием в первый же день по прилету.

Правда, наземный общественный транспорт ходил омерзительно, в скрипящий автобус пришлось протискиваться с боем, зато это дало возможность посмотреть, нет ли хвоста.

Не было.

Контора находилась на самой окраине и была окружена какими-то особенно гнусно-безнадежными кирпичными и шлакоблочными коробками, за которыми неумолчно грохотали невидимые механизмы.

Окна жилого дома напротив были наглухо задраены, но Закревский обратил внимание на почерневшие от копоти занавески.

Сама же контора оказалась чистенькой и опрятной.

За старым, пожалуй, даже антикварным столом сидел пожилой еврей с грустными глазами. Склонив голову, осмотрел гостя.

— Таки почтенному господину нужен хороший автомобиль, который таки привезет его прямиком к американской мечте?

— Почтенному господину нужен такой автомобиль. Но сначала мне надо повидать Дэлигана.

Сын иудейского народа тяжело вздохнул.

— И таки что мне сказать этому поцу, почему его хочет видеть такой почтенный джентльмен?

— Скажите ему, что пришел старый знакомый из жарких стран.

Иудей поднял черную телефонную трубку.

— Шон, к тебе пришел человек. Говорит, твой старый знакомый из жарких стран.

Закревский с интересом наблюдал, как изменился и облик сидевшего за столом человека, и голос. Взгляд цепкий, движения точные, из голоса пропал карикатурный говорок.

Закревский понял, что легко может предста-

вить этого человека в *деле*.

Разговор закончился.

Легкий кивок в сторону неприметной двери справа от входа в контору.

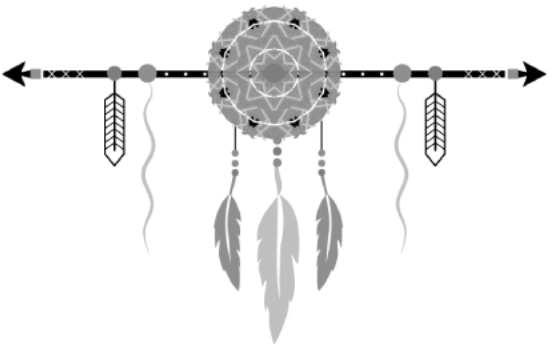
— Идите до конца коридора, дверь слева.

Закревский поднял шляпу, кивнул.

Прошел по коридору с бетонными, крашенными зеленой краской стенами, слегка улыбаясь.

Толкнул тяжелую дверь.

Эпизод 8. Свобода



Хуц-Ги-Сати, конечно, понимал, что будет нелегко.

У него в жизни вообще просто не было… Правда, противный голосок тут же шепнул — а с Машей, с ней тоже все сложно?

Он его прогнал.

С ней тоже сейчас непросто.

Как любая баба, Маша суетилась, пока собирали вещи, все проверяла, не забыли ли чего, порывалась захватить еще вот то и вот это, снова и снова лезла в сумку, проверяя, на месте ли деньги, взяла ли новый паспорт, открывала его и раз за разом

смотрела на незнакомые буквы рядом со своей фотографией.

А когда автобус высадил их рядом с контрольно-пропускным постом, вцепилась в руку Хуц-Ги-Сати и шла на дрожащих ногах. Ну чисто как гирю к ноге приковали.

— Да не бойся ты! Наконец нормально жить будем — что заработаем, все наше! Ты да я! Нормальными людьми хоть себя почувствуем! Без надзора этого! — шепнул он девушке.

— Ага, идем, — пискнула она и закашлялась, горло перехватило.

Пограничник с орлом на фуражке, молоденький, розовощекий, с простодушным лицом, но цепкими серыми глазами, бесстрастно проверил паспорта, кивнул на роликовую дорожку.

— Ставьте вещи.

Пока листал паспорта, спросил:

— Сопроводительные документы на габаритный багаж, налоговые декларации?

— Нет у нас ничего. Не нажили, — рыкнул Хуц-Ги-Сати. Маша дернула его за руку. Пальцы у нее были ледяные.

Она растерянно оглядывалась по сторонам. Уже когда проверка неожиданно быстро закончилась и они шли по бетонной дорожке нейтральной

полосы к дверям КПП с американской стороны, шепнула:

— Мы одни в зале были, Сатик… Почему так?

— Потому что остальных все устраивает. Привыкли в рабстве жить, под надзором, — процедил индеец.

Маша как-то сразу приободрилась, даже плечи расправила.

Пограничник северо-американцев оказался двухметровым широкоплечим джентльменом с квадратной челюстью и спокойными голубыми глазами.

«Не то что этот…» — мимоходом подумал Хуц-Ги-Сати.

И больше особо подумать ничего не успел.

Поскольку они попали в конвейер.

Три минуты — проверка документов.

Добро пожаловать, следуйте за сержантом Робертсом по коридору.

Почти бегом.

Добро пожаловать — дверь открывается — следуйте по синей линии для заполнения анкет и получения велкам-пакета.

— Ух ты, а это что? — шепнула Маша.

— Значит, подарок новым гражданам дают, — со значением округлил глаза Хуц-Ги-Сати.

Небольшая светлая комната.

Потертые пластмассовые стулья, столы тоже из дешевого пластика.

— Проходите к окну три, — показывает рукой неприметный человек в форме.

Некто за мутноватым плексигласом кладет в лоток сколотые скоросшивателем сероватые листы.

— Заполняете печатными буквами. Стоимость бланков три цента лист. Если нет письменных принадлежностей, они будут вам предоставлены, стоимость принадлежностей будет удержана из суммы стандартного велкам-кредита, вам нужны письменные принадлежности? — все на одной ноте, без передышки. Как есть конвейер. Четкий, отлаженный!

— Да, давайте, — пожал плечами индеец.

— Вам требуется два комплекта. Письменные принадлежности строго индивидуальны, это сделано в целях безопасности и охраны здоровья, — голос за плексигласом явно произносил заученный текст.

Индеец только плечами пожал, Маша снова вздохнула.

Долго возились с анкетами.

Большинство вопросов повторяли те, на кото-

рые они уже отвечали, когда подавали документы, но были и новые, читая которые Хуц-Ги-Сати чесал в затылке и крякал.

Скажем, «Каков ваш кредитный рейтинг по шкале от 1 до 20 по собственной оценке», «Какие банки САСШ вам знакомы, выберите не менее трех вариантов», «Перечислите телевизионные передачи и наименования телевизионных каналов, которые вы смотрите чаще всего. Если не помните названия каналов, внесите тематику. Не менее пяти пунктов». Да и вообще впечатление было такое, что он анкету для рекламного агентства заполняет — приходилось как-то в том, старом мире. За нее купоны обещали со скидками, ну он и решил, что не помешает, с деньгами туго было.

Посопели, справились.

— Пройдите по синим стрелкам налево, получите в окне 3-С вэлкам-пакеты и кредитные карты, которые необходимо активировать в течение восьми часов для зачисления обязательного велкам-кредита. Не забудьте положить в ящик письменные принадлежности, они подлежат утилизации. — Клерк со скрежетом задвинул ящик с анкетами.

— Даже за ручку и то деньги взяли, — шепотом

пожаловалась Маша.

— Это же ресурсы. Они их на тебя потратили, значит, надо оплатить, — терпеливо объяснил Хуц-Ги-Сати. — Это вот и есть настоящая бережливость, поняла?

Девушка промолчала.

Задумалась.

Если что-то может пойти не так, то пойдет не так.

Велкам-пакет оказался свертком из двух одеял и двух пакетов, в которых лежали красивые красно-синие кредитные карточки и толстые буклеты с рекламой банков и страховых контор.

Хуц-Ги-Сати, конечно, заранее разузнал, что от КПП до города ходит рейсовый автобус.

Билет на деньги САСШ стоил 120 долларов.

Но когда они подошли к остановке и подкатил скрипящий кругломордый автобус со смешными, словно удивленными фарами, оказалось, что платить можно только кредиткой.

Которые еще не были активированы.

Водитель только пожал плечами, дождался, когда зайдут два сменившихся сержанта, и укатил.

А на парочку с сочувствием посмотрел приземистый латинос. Со значением помахал ключами и кивнул на длинный пыльный седан.

— Молодым людям надо в город?

— Надо, — кивнул Хуц-Ги-Сати, — сколько?

— Полторы тысячи, — хладнокровно сказал водитель.

— СКОЛЬКО?! — у Маши сорвался голос.

— Это нормальная такса, — пожал плечами водила, — очень честная. Заметьте, за двоих, а не с каждого. Это рыночная экономика, — развел он руками, — вы в свободной стране, вы можете не соглашаться на мою цену, а я могу вас не везти. Но если вы не соглашаетесь, то не успеваете в банк активировать карту. А если не активируете карты, будете оштрафованы. И штраф будете оплачивать с повышенными процентами, которые добавятся к обязательному кредиту.

Тоже говорит как по-заученному, с досадой подумал индеец. Впрочем, таксист прав, это свободная страна: хочешь — езжай, не хочешь — иди пешком.

Немного налички у него было — получилось снять еще по ту сторону, заранее. Правда, по такому курсу, что он икнул, но делать было нечего.

Сердце кольнуло — вспомнил, что деньги, ко-

торые он выручил за дом и «Медведя», пришлось положить в банк. Оказалось, что переводить их в САСШ гражданину Российской империи, если он не коммерсант, та еще задачка. Причем если со стороны империи проблем было не то чтоб особо много, то САСШ, если ты не был гражданином страны или не имел какого-то «инвестиционного свидетельства» или бизнеса в Штатах, драли такие проценты, что легче было временно оставить их здесь и подумать, как перетащить позднее.

Так что и деньги от Машиной квартиры, на которые они рассчитывали, тоже получить будет не так просто.

Ладно, решил Хуц-Ги-Сати, американцы молодцы, защищают свою экономику от захвата беспардонными жадными русскими.

И отдал таксисту пятьсот баксов.

— Едем до конторы «Американ Сити Бэнк», туда как раз успеете, — сразу стал веселым и благодушным таксист.

Идеально ровная асфальтовая полоса с непривычно чистыми обочинами, на которых легкий прохладный ветерок закручивал маленькие пыльные смерчи, стрелой уходила за горизонт.

Туда, где их ждала новая счастливая жизнь.

Где есть только они двое.

Где они ни от кого не зависят и никому ничего не должны.

Жизнь, которую они будут строить так, как хотят только они сами.

— Вы вообще зачем к нам пришли-то? — Иссиня-черный негр в синем деловом костюме и белой рубашке с красным галстуком недоуменно уставился на Хуц-Ги-Сати. В руках он держал водительские права индейца, лицензию на управление траком и паспорт.

— Как это? — растерялся даже Хуц-Ги-Сати. — Трак хочу в лизинг взять. Перевозками заниматься…

Негр почему-то заливисто расхохотался. Смех у него был жирный и гладкий, и индеец ярко представил, как коротко, без замаха, бьет и ломает ниггеру нос.

Покрепче сжал сложенные на коленях ладони.

— Извините… Правда, давно я так не смеялся, — вытер слезы негр. — Молодой человек, вы не можете взять технику в лизинг. Вообще никакую.

— Почему, ведь у меня и права есть, а их в САСШ

признают, я узнавал. И опыт есть, вот же…

Негр помахал ладонью.

— Молодой человек, у вас в паспорте что указано? — И он открыл страницу паспорта, на которой стоял штамп: «Гражданин САСШ». Красный, отчетливый.

— Гражданин. Написано же, — пожал плечами индеец.

Негр снова открыл его новенький паспорт.

— Вы же совсем недавно у нас, да? Скажите, а вам во время подготовки не объясняли разницу между гражданином, местным избирателем, избирателем штата, квалифицированным гражданином?

Индеец только плечами пожал. Никто ничего подобного не говорил, а сам он как-то на такое и не натыкался.

— Понятно. Бывает. — Клерк протянул ему паспорт. — Советую внимательнее ознакомиться с системой и законами страны, гражданином которой вы стали. Добро пожаловать на новую родину.

Хуц-Ги-Сати потихоньку закипал.

— Трак-то я почему взять не могу?!

Негр сложил руки на объемистом пузе.

— Совершать сделки подобного рода, равно

как и покупать в полную собственность недвижимость, могут граждане Северо-Американских Соединенных Штатов, начиная с уровня «местный избиратель».

У индейца заболела голова.

— А как им стать-то, этим избирателем?

— Получать доход не меньше определенного уровня, естественно.

— Это сколько? — начал прикидывать в уме Хуц-Ги-Сати. Он уже собирался пройтись по банкам, адреса которых были в буклете из вэлкам-пакета. Сейчас переведет сюда деньги из России, появится финансовая подушка, вот тебе и доход.

— Молодой человек, мое время стоит денег. Это раз. Оказывать услуги финансового консультанта без лицензии я не имею права, за это в цивилизованных странах полагается штраф. Это два. — Клерк уже потерял интерес к индейцу, поняв, что клиент оказался пустышкой. — Обратитесь в любой иммиграционный центр, вам все объяснят за разумные деньги.

Хуц-Ги-Сати вышел из конторы, неловко запихивая бумаги в карман куртки.

Похоже, планы менялись.

Снять удалось крохотную комнатушку в доходном доме на самой окраине.

— Платите раз в неделю. Это за аренду. Вода, электричество, отопление, газ для готовки — отдельно. По счетчикам. В конце недели. Счетчики вон. — Толстый латинос в трениках с пузырями на коленях прошаркал к стене, показал на зарешеченные дырки в стене. За ними виднелись кругляши счетчиков. — Попробуете скрутить — вышибу. Залог за три месяца, залог не возвращается, платить начинаете со следующей недели. Баб, мужиков не водить, никаких тварей не держать.

— А это… Холодильник где? — подала наконец голос Маша.

С того мгновения, как таксист высадил их на окраине города, она почти не открывала рта, а взгляд становился все более затравленным.

Ничего, ободрял сам себя индеец, она сильная тлинкитская женщина, она просто в незнакомом месте. Да и баба же она, бабе дом нужен. Сейчас квартирку снимем, будет гнездышко обустраивать, сразу в себя придет.

И он вспомнил, как улыбалась она, прибираясь в их домике там — по ту сторону…

Так, хорош, оборвал он сам себя. Ты сюда прие-

хал нормальную жизнь строить.

— Какой холодильник? — заржал латинос. — Он отдельно, за доплату. Можешь хранить продукты в холодильнике на площадке, — ткнул он большим пальцем за спину, — так дешевле. Счет делите на четыре комнаты.

— Ванная… — Девушка умолкла, недоумевающе осматриваясь.

Латинос ткнул в зеленую клеенчатую занавеску рядом с плитой.

— Душевая кабина и сортир там. Горячая вода по отдельному счетчику.

Когда управляющий домом ушел, Маша села на кровать, бессильно положила руки на колени и слепо уставилась в зеленую занавеску.

Единственный их чемодан так и стоял рядом с фанерной дверью.

Хуц-Ги-Сати подошел, сел рядом.

— Джи, ну ты чего? — обнял он ее за плечи, прижал к себе. Поцеловал в макушку, потом щечку и чуть прикусил мочку уха.

Обычно после этого она сначала хихикала, а если он продолжал, начинала глубоко дышать, прижиматься к нему грудями и…

Она так и сидела.

Молчала.

— Да не кисни ты. Это ж только на первое время. Просто переночевать! — погладил он ее по спине. — Зато ты смотри. Просто зашли, в две минуты договорились, никаких тебе «а где прописка», «а что невенчанные», — передразнил он. Правда, сам не понял кого. Брязгина почему-то не хотелось.

Маша, не глядя, нашарила на обшарпанной тумбочке пульт от «тиви», на который первым делом показал управляющий.

Щелкнула кнопкой.

«Выберите пакет для оплаты».

Ведь выправились как-то. Даже квартирку с отдельной кухней снять смогли, думал повеселевший Хуц-Ги-Сати месяц спустя.

Маша веселеть начала, когда он ее в торговый центр вытянул. В тот же первый вечер и вытянул. На все плюнул, последнюю наличку спустили, и в кредитку он залез. Зато сколько радости у нее было! Потянул в самый большой, какой видел по дороге, где оказались огромные магазины, она таких нигде не видела! Свет яркий, но теплый, музыка играет такая, что хочется ходить нето-

ропливо, присматриваться, каждую вещицу в руках вертеть.

Примерять — тоже пожалуйста, все обустроено так, чтоб ты себя в лучшем виде увидел.

Потом на самый верхний этаж поднялись, там фудкорт обнаружился. Все как в настоящем мире. Только тут вместо китайских ресторанчиков все больше индийские были, ну да Маше и они в диковинку оказались. Как она тогда смешно округляла глаза и дышала, руками махала, когда курицу карри откусила.

И он хохотал.

И любили они тогда друг друга так, как в первую их ночь было.

Хоть и стены в комнате были картонные.

С кредитами, правда, так до конца расплатиться не удалось, но хотя бы получилось выбраться из-под моста.

В прямом смысле — после того, как они не заплатили за две недели, управляющий открыл своим ключом дверь и выставил их вещи в подъезд.

Машка попыталась что-то сказать, но молчаливый коп местной частной полиции просто спросил:

— Предписание выписывать?

И она замолчала.

Хорошо хоть, Машка сидела на вещах и ждала его — иначе обитатели дома в момент растащили бы весь их нехитрый скарб. Правила тут действовали жесткие, но честные — то, что под присмотром, не трогали. Зазевался — ну извини, твое решение.

Три ночи пришлось ночевать под мостом.

У костра.

Кредитка кончилась, перерасход по ней капал, как с тревогой убеждался каждое утро Хуц-Ги-Сати, вставляя карточку в прорезь банкомата, а банк все тянул с переводом денег.

Ну откуда я знал, что если у меня в паспорте «гражданин», то и с банком такая морока, и проценты за переводы и банковские операции выше, с досадой думал индеец, лавируя в плотном потоке движения.

Прорвемся, прорвемся, похлопал он ладонью по истертой коже, которой был оплетен руль старенького фургона. Так, придется перейти на вторую — он переключил рычаг, который, как обычно, двигался со скрипом и скрежетом, перестроился.

Поморщился и снова попробовал до упора поднять стекло — над дорогой уже висел обычный

понедельничный смог. Нет, заело намертво.

Ладно, хорошо, что удалось устроиться хотя бы в «Быструю доставку», у которой были междугородние маршруты, а не только внутригородские.

Платили за километраж, простои не оплачивались, за просрочку доставки штрафы были драконовские. Но Хуц-Ги-Сати держался и, на удивление, на штрафы влетал даже меньше тех, кто работал дольше его и лучше знал дороги.

Индеец предпочитал думать, что ему помогают боги его народа, предки и врожденное знание родной земли.

Пробка кончилась, фургон вышел на трассу.

До Чикаго пилить и пилить, уходить глубоко в свои мысли на малознакомой трассе опасно, так что Хуц-Ги-Сати вздохнул и включил приемник. Мигнуло желтым окошко терминала оплаты.

Хуц-Ги-Сати предпочитал платить по часам. Так за час получалось чуть дороже, чем за большие радиопакеты, но не так часто он слушал радио в машине.

Хватало того, что они оплатили пакет доступа в MediaSett, когда сняли нормальную квартиру.

Маша приохотилась к бесконечным ситкомам, и крохотный экран «тиви» постоянно светился в их кухонном блоке, когда она стояла у плиты.

Да и когда, напахавшись за день, просто приходила домой и валилась на диван, тоже.

Да, деньги, конечно, тут умеют заколачивать, с уважением и легкой завистью подумал индеец.

САСШ, как оказалось, жили по подписке и в кредит. Были вещи, которые и Хуц-Ги-Сати, и Маше понравились — например, телеканалов было в сотни раз больше, чем в империи, на любой вкус, и стоили они недорого. Да еще и у каждого, вплоть до последнего бомжа, были планшеты для доступа в Sett. Стоили они совсем дешево. В них шла вся жизнь «юсеров» — и к банку доступ, и счета оплатить, и сериал посмотреть, даже к врачу записаться.

Правда, сначала Маша недоумевала — доступ к муниципальным и государственным услугам был тоже платным.

— Ну, у них же частная инициатива! Все условия для предприимчивого человека, — объяснял ей Хуц-Ги-Сати, — они же на это тратят свои ресурсы, и мы, получается, платим не какому-то государству, а прямо тому, кто нам все обеспечивает!

Маша молчала, но смотрела с сомнением.

Баба, что взять…

Хотя после ночи под мостом ожила.

Как ни странно, видать, подействовала встреча со старым бомжем Джонни Тележкой.

На него они наткнулись, когда брели в потемках в поисках хоть какого-то ночлега после того, как их выставили из комнатушки.

Ночь выдалась сырая и холодная, а шататься с миленькой грудастой барышней под ручку среди ночи по улицам в этом районе было очень плохой идеей. Это индеец понял сразу. Тут и нож не поможет, а огнестрела у него не было — оказывается, гражданин, или, как их называли местные, баззи, его купить не мог.

Откуда тогда у охранников местных пушеров автоматические «винчестеры», спрашивать было бесполезно. Чем тут барыжили пушеры, он тоже пока не понял. Большинство «веществ», которые были под запретом в его мире, тут продавались вполне легально. Правда, и стоили недешево.

Словом, вынесло их к эстакаде, на которой гудели машины. Внизу кусты, костерок горит. Индеец Машку за какими-то непонятными блоками спрятал, сам на разведку пошел.

И ухитрился подойти так близко, что Тележка и его кореша вскинулись, только когда он в двух шагах от них был и начал специально на камешки наступать так, чтоб хрустели.

Слушая хриплый мужской голос, что-то бормотавший под простенький механический «бум-бум-бум» и переборы синтезированного неживого банджо, Хуц-Ги-Сати хмыкнул — Тележка был мужиком рукастым и сумел вскрыть настройки радиоприемника, который стал ловить не только легальные бесплатные станции, состоявшие сплошь из рекламы и новостей, но и платные музыкальные станции. И не только базовых тарифов с синтетическими песенками и вездесущей рекламой, но даже продвинутые и те, что для «квалифайдов».

Это он им с Машей рассказал позже. Когда они сидели у огня, грелись, и он хохотал, слушая об их злоключениях.

— Вы идиоты! Вы русские и потому идиоты! — Тут Хуц-Ги-Сати хотел встать и полезть в бычку, хорошо, Маша удержала. Шепнула, что учил — нельзя нарушать закон гостеприимства. А сама слушала внимательно, не перебивала. Это она умела.

— Мы живем в идеальном обществе, — вещал он, помахивая зажаренной до черной корки тушкой какой-то твари. Какой, Хуц-Ги-Сати решил не уточнять. Сам-то он сожрет что угодно, а вот Машке нечего дергаться лишний раз, и так досталось.

— Это общество идеальной свободы, — разглагольствовал Тележка. — Я, скажем, не хочу крутиться в колесах системы, как большинство. Меня тошнит от безликой массы, которая каждое утро бредет в конторы! Но это их выбор, и кто я такой, чтобы их осуждать?! А мой выбор — быть свободным и жить так, как хочу только я! Захочу сдохнуть под мостом — сдохну! И никто не будет распоряжаться моей жизнью и моей смертью!

— И ты давно так живешь? — Хуц-Ги-Сати кивнул на тележку Джонни. Из побитой жизнью магазинной тележки торчал угол дырявого спальника, какой-то металлический штырь, виднелся моток проволоки…

— Давно. Лет восемь, наверное.

— А до этого? — стало любопытно индейцу.

— Был учителем, — Джонни вызывающе вздернул подбородок, — но принял решение, что хочу быть свободен, отвечать только перед самим собой! И просто не стал выплачивать дальше кредиты! Я просто ушел, оставив за собой банки, деньги и всю эту мороку. И я счастлив, что живу так.

Он говорил с такой глубокой убежденностью, что индейцу вдруг захотелось так же — бросить все и уйти. Просто уйти куда глаза глядят. Или за-

вернуться в одеяло — единственное, что осталось у них с Машей от вэлкам-пакета, и не просыпаться дня два.

«Но это будет не мое решение», — вдруг разозлился он на себя. Вон этот бомж решил — и сделал. А ты решил — и что?

Он не обратил тогда внимания на то, что Маша по-детски восторженно открыла рот, когда Джонни Тележка с интонациями профессионального лектора сказал:

— Я сам, только я распоряжаюсь собой! И телом, и душой!

В общем, спасибо ему, на следующее утро отправились они и работу, и квартиру искать, тут он на «Доставку» и наткнулся.

Маша тоже нормально для баззи устроилась — в двух фастфудерах поломойкой и посудомойкой в мексиканской забегаловке. Менеджер сказал, что и официанткой можно будет подработать.

И совсем рядом с домом все три заведения, так что успевала все ногами.

Она сама говорила — удобно, Сатик, не надо на все эти автобусы тратиться!

Это, конечно, хорошо, что не надо, кивнул своим мыслям индеец, а то разорились бы. Не, если внутри пятнадцатиминутной зоны, тут нормаль-

но более-менее, а вот дальше — билеты кусались чем дальше, тем больше.

Так что почти никто из обитателей его квартала за его пределы и не выходил.

Да и незачем им было. Они искренне не понимали — на фига. И Хуц-Ги-Сати, слушая их, тоже уже не очень понимал, на фига. Ну, только если по работе. А так все же рядом, в пятнадцатиминутной доступности — два торговых центра, поликлиника, в которую он, правда, пока попасть не мог. Баззи полагалась только экстренная помощь в случае непосредственной угрозы жизни, а на добровольную страховку денег не было.

Школа тоже была — начальная, ну а куда больше-то? Три разные церкви или храма… Как там они называются правильно?

Тьфу ты, в сердцах плюнул индеец, снова задумался, даже музыку толком и не слышал, а деньги-то уплочены!

И тут замигал желтым планшет с картой — «До конца оплаченной зоны навигатора остается 5 миль. Пополните баланс вашего счета или выберите один из предлагаемых пакетов».

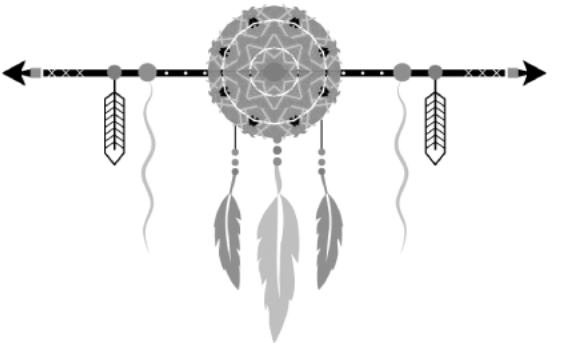
Он со вздохом потянулся за кредиткой.

Ладно, значит, Чикаго уже недалеко.

В следующий раз будет знать, на сколько вре-

мени оплачивать.

Эпизод 9. Перспектива 3



Найти хороших подрядчиков всегда непросто. Однако специалисты, которых порекомендовал Дэлиган, свое дело знали, работали эффективно, отчитывались толково, верно подмечая те детали, которые были нужны заказчику.

Тем не менее Закревский не поленился и проверил их данные по своим каналам. Проще говоря, с огромным удовольствием разбудил среди ночи Троицкого, продиктовал ему данные специалистов и рассказал, на что нужно обратить особое внимание.

Впрочем, Троицкий и так это знал.

Дэлиган не подвел, парни не были замечены в связях ни с Ост-Индской компанией, ни с ее многочисленными дочерними структурами и прокладками.

Все как говорил Шон.

— Я рад, что ты пришел, — крепко обнял он Закревского при встрече, — и не только потому, что рассчитываю на честную оплату честного труда!

За прошедшие годы он не сильно изменился. Разве что чуть раздался вширь и в плечах, и в талии. Но не изменил костюму-тройке и традиционной рубашке с воротником-стойкой. Да и знаменитая ирландская трость, пользоваться которой он обучал «сумасшедшего русского», все так же стояла у стола.

Шон опустился в кресло, жестом волшебника добыл откуда-то округлую бутылку с длинным горлышком, два стакана.

Плеснул в оба на донышко.

— Почему меня все хотят напоить? — Закревский втянул носом аромат напитка.

— Потому что ты русский! — захохотал Дэлиган. — Да ты попробуй! Настоящий потин, прямиком из Ирландии. «1661», честный и крепкий, как поцелуй ирландской красавицы.

— Кхм… Рассказал бы я тебе об ирландских

красавицах, — улыбнулся Закревский и чокнулся с хозяином кабинета.

Выпив, Дэлиган отодвинул стакан в сторону.

— Теперь говори.

А Закревский все вертел стакан в руках и думал, что рассказать Ирландцу. Вроде и решил уже все, еще там, в России, когда обдумывал план операции, а сейчас вдруг начал к себе прислушиваться.

Ладно, посмотрим на реакцию. Подрядчики нужны специфические, так что все равно Ирландцу придется рассказать достаточно, чтобы он мог предложить подходящих специалистов. А два и два Дэлиган и так сложить сумеет.

— Мне нужны подрядчики. Частники. Минимум четверо.

— Специализация, график, срок контракта?

— Для начала — наблюдение. Две пары. График, сам понимаешь, непредсказуемый. Контракт минимум на месяц.

Шон хмыкнул.

— Ну, хорошие топтуны у меня есть, это не проблема.

Закревский поднял руку.

— Мне нужны не топтуны. Мне нужны высокого класса профессионалы, которые смогут

распознать слежку за объектом. И не просто наружку. Любое изменение привычного фона, которое говорит о том, что объектом интересуются.

— Ого, интересно, — Шон закурил тонкую сигариллу, — это уже совсем другой уровень.

Ирландец стал серьезным.

— Пьетр, это непростой заказ, и я должен знать, во что ввязываюсь.

— Есть еще одно обязательное условие. Подрядчики гарантированно не должны иметь ничего общего с Ост-Индской компанией.

Ирландец совершенно по-русски крякнул.

Закревский понимал его — Шон был давно и тесно связан с «Шинн Фейн», а через нее и с гораздо более жесткими парнями в самой Ирландии. И оба знали, что это значит.

Как-то, когда они сидели неделю в квартире, ожидая приказа, Закревский спросил его: «Шон, знаешь, почему вы до сих пор не получили независимость и не получите, даже если грохнете всю королевскую семью?»

Дэлиган надулся, буркнул что-то о том, что не русским, которые и так половину мира захватили, что-то говорить о независимости.

Закревский только махнул рукой.

— Шон, друг мой, скажи, кого Российская им-

перия завоевала за последние лет двести? Вот именно завоевала. Войска ввела, правителя свергла, ну ты сам понимаешь…

Дэлиган ожидаемо отмолчался. Потом буркнул:

— Так что ты там про нас?

— Все просто. Вам не дадут ваши же политики. Для той же «Шинн Фейн» независимость Ирландии — кошмар. Да ты и сам это знаешь. Потому и доверяешь мне больше, чем всему твоему северо-американскому отделению. Знаешь, что там половина сидит на окладе у МИ-6, а вторая два раза в месяц ждет чеки от американских корпорантов. Две трети которых так или иначе завязаны на бизнес Ост-Индской компании. А МИ-6 просто полностью на их зарплате.

Оба понимали, что фразу эту Ирландец хорошо запомнил.

Так что уточнение Закревского делало задачу гораздо сложнее. Поскольку окружение Дэлигана делилось на тех, кто на «ост-индов» работал открыто, тех, кто стыдливо стучал по-тихому, и тех, кто надеялся, что и его купят. Ну и таких идиотов, как Шон.

Поэтому одна эта фраза говорила Ирландцу куда больше, чем было сказано вслух. Придется

поднапрячься и подбирать исполнителей с особой тщательностью.

— Кто в комбинации? — спросил наконец Шон, поигрывая тонким автоматическим карандашом. И уточнил: — Ты отвечаешь на мои вопросы. Любые.

Это было честно. Дэлиган должен сам оценить, насколько опасна ситуация для подрядчиков. С ним вели бизнес именно потому, что подрядчики знали: Ирландец Шон не использует их втемную и не будет «отстреливать ступени», случись кризисная ситуация.

— «Под фонарем» — русские купцы. Морозов и его ближайшее окружение. Он сейчас здесь, в Штатах. Особо не скрывается, наносит визиты, официально — рассматривает потенциальных участников следующей Нижегородской ярмарки.

— Это официально, — показал на него карандашом Ирландец.

— Это не только официально, но и реально. Так что сюда же записывай ваш бизнес, всех, с кем встречается Морозов. Третья сторона — бразильцы.

— Уже интересно.

— Шон, ты понимаешь, что эта информация

для тебя? Для подрядчиков только по минимуму. И дальше она не идет?

Дэлиган знал.

Еще когда Закревский искал выход на контакт с Ирландцем Шоном, Дэлиган навел о нем справки. Прислали ему и папку с выписками из более-менее официальных документов, которые накапливаются у любого человека на государственной службе. Гораздо интереснее было то, что рассказали ему те, кто строил бизнес в серой зоне, где осторожно старались решать свои вопросы разведка, бизнес, специалисты промышленного шпионажа и другие интересные персонажи. Их главным капиталом была информация.

И — репутация.

Для тех, кто хотел вести бизнес долго и стабильно.

Человек, которого все звали просто Датчанин, за пивом, попыхивая короткой капитанской трубкой, сказал сквозь зубы:

— С этим русским выгодно работать. Но надо соблюдать одно простое правило.

— Какое же? — обгладывая баранье ребрышко, поднял бровь Шон.

— Его нельзя кидать. Не простит. — Датчанин попыхивал трубкой, говорил задумчиво, почти

мечтательно. — Был такой мелкий жучок, звали его еще как-то по-дурацки. Чуть ли не Марио. Всем говорил, что работает на серьезных сицилийцев. Ну и русскому это сказал. А потом, когда его прижали на мелочах, сдал кого-то из тех, кто работал на русского, не то французам, не то немцам. Русский поступил просто — однажды вечером оказался на вилле одного из сицилийцев. Ну, о которых Марио болтал. Просто сидел в гостиной. Ни оружия, ничего такого. Сидел и ждал хозяина дома. Как он там оказался, никто не понял. Говорят, он по-дружески поболтал с сицилийцем и уехал. А Марио на следующий день нашли на кухне собственного дома. Вид у него был очень удивленный. Что и неудивительно, с собственными яйцами-то во рту.

Сейчас Дэлиган вспомнил разговор с Датчанином. Хотя и не собирался кидать Закревского. Это был слишком ценный враг его врага, чтобы терять дружбу.

Но комбинация явно могла стать очень горячей. Следовательно, услуги будут стоить недешево.

— И за кем мы наблюдаем? — Он и так знал ответ, но пусть русский скажет сам.

— Морозов и его партнеры по переговорам. Когда я скажу — за мной. Или еще за кем-нибудь.

Отслеживаем любые изменения в обстановке. Проверять все, вплоть до самых легких подозрений слежки. Вести возможных филеров, выявлять контакты, засекать, кому и как отчитываются, какую технику используют, словом, все.

— Возможные сложности?

Закревский покачал головой.

— Честно тебе скажу, не знаю. Скорее всего прямого воздействия не будет, но, сам понимаешь, ручаться не могу.

— С кем мы имеем дело, Пьетр? — посмотрел ему в глаза Ирландец.

— Шон, я же не просто так сказал, что должен быть уверен — у подрядчиков нет контактов с Ост-Индией.

— Это я понимаю. Кроме них?

— Если бы я знал, друг мой. Если бы знал.

— Пьетр, расскажи мне, что происходит? — Дэлиган выпустил в потолок струю ароматного дыма. Закревский понаблюдал, как она растекается по закопченным балкам. Даже здесь Ирландец не мог без выпендрежа, обязательно надо отделать кабинет под староирландский дом. Который так же походил на хижины Ирландии, как Эрмитаж на избу в Калужской губернии.

— Шон, ты же знаешь. Я консультирую гос-

подина Морозова по вопросам безопасности. В основном экономической.

— Пьетр, говорят, русские и ирландцы похожи. И те, и другие много пьют, и те, и другие знают, что такое иго и что такое дружба. Расскажи мне, что происходит, — он покачал головой, предваряя слова Закревского, — не то, что за твоим шефом и его визави по переговорам следит Компания. Это понятно и так. Расскажи мне, что происходит. Что такого предлагает Морозов им, а они русским? Я должен знать, кому и когда начнут отвинчивать головы и могу ли я это использовать для своего народа.

«Что ж, высокопарно, но справедливо», — хмыкнул про себя Закревский.

— Шон, чтобы понять, что происходит сейчас, надо хотя бы немного понимать, что творилось в мире сразу после Большой войны. А то и раньше.

Он с подозрением посмотрел на Ирландца.

— Ты хоть знаешь, кто с кем воевал и когда все это было?

— Не надо считать меня идиотом, ладно? В конце концов, я не янки, а настоящий ирландец.

Закревский пожал плечами.

— В Штатах почему-то привыкли помещать себя, любимых, в центр мироздания, а все осталь-

ное считать дикими джунглями. Впрочем, у вас большинство и о джунглях-то ничего не знает. Кстати, южан это тоже касается. На чем такой гонор основан, я искренне не понимаю.

Ирландец хмыкнул.

— Наследие Британской империи. Наша верхушка до сих пор предпочитает считать себя частью империи, а не бывшими колониями.

— Которые Британская империя, точнее, Ост-Индская компания просто предпочла снять с довольствия, да еще и представила это обитателям колоний как независимость. — Закревский оглянулся на дверь. Принесли обед.

Дождался, когда закроется дверь за широкоплечим парнем, который явно был не только официантом.

— Причем проворачивают они это уже не первый раз. Обкатали на вас технологию, позже повторили в Индии и Бирме. Да так, что Белуджистан до сих пор всему миру икается.

— Ладно, ты дело говори, про историю я, если захочу, по телику посмотрю. Я даже на пакет «История стран» подписался.

Закревский только вздохнул.

— Если коротко, в сороковых прошлого века Британия сумела-таки уломать Францию и Пор-

тугалию с Испанией и даже Австро-Венгрию, что пора капитально переделывать рынки. И не нашла ничего умнее, как показать на Россию. К которой дорога — аккурат через Пруссию. К тому же бриттов очень раздражало, что кайзер, точнее, кайзеровские промышленники со всей мочи дружат с нашими деловыми кругами и ведут такие проекты, что у Компании от зависти изжога приключилась.

Дэлиган поднялся, пошел к столу. Крутанул диск допотопного телефона.

— Рори, там должны Галлахеры подскочить, попроси их, чтоб подождали. Или перенеси на пару часов, — он глянул на гостя. Мол, хватит времени? Закревский кивнул.

— Ладно, не буду тебе всю историю, начиная с половцев, рассказывать…

— С каких половцев? — поперхнулся Шон.

— Не обращай внимания, присказка у нас такая. Значит — «с основания мира». Словом, о Большой войне ты знаешь, примерно понимаешь, что, когда Россия вместе с Пруссией и Китаем прошлись по Европе и Азии железным маршем, мир несколько изменился.

— Ну, нам в то время своих забот хватало. Вторая война Севера с Югом, Бразильский инцидент,

первые нарковойны…

— Разумеется. Компания лихорадочно пыталась компенсировать потери. Отчасти ей это удалось. Например, как ни пытались наши плотно выйти на индийские рынки, а все равно там бритты правят бал. Правда, нам удалось в Белуджистан вклиниться, там сейчас интересно, но это другая история. Вы, то есть САСШ, тоже остались, по сути, их протекторатом, а вы — ворота ко многим американским рынкам.

Тут Закревский подался вперед, чуть понизил голос.

— Да и за Бразилию они сейчас насмерть режутся с Пруссией. Внешне-то все благопристойно, но Компания никогда не простит России и Поднебесной, что ее вышибли из космической гонки. Они локти кусают, глядя на то, как тайконавты сейчас таскают строительные панели по Луне.

— А вы-то тут с какого бока? И доны педры? — Бразильцев Ирландец традиционно недолюбливал.

— Шон, объективно сейчас главные игроки мира — Россия, Поднебесная, Пруссия. Это государства. Даже не так. Тебе будет сложно понять, но это — проекты на тысячелетия. — Закревский выделил голосом «проекты». — Те, кто эти про-

екты строит, рассматривают бизнес не просто как заколачивание бабок. Смотрят, какую пользу деловые их проектам принесут. Их поддерживают, дают зарабатывать, но если те зарываются и начинают мешать проекту, дают по шапке. В Британии все строго наоборот. Там правит Компания, у которой только одна конечная цель — прибыль. Обогащение своих владельцев. Компания дает править королевской семье до тех пор, пока они обслуживают интересы «старых денег». Компания — и есть их проект на века.

Тут Закревский вспомнил о «старых деньгах» Венецианской республики, но решил не перегружать Ирландца. Тот, конечно, и так многое знал, но сейчас русский говорил в лоб, называл вещи своими именами. И оказалось, конспирологические теории, над которыми смеялись ведущие официозных корпоративных медиа, вовсе не бред бородатых мужиков, вещавших из мелких местных студий кабельных сетей.

— Ну, ты еще Африку помяни, — развел руками Дэлиган.

— Это отдельный разговор. Попомни мое слово, там такая каша варится — век не расхлебать. Впрочем, — спохватился Закревский, — не о Черном континенте речь. Шон, я не могу сказать

тебе всего. Если коротко, сейчас тут ваш местный бизнес прощупывает подходы к Морозову и бразильцам. А бразильцы сегодня — это ресурсы, которые нужны целому кусту технологий. В первую очередь атому. А атом сегодня — это космос завтра. И это очень большое влияние надолго. Везде, где есть твои атомные станции. Понимаешь?

— Так что если здешний бизнес пойдет в ваши русские проекты, то САСШ могут плотно войти в сферу русского влияния. А от этого Лондон будет корежить так, что любо-дорого посмотреть, — отсалютовал ему стаканом Ирландец.

Закревский с уважением посмотрел на Шона. Да, давно он его не видел, подзабыл, насколько острый ум скрывается за этой простоватой внешностью. Спасибо, Ирландец, что напомнил.

— Правильно думаешь. У вас хватает людей, которые думают на перспективу. Сейчас чуть не весь северо-американский бизнес завязан на логистику Компании. На рынки, которые контролирует Компания. Сделка между бразильцами и русскими с участием северо-американцев может стать первой ласточкой изменения вектора влияния.

— И будет означать, что бритты понемногу

теряют хватку. А там и Поднебесная на горизонте замаячит, — задумчиво бросил Ирландец.

— Это тоже. — Закревский наконец отрезал кусок мяса, с наслаждением прожевал. И порадовался, что Ирландец не стал спрашивать: а у здешнего-то бизнеса какие интересы? О подробностях атомных проектов он не имел права говорить ни при каких условиях.

— Хорошо. Расклад я понимаю и даже кандидатуры подрядчиков уже прикинул. Сегодня же и свяжусь. Еще один вопрос.

— Шон, все, что имею право сказать…

— Ты все считаешь на много шагов вперед. Что они предпримут?

Закревский длинно выдохнул.

— Провокация, Шон. То, что они любят и умеют. Провокация. Поэтому мне нужна от тебя еще одна услуга.

— Твои деньги, друг. — Ирландец был само радушие.

— Мне нужен полный расклад по всем вашим экстремистам, нигилистам, борцам за свободу бабочек, климатическим сумасшедшим. Вплоть до уфологов с дробовиками.

— Что, у нас и такие есть? — восхитился Дэлиган.

— Вот ты мне это и скажешь.

По дороге в отель Закревский снова и снова возвращался к словам Ирландца. Он задал очень правильный вопрос. Который Закревский должен был задать себе уже давно.

Кто, кроме Ост-Индской компании, может пытаться сорвать сделку? Почему он решил, что это могут быть только бритты? Точнее, почему только они? Да, майор явно обозначил направление, но все ли он сказал?

Закревский хмыкнул. Да, вольные хлеба меняют восприятие. Как он мог решить, что разведчик скажет все? Встреча с Ирландцем оказалась даже полезнее, чем он рассчитывал.

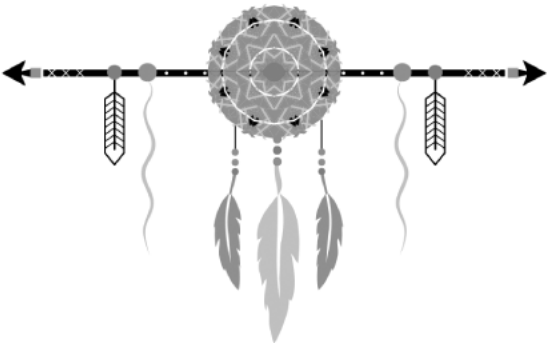
Осталась только одна встреча.

С человеком, о котором не знал никто.

Закревский расплатился с таксистом, вышел около торговой галереи и отправился искать приличный цветочный магазин.

Неожиданно он понял, что волнуется.

Эпизод 10. Среди своих



Хуц-Ги-Сати увидел эмблему и чуть не вдарил по тормозам. Даже скорость сбросил — и тут же сзади пронзительно взвыли клаксоны. Индеец на таких нервных уже и внимания не обращал — здесь это было в порядке вещей, особенно в крупных городах. Каждый считал секунды, каждый был «в графике и трафике».

А эмблема — вот же она, в витринном окне прямо висит, даже граффити ее не сильно перекрывает. И над входом вывеска — «American Indian Movement». Движение американских индейцев. Отделение Чикаго.

Он запомнил адрес, прикинул, сколько времени сможет урвать, чтобы забежать хоть на минуту.

Каждая минута сверх отведенных лимитов на «соблюдение санитарно-гигиенических норм и отправление естественных физиологических потребностей работника, включая потребность в сне и приеме пищи» вычиталась из оплаты за рейс. Правда, полностью прочитать контракт он смог только после того, как оплатил пакет «Доступ к базовым правоустанавливающим трудовые отношения документам». По льготной цене.

Оказалось, для «базовых» бумажные документы почти не использовались.

— Мы делаем все для экономии и рационального использования ресурсов нашей великой страны, — гордо сказала ему девица-менеджерица, когда он спросил ее, как же ему прочитать весь текст договора.

Ладно, проводил он взглядом удалявшуюся вывеску, обойдусь без обеда. Тут, правда, тоже была своя особенность. Было к договору одно интересное приложение. Водилы называли его «Питательное приложение». Список кафе и ресторанов быстрого питания, в которых можно было отметиться в специальных терминалах, и

тогда время обеда в них не вычиталось, а оплачивалось, но по более низкому тарифу. Правда, для тех, кто отмечался, переставали действовать все скидки и предложения комплексных обедов.

Черт с ним.

Пока разгружались, чуть не приплясывал от нетерпения, чего не случалось с ним очень давно. Да с ранней юности, считай. Но тут он будто получил весточку из дома. Пусть заброшенного, с прогнившей крышей и от нелюбимых родичей-алкоголиков, но из привычной жизни в настоящем мире.

К счастью, стоянка нашлась совсем рядом с общественным центром, в котором он увидел отделение AIM. Даже с нормальными расценками и сниженным тарифом на первые 25 минут.

Он толкнул дверь и вошел.

Звякнул колокольчик над входом.

Хуц-Ги-Сати стоял, привыкая к полутьме, заполнявшей помещение.

Что-то стукнуло, заскрипело.

— О метако ясень! — поднял он правую руку, раскрывая ладонь.

— Входи, брат, мы рады тебе. — Голос был глубокий и теплый. Хуц-Ги-Сати постоял, привыкая к полутьме.

Наверное, это был зал для собраний. Честно говоря, скорее комната. Но довольно большая.

На кронштейнах на стене слева висели складные стулья, прямо напротив входа стоял большой письменный стол, рядом с ним кафедра для выступлений. За кафедрой — темный силуэт.

Хуц-Ги-Сати осторожно — глаза еще не до конца привыкли к полутьме — пошел к кафедре.

Человек обошел кафедру, двинулся ему навстречу.

Он надвигался на него, словно супертрак по встречной. От него исходило ощущение спокойной уверенной силы. Не хорошей или плохой, светлой или темной. Просто уверенной силы, которую этот человек будет использовать так, как ему надо.

— Я Керук. Мой народ — тамароа. Я рад приветствовать тебя на землях моего народа, брат. Я наблюдаю за порядком в нашем отделении и сижу на месте старшего в нашем Совете.

— Я Хуц-Ги-Сати, и мой народ…

— Отважные тлинкиты, которых не удалось растворить в себе хитрым русским, — улыбнулся

Керук. — Что ж, расскажи, как ты попал сюда. Ведь люди твоего народа живут на Аляске под властью русских и редко странствуют в чужих землях.

Он приобнял Хуц-Ги-Сати за плечи, и тот почувствовал, насколько сильные у этого уже немолодого, судя по всему, человека руки. Керук показал рукой на дверь в дальней стене.

— Идем. Я видел, как ты оставил свой фургон на стоянке. Ты явно прибыл издалека и пожертвовал своим временем для еды, чтобы прийти к нам, — я знаю порядки в таких компаниях. Я ценю твой поступок, брат. Мы разделим пищу и будем говорить.

В маленькой комнатке за залом собраний Хуц-Ги-Сати ел кукурузный хлеб и настоящее мясо. Запивал густым горячим атолле и изо всех сил сдерживался, чтобы не заглатывать еду, давясь от жадности.

Оказывается, он уже забыл, что такое мясо. Пусть и разогретое в микроволновке.

Что такое вкус настоящего молока, и как это вкусно, когда оно смешано с кукурузной мукой и каплей ванили…

Керук умел слушать.

Он сидел неподвижно.

Лицо его было бесстрастно, сильные руки с широкими натруженными ладонями свободно лежали на коленях.

Он лишь чуть подался вперед, когда Хуц-Ги-Сати начал рассказывать, почему они с Машей решили стать американцами, но вся его поза показывала спокойную заинтересованность и внимание к собеседнику.

Лишь раз он уточнил:

— Значит, еще недавно вы были русскими, да?

У тлинкита дернулась щека. Керук это заметил, примиряюще поднял руку.

— Не обижайся на меня, брат. Здесь так говорят обо всех, кто живет на землях, захваченных русскими. Я понимаю, что так говорить неправильно, и твои слова — «тлинкит» и «моя земля — Аляска». Но даже самый внимательный охотник, бывает, отвлекается или действует по привычке.

— Я не обижаюсь, старейшина. — Хуц-Ги-Сати действительно не обижался. Впервые с того времени, как они с Машей пересекли границу, на душе у него было тепло.

Этот большой спокойный человек вроде и не говорил ничего особенного, но рядом с ним было тепло и надежно.

Хуц-Ги-Сати понял, что наконец нашел своих.

А Керук глянул на часы, висевшие на стене над плакатом AIM, и резко выпрямился.

— Ох, брат, прошел уже час! Наверняка в твоем контракте указано бесплатное время не больше сорока минут! И парковка! Я не могу позволить тебе платить лишнее!

И он достал из потертого бумажника настоящую бумажную купюру.

Хуц-Ги-Сати обомлел. Уже очень давно он не видел бумажных денег. Для «базовых граждан» от них было слишком много мороки. Да и как он может взять деньги от старейшины?

Но ответил он неторопливо, с достоинством:

— Эти деньги нужнее нашему общему делу. Пусть служат ему. Рассчитывайте на меня.

— Я сожалею, что пока нашей ячейки нет там, где вы осели, — с чувством пожал ему руку Керук, — и благодарен за твое благородство. Нам нужны такие храбрые и умные люди. Наша борьба не останавливается ни на минуту.

Он все так же спокойно и бесстрастно смотрел на молодого индейца, не отпуская руку. Другой чуть сжал его плечо, и в глазах Керука тлинкит увидел — или ему показалось? — легкую тень отеческого сочувствия.

— В зале лежат листовки с нашими телефонами и адресами. Возьми. Мы никогда не оставляем в беде своих людей. Не бойся звонить, если поймешь, что тебе нужна помощь. Любая. Даже если тебе просто стало тяжело на душе и надо поговорить. Кажется, неподалеку от тебя живет наш человек. Я уточню и скажу тебе в следующий раз.

Когда дверь за Хуц-Ги-Сати закрылась, Керук долго стоял, сунув руки в карманы, и о чем-то сосредоточенно думал. Его зацепил этот усталый и исхудавший молодой человек. Были в нем внутренняя сила, упрямая непокорность.

Ему было очень одиноко.

Правда, он явно не гений, но это даже хорошо.

Главное, ему нужны друзья.

Самыми тяжелыми для Маши на работе оказались вторая и третья недели. Первая — как во сне. Все новое, все в спешке, надо успеть из одной кафешки в другую. Ну, это она их так называла по привычке, местные-то говорили «макка» или

«пит-стоп».

Поначалу ей больше всего понравилось первое заведеньице, куда она пришла. Раннее утро было, все такое чистенькое, скатерти красненькие в белую клетку, сиденья тоже красные, яркие такие. На стенах что-то красивым написано.

И кухня прям такая сверкает вся, масло шипит, повара перекрикиваются на каком-то своем.

Вроде и не английском.

Она потом узнала, что это мексы были. Ну, мексиканцы.

Здесь ей дали полы мыть.

Менеджер смены, старший, стало быть, стоял руки в карманах, пузо вываливается, но добрым смотрелся.

Улыбался, все баблгаму жевал и пузыри дул.

— Смотри сюда. Ты вообще английский понимаешь?

Маша кивнула. Понимала, правда, если говорили не очень быстро. В школе учила, да и водители из Штатов в заведении порой останавливались. Все порциям удивлялись — какие большие.

Другие заведения попроще были и совсем обшарпанные. В том, что дальше всего от дома, и вовсе плитка на стенах в туалете обколотая, она как второй раз полы мыла — порезалась, так за

смену не доплатили. Немного, правда, да и за дело, она ж сама виновата, что неосторожная была, а график нарушила. А за это и вовсе штраф полагается. Но ее простили как новенькую.

Добрые.

Красное заведение, правда, только с утра такое нарядное оказалось.

Как стала присматриваться, так и диваны обшарпанные, а в сортиры вечером и вовсе заходить страшно было.

Вонь и использованная бумага мимо бачков, мужики после пива не могут из шлангов в писсуар попасть — ну, это ладно.

У нее дома, правда, такое редко бывало, и тех, кто к вечеру на рогах был, всех знали.

Но тут город большой, тут разные люди.

Мысли текли вялые, какие-то серые, как дешевая бумага, в которую заворачивали бургеры в том заведении, что рядом с железнодорожным мостом. Поблизости был пустырь, над которым и проходил мост, весь заросший сорняком и жесткой, такой же серой, как бумага, травой. Тут ее взяли еще и посудомойкой.

Местечко было глухое, персонала не хватало, и хозяйка-кореянка на ломаном английском объяснила, что готова Маше доплачивать, если она

будет вечерами еще и заказы по залу разносить.

Этого в контракт не вносили, но Маша не протестовала. Ну а что такого? Лишние деньги, что ль, помешают?

Правда, в первый же вечер она поняла, почему тут с подавальщицами затык случался.

Как темнело, к пустырю съезжались длинные приземистые авто с черными стеклами. Маша их боялась. Они будто прикидывались слепыми, но все время на нее смотрели, словно оценивали.

И люди в этих авто сидели такие же.

Они все время были в темных очках, даже когда совсем темно. Если заходили в «Лучшие бургеры и хот-доги» и сидели, развалившись на исцарапанных облезлых диванах, обсуждали что-то свое, страшное, — тоже не снимали.

Лапать ее начали, как только она принесла первый заказ. Столики они сдвинули, заказали три больших ведерка «острых от шефа» и еще кучу всего. И пиво — «мигалку». Это они так называли. Особое крепкое.

Было их человек восемь. Тощие, маленькие, остролицые.

Пахло от них злыми, готовыми броситься зверьками.

Типа хорьков — Маша таких видела и очень

испугалась.

— Когда заканчиваешь? — парень в сине-белой мешковатой куртке и штанах размера на три больше, чем надо бы, схватил ее за руку. Не больно, но так крепко, что не вырвешься. Рука оказалась неожиданно сильной.

Но больше всего пугали зеркальные очки-«капельки» на острой мордочке. И татуировки.

Даже на лице. «13» и буквы. Кажется, MS, но какие-то необычные.

Она осторожно потянула руку и улыбнулась. Надеясь, что не слишком испуганно.

— Извините, мне надо идти работать…

Зеркальные стекла смотрели все так же бесстрастно, и от этого становилось еще страшнее.

— Слышь, русская! Живо сюда, люди ждут заказы! — Еще никогда она не была так рада слышать визгливый голос старшей смены.

А остролицый еще на миг задержал ее руку в своей.

— Русская? — В голосе задумчивость. — Русские девушки — это редкость. Я знаю людей, которые любят… редкости.

И разжал пальцы.

— Если тебе будет нужна настоящая работа за хорошие деньги, просто скажи. Маурисио

поможет.

И засмеялся.

Мелким противным смехом.

Ближе к утру, когда ее смена закончилась, она забилась в подсобку и сидела там, глядя в крохотное окно и молясь солнцу. Пусть быстрее встает. Тогда страшные машины разъедутся.

Еще и Сатик снова в рейсе и должен вернуться только завтра, вздохнула она и задремала.

Всего пару минуток.

И пора бежать в тихий красно-белый уголок. Там надо просто вымыть полы. Там спокойно.

У Хуц-Ги-Сати подрагивали руки. Никто со стороны бы и не заметил. Но сам-то он знал — встреча с Керуком его взволновала. Он был вторым настоящим человеком, которого тлинкит встретил в этом ненастоящем мире, посланном ему как испытание злыми духами.

Первая, конечно, это его женщина.

У каждого настоящего воина должна быть верная женщина, которая заботится о его очаге и идет с ним одной тропой.

И Джиналатк как раз такая!

А теперь он встретил настоящего воина-вождя! Истинного старейшину-мудреца, который покажет ему ТРОПУ.

Все не зря. Его поистине ведут добрые духи и предки. Ради одной этой встречи стоило перебраться в эти земли.

Которые оказались куда более странными и непонятными, чем он рассчитывал, признался себе Хуц-Ги-Сати.

А вдруг эта встреча ему тоже почудилась?

Руки на руле дрогнули, спина покрылась холодным потом.

У него же есть листовка, которую дал Керук!

Где же она?

Он снял одну руку с руля и попробовал нащупать сложенный вчетверо листок плотной бумаги в кармане потертых рабочих штанов.

А, вот. Оказывается, он зачем-то положил листовку в задний карман.

Индеец чуть приподнялся на сиденье. Показался перекресток, горит зеленый. Впереди новенький внедорожник, черный лак блестит, хром сверкает.

От такого стоит держаться подальше, и Хуц-Ги-Сати чуть сбросил скорость. Потянул листовку, уголок зацепился за вылезшую нитку. Пришлось

привстать чуть выше.

К фургону индеец уже почти привык.

Даже нашел с ним взаимопонимание.

Ну или это он так думал.

Нога Хуц-Ги-Сати чуть нажала на педаль газа.

Фургон решил взбрыкнуть, скакнул вперед.

Холодея, индеец услышал, как морда фургона звучно поцеловала задницу внедорожника.

Он ударил по тормозам.

Понял, что совсем забыл посмотреть в зеркало заднего вида, и тут же резко дернулся от чувствительного удара.

Ему даже не надо было смотреть назад, чтобы понять, что произошло.

Сзади уже гудели клаксоны, хлопали дверцы автомобилей.

Он откинулся на сиденье и закрыл глаза. Штрафы… Страховка…

Он так надеялся, что удастся заработать достаточно, чтобы Маша ушла хотя бы из одной своей забегаловки…

— Двигайся быстрее! Сколько можно?! — Она с трудом подняла голову. Над ней нависало пузо

в клетчатой рубашке. Рубашка проигрывала безнадежную борьбу, пузо неудержимо рвалось наружу, как перестоявшее тесто из квашни. Сероватое, ноздреватое, и правда как тесто. С густой неопрятной порослью, которая пробивалась через разошедшиеся пуговицы.

Маше отчего-то стало очень смешно и жарко, она хихикнула, пытаясь прикрыть рот ладошкой.

В которой оказалась зажата половая тряпка.

Это развеселило еще сильнее, она открыла рот, чтобы набрать воздуха.

И заблевала пузатому ботинки и брюки.

Менеджер взвизгнул, подпрыгнул, поскользнулся в луже блевотины и с размаху грохнулся затылком о писсуар.

Писсуар обиженно загудел и раскололся.

Верхнюю часть перекосило, пластиковый шланг сорвало, и холодная вода хлестанула на распластавшегося менеджера и тихо лежавшую на боку Машу.

Вода была такая прохладная, такая приятная, так чудесно было подставить под струю разгоряченное лицо…

Рассчитали и вышибли ее за полчаса.

Маша уже слабо понимала, что происходит, жар накатывал волнами. Тогда перед глазами все плыло, и она их закрывала. Боялась, что жар выплеснется, и она подожжет красивый красный зал огненными лучами — как та красивая девушка из бесконечного сериала, который она приохотилась смотреть. Его все время показывали по одному каналу, самому дешевому, его можно было включать сразу и смотреть долго без доплат. Тогда Сатик не ругался.

— Что? Почему штраф? А что такое компенсация? — Она с недоумением смотрела на управляющего ресторанчиком. Тот тыкал пальцем в бумаги, рядом с ним стоял какой-то барин в синем костюме.

— Иск мы уже готовим, сами пошлем. Если сейчас распишешься здесь, сумма меньше будет, вычтем из платы за последнюю смену, — терпеливо объяснял ей управляющий.

Менеджер сидел на стуле у двери, прикладывал пакет со льдом к перебинтованной голове, злобно смотрел на нее и почему-то все время кивал.

Маша испугалась и подписала все.

Сейчас приду домой и буду пить холодную воду, думала она.

И смотреть на девушку с огненными глазами.

Дверь в их квартирку была приоткрыта, и у Хуц-Ги-Сати замерло сердце. Район, в котором они сняли жилье, был поспокойнее, чем первый, но и здесь оставлять дверь открытой или отворять ее после захода солнца не рекомендовалось.

Он пошел, неслышно ступая, рука сама скользнула в карман и нащупала отвертку. Бесшумно вытянул из кармана, опустил руку, прижав к бедру, жало чуть заметно смотрит вперед.

Откуда-то из воспоминаний послышался незнакомый, но и знакомый голос: «Это только кажется неудобным. Так вы не привлекаете внимания, ваша поза не кажется угрожающей. А вы можете сразу ударить в бедро или пах. Туда, где слабее защита». Сержант в части — да. Какой сержант?! Он же не служил!

В этом мире служил, память накладывается — понял он.

Ладно, не до того.

Маша…

Должна быть на работе. Это хорошо, сразу полегчало. Значит, ей ничего не угрожает. А

взять у них нечего. Денег нет, карточки и чеки всегда носят с собой, одежда — разве что бомжи польстятся.

Может, «тиви», да и у него экран насмерть закреплен на стене.

Хуже, если джанки убились и решили перекантоваться. Эти могут покорежить квартиру просто так. Без причины.

Он почувствовал, как поднимается волна злости — этого только не хватало, и так непонятно, как расплачиваться за аварию.

Насчитали ему будь здоров, и это еще счета от страховых компаний не пришли.

Ладно, что стоять под дверью.

Он кончиками пальцев потянул дверь.

Тихо.

Вошел и сразу увидел ее на диване.

Машу трясло. Губы обветрило, глаза стеклянные.

Тронул рукой лоб — чуть не обжегся.

В приемном покое ее с трудом удалось усадить на единственное освободившее место. Серая комната была полна людей. Кто-то сидел молча,

тихо раскачиваясь, кто-то орал от боли, скрипели каталки, на которых увозили тех, кто сам не мог идти. Неторопливо двигались врачи и медсестры, смотрели в планшеты, выкрикивали фамилии.

Хуц-Ги-Сати поймал кого-то в зеленом халате.

— Человеку плохо. Жар. Бредит!

— Обратитесь на стойку регистрации в порядке общей очереди. Номер обращения вы должны зарегистрировать, обратившись в свой личный кабинет с помощью планшета доступа в MediaSett. Обращение осуществляется по льготному тарифу…

Голос механический, глаза равнодушные.

Пришлось тыкать в планшет, ждать… Больше часа прошло.

Маша два раза теряла сознание, соседка, на плечо которой падала ее голова, отталкивала девушку:

— Сиди ровно, неча на меня валить свои микробы!

Маша села ровно.

Это был приказ.

Приказы она начинала понимать. Приказы — это легко и понятно.

Где же Сатик?

— Ваша платежеспособность соответствует ба-

зовому уровню оказания медицинской помощи в рамках федеральной программы «Здоровье гражданина». В него входит первичная консультация врача-терапевта, оказание срочной помощи в результате доказанного воздействия природных катастроф и содействие в квалифицированной эвтаназии. Поскольку у вас отсутствуют добровольные и расширенные медицинские страховки, вы можете оплатить разовые услуги или обратиться к представителям страховых компаний, которые предложат вам условия страховки и оформят выбранный вами пакет.

Снова бессмысленные глаза и голос робота из старого фильма.

Индеец поискал взглядом Машу.

Она сидела, открыв рот, и тяжело дышала.

— Молодой человек, обращение за медицинской страховкой в острой фазе заболевания или в случае острого травматического воздействия рассматривается как фактор повышенного страхового риска. — Страховой агент смотрел прозрачными глазами куда-то чуть выше переносицы Хуц-Ги-Сати, отчего индеец чувствовал себя глупым и маленьким. — Но даже в этом случае мы идем навстречу тем, кто готов стать нашим клиентом, и предлагаем пакет «Стартовый осмотр».

В него входит немедленный первичный осмотр врача в течение не менее двенадцати минут, базовые медицинские манипуляции и два вида анализов с экспресс-обработкой результатов и постановкой первичного диагноза. Этот диагноз может являться основанием для формирования долгосрочного предложения условий медицинской страховки.

Из всей трескотни индеец уловил одно — если он сейчас заплатит, Машу осмотрит врач.

Сразу осмотрит.

Он подписал бумаги и приложил карточку к терминалу, который сноровисто пододвинул ему страховой агент.

Ждать все равно пришлось еще минут сорок, за это время Маша еще два раза уплывала в обморок.

Медсестры приводили ее в чувство нашатырем, лили за шиворот холодную воду.

Это стоило недорого, и оплатить можно было тут же, через больничный терминал.

Сидевшие в очереди бабы смотрели на Машу с ненавистью, а на Хуц-Ги-Сати с оценивающей жалостью. Индейцу от этого становилось гадко.

Взяли общий анализ крови и мочи, уставшая до стеклянных глаз врачиха на ломаном англий-

ском сказала, что надо антибиотики и лежать в больнице. Остальное — после того как она увидит страховку. Оформление круглосуточно, после 19:30 по особому тарифу.

Когда говорила эти фразы, английский стал лучше, видимо, часто их повторяла.

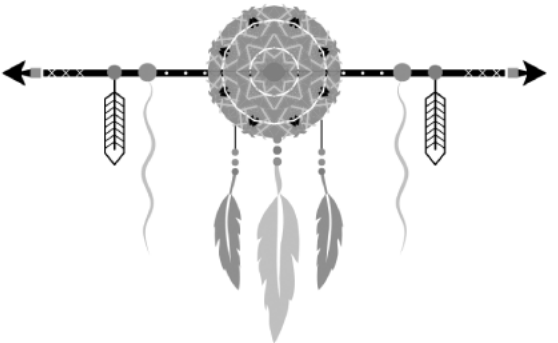
Индеец скрипел зубами, платил и думал, что надо будет утром осторожно поговорить с Мухаммадом, который намекал, что есть непыльная подработка.

Когда Машу наконец увезли на каталке по зеленому больничному коридору, вспомнил о встрече в Чикаго. «Это земля моего народа».

Пресвятая Богородица, только бы Машу вылечили, взмолился он впервые в жизни.

И вспомнил, что еще и авария…

Эпизод 11. Это была белая полоса



В палату Хуц-Ги-Сати пустили только на три минуты. И то вопреки всем правилам. Медсестра-филиппинка посмотрела на красные с лопнувшими сосудами глаза индейца, перевела взгляд на шоколадный батончик, который он ей протягивал, и кивнула.

— Только быстро. Узнают доктора` — уволят.

В палате было десять человек, две койки стояли в проходах, их явно воткнули туда, когда перестало хватать места.

Машу, правда, положили хорошо, у окна, и тумбочка рядом была.

Девушка смотрела на Хуц-Ги-Сати с таким испугом и так виновато, что у него аж сердце зашлось. И потому стало еще гаже от мелькнувшей мыслишки — теперь все деньги на нее грохнем. И штрафы ж за аварию… А потом как быть, наверняка же с работы погонят…

Сволочь ты, а не воин, сказал он себе, присел у кровати, погладил Машу по спутанным мокрым волосам.

— Ты выздоравливай. Сестричка сказала, укол тебе уже сделали, температура спадет, а там и вовсе поправишься.

— Тут по дням оплата, Сатик, я завтра уже пойду, ты только не бойся, я договорюсь, я сменами поменяюсь, — забормотала она.

— Глупости не говори. — Он грозно нахмурился, чтоб точно поняла: он не шутит, он мужчина и все решит. — Сколько надо, столько и будешь лечиться. Все, спи. Доктор сказал, тебе спать надо.

Ничего такого доктор не говорил, в страховку такие консультации не входили, но так ему всегда говорила мама, когда у маленького Хуци поднималась температура и болело горло.

Домой он попал уже под утро, полночи пробегал между медсестрами и санитарами, ища хоть кого-то, кто сможет сказать, что с Машей.

Обошлось это ему в две бутылки вискаря и четыре пакета жратвы из ближайшей азиатской забегаловки.

Негр-санитар из реанимации и сестра из регистратуры долго морщили лбы, вытягивали трубочкой губы, пытаясь понять, что написано в карте. К счастью, удалось поймать студента-практиканта.

Тот выдал трескучую фразу о «нервном истощении, перешедшем в депрессивное состояние, вызвавшем ослабление иммунной системы и ураганное развитие инфекционного поражения неопределенной этиологии». Выдал, сцапал один из пакетов и свалил.

— Если по-простому, нервы она у тебя сорвала, ослабела, ну и подхватила где-то инфекцию, — перевела медсестра. Она оканчивала недельные курсы, на которых ее учили, что такое инфекция, вирус и травма. Ну как учили… Показывали разные штуки, шприцы там и катетеры, чтоб понимала, что от нее врачи хотят.

Лечили ее уколами и таблетками.

От уколов уходила температура, а от таблеток

делалось спокойно и получалось не думать о том, что она наверняка осталась без работы и Сатик будет ругаться.

Глухое раздражение на Сатика тоже уходило. Потом, правда, возвращалось — когда она вспоминала свое село, квартирку в доме на самом краю. В нем так красиво летом было — лес виден на холме. Дорога.

И в трактире к ней по-доброму все относились, не ругались почти. А хозяин, Митрофаныч, тот как увидел раз, что ее гость пытался лапать, так палкой своей гостя и отходил.

Она даже улыбнулась, вспоминая ошарашенное лицо того пацана, и тут же скривилась, плакать захотелось.

К счастью, скоро принесли таблетки, и все снова сделалось неважным.

Доктор один раз зашел в самом начале, посмотрел в карте, по какому тарифу она лежит.

Бросил:

— Курс антибиотиков три дня. Потом выписываем или доплачиваете за пребывание. Можно будет продлить страховку, агент объяснит условия. У вас депрессивное состояние. Продолжаете курс приема антидепрессантов. Стоимость препарата на первую неделю входит в страховку.

Дальше — по рецепту в аптеках. В страховку входит рекомендация врача, которая может служить выпиской рецепта в аптеке. Рекомендация действительна месяц. Рецепт в аптеке в страховку не входит, повторная консультация психотерапевта или психиатра тоже. Если выписываетесь до истечения семидневного срока, получаете препараты под расписку согласно страховому полису.

И ушел.

Прямо перед его приходом ей дали таблетку, так что она совсем не волновалась. Все обойдется. Сатик ей поможет. И Боженька тоже поможет, надо только видеть его знаки и искать возможности.

В палате все время работал «тиви», на пульте можно было только переключать громкость, а канал работал один, с проповедниками и божественной музыкой. Божественная музыка ей не очень нравилась, пели все время только негры, голоса у них были какие-то слишком гладкие и скользкие, но после таблетки и они совсем не раздражали.

А проповедники ей нравились.

Особенно один.

— Господь даровал вам великое благо — ваше тело! Он даровал вам свободу воли и разум!

Примените веру, используйте разум, и ваша воля решит все ваши проблемы! Ваше тело — это источник вашего дохода! Господь любит трудолюбивых и самостоятельных! Им он дарует Царствие Небесное! Недаром же он мудро даровал нам две почки! Недаром у нас есть органы, без которых мы можем продолжать полноценно существовать, усердно трудиться и славить своими доходами имя Его! Ваше тело — ваш капитал! Ваш капитал — ваше дело. Распорядитесь же им с умом, и Господь всегда протянет вам руку помощи!

После его проповедей всегда шла реклама благотворительного фонда и клиники трансплантации «Рука помощи», ее так легко было запомнить.

А потом всегда говорил другой, под него Маша засыпала, голос был вкрадчивый, убаюкивающий. Который шептал ей, что Господь не оставит, если она будет слушать правильные слова.

Господь говорил ей, что надо помогать себе. Она сама поймет, что надо делать, когда придет время.

Хуц-Ги-Сати чуть не лишился работы.

Все из-за той аварии.

Оказалось, в компанию поступили иски не только от того, в кого он въехал, но и от того, кто въехал ему в зад. Будто этого было мало, иск вчинило и городское управление общественного транспорта. За нарушение графика движения общественного транспорта. А поскольку фургон был зарегистрирован на компанию, то иск направили ей.

Дамочка из авто, которое поцеловало фургон в зад, подала еще и иск на компенсацию морального вреда и полученных в результате аварии травм.

Правда, тут менеджер утешил — травмы вряд ли докажут, просто, чтоб припугнуть, валят все в один иск.

— Впрочем, тебе, русский, от этого не легче. — Он кинул через стол бумагу с итоговой суммой, которая причиталась с индейца.

Хуц-Ги-Сати похолодел. Всех его денег не хватит, чтобы выплатить и треть. Плюс счета за лечение Маши. Аренда квартиры. Хоть что-то жрать… По осени нужны какие-то куртки…

В глазах поплыло.

— Мистер Рамирес. Пожалуйста. Мне дей-

ствительно нужна эта работа. Я готов пахать сверхурочно.

Глаза менеджера были все такими же бессмысленными. Ну конечно. Ему же все равно. Наверняка Хуц-Ги-Сати не первый, кого он увольняет.

— Мистер Рамирес. Сколько у меня замечаний и вычетов? Если сравнить с теми, кто дольше меня работает?

Латинос сложил руки на столе и посмотрел на Хуц-Ги-Сати.

— Уволите меня сейчас — и сколько будете ждать, когда я верну деньги? Наверняка за руль меня теперь не пустят, буду грузчиком или вообще дворы мести.

Рамирес кивнул:

— Контракт меняется. Согласен?

Индеец кивнул в ответ.

Рамирес выдвинул ящик стола, кинул через стол бланк.

— Заполняй, подписывай. И вот еще. — Он пододвинул к индейцу листы под скрепкой. Индеец узнал эмблему банка. Такая же была на его зарплатной кредитке. — Кредит тебе оформят автоматически. Им ты гасишь сумму иска, который мы выдвигаем на твое имя. Все выплаты теперь

поступают на специальный счет, с которого ты гасишь сумму иска. Проценты по кредиту гасишь отдельно.

Новые листы бумаги. На этот раз голубоватые, конторские.

— Это наш иск. Подписываешь, соглашаешься, процент погашения ниже. Лезешь в бутылку — вылетаешь отсюда, гасишь все с повышенными процентами, как рисковый клиент.

Хуц-Ги-Сати подписал.

Час спустя ушел в новый рейс.

Машу навестить уже не успел.

Ему повезло. Новый рейс был тоже в Чикаго, и он решил: будь что будет, а Керука он повидает. Хоть на минуту, но ему нужно было почувствовать рядом хоть кого-то, кому не все равно.

Ему повезло. Явно мольбы, которые он обращал к богам и предкам, были услышаны. Разгрузился вовремя, а вот груз, который должен был доставить обратно, задерживался. Какие-то там проблемы с документами, не тот артикул — особо вникать он не стал, выслушал от менеджера: «Переночуешь в кабине или ищи мотель, у нас

есть договор с сетью “Сон по часам”, завтра отзвонишься, как погрузишься». И тут же отправился в AIM.

Увидев тлинкита, Керук улыбнулся.

Сдержанно, но будто древнее мудрое солнце осветило морщины на его лице.

— У нас как раз собрание. Люди соберутся через час. Поможешь мне расставить стулья?

Хуц-Ги-Сати и не заметил, как за работой рассказал Керуку все, что произошло с ним за эти несколько дней. Простая понятная работа успокаивала. Керук почти все время молчал, лишь изредка задавал короткие вопросы, но само его присутствие, звук голоса делали мир каким-то более надежным и понятным.

— Мы поможем тебе. Мы всегда помогаем нашим людям. — Старейшина положил руку на плечо Хуц-Ги-Сати, посмотрел в глаза. — Мир — это пугающее и загадочное место. Воин всегда должен быть готов к ужасным чудесам мира. А мы помогаем воинам выстоять и продолжить битву.

Он заглянул тлинкиту в глаза.

— Ты воин и ведешь свою битву. Мы встанем рядом с тобой, а ты — рядом с нами.

Мир исчез.

Остались лишь ясные мудрые глаза старейшины.

У Хуц-Ги-Сати перехватило дыхание.

Он молча кивнул.

Звякнул колокольчик над дверью.

Застывшая в глазах Керука вечность дрогнула, скрылась. Перед тлинкитом снова стоял мудрый, немного усталый, могучий и уверенный в себе человек.

Просто человек.

— Садись поближе ко мне. — Керук похлопал по сиденью стула. — Мы же не зря расставляли их так, кругом. Сегодня будет не много людей. Но это именно те люди, с которыми имеет смысл говорить о важных вещах.

Несмотря на изматывающую усталость и неутихающую тревогу, Хуц-Ги-Сати почувствовал прилив гордости.

Люди подходили, протягивали раскрытые ладони, слышалось негромкое «о метако ясень». Кто-то крепко жал тлинкиту руку. Никто не задавал вопросов — раз человек здесь, значит, так нужно.

Людей действительно было немного. Десяток мужиков, среди которых, судя по их виду, тлинкит был самым младшим, три женщины, на вид

лет сорока.

Керук заговорил:

— Корпорации отняли у нас все. Когда они пришли на нашу землю — отняли ее у нас.

Голос старейшины был тих, почти бесстрастен, но в нем была яростная сила, сокрытая, как пламя под слоем пепла, и все замерли. Хуц-Ги-Сати понял, что сжал кулаки так, что пальцам больно.

— Потом они отняли мечту у всех, кто жил на наших землях искони и кто пришел, чтобы добиться благополучия честным трудом. Они завезли сюда рабов, и те отравили своим рабским сознанием остальных.

Керук широко махнул рукой, показывая на карту, что висела на стене за кафедрой.

— До сих пор потомки тех рабов поклоняются своим господам там, на Юге! Они гордятся своим рабством!

Он помолчал.

— Неужели мы такие? Неужели корпорациям удалось и нас сделать такими? Приковать к телевизорам и планшетам медиасети? Они уже убили дух свободного предпринимательства. Они уничтожили здоровую жажду соревнования между достойными людьми — то, что всем остальным дали великие цивилизации коренных американ-

цев! Неужели и мы стали такими? Неужели и наш разум воинов и созидателей, мудрых шаманов и искусных целителей уничтожили корпорации и банки?

Хуц-Ги-Сати слушал и чувствовал, как каждое слово отзывается в нем яростной жгучей болью.

Каждая мысль находила отклик, ложилась на место, которое давно было ей отведено в простой, жаждущей справедливости, кровоточащей от обид душе индейца.

Эти слова растравливали душу, срывали коросту даже со вроде бы заживших ран и забытых обид, но, странное дело, от этого становилось легче.

Яростная боль исцеляла.

Ведь говорил эти слова человек, который знал, что и как надо делать. И готов был об этом рассказать.

Керук закончил говорить и обвел собравшихся взглядом.

— Я много говорил сегодня о духе свободы и предпринимательстве. Я вспоминал дух наших предков, презрение к смерти и готовность погибнуть в одиночку! Но я не сказал сегодня о том, что наши предки уважали не только смерть, но и жизнь и готовы были отказаться от последне-

го куска пищи, чтобы помочь тому, кому была нужна помощь!

Керук встал.

Величественно возвысился над остальными и простер руку.

— Но они помогали только тем, кто был достоин их помощи!

В полумраке едва освещенного слабыми лампочками зала его глаза, казалось, светились собственным светом, будто глаза огромной кошки. И Хуц-Ги-Сати стало не по себе.

— Среди нас есть тот, кто достоин помощи, ибо он взял на себя ответственность за свою жизнь и жизнь женщины своего народа! Он среди нас потому, что хочет жить свободным! Встань, гордый воин Хуц-Ги-Сати!

Не веря своим ушам, тлинкит встал.

— В нашу первую встречу Хуц-Ги-Сати не только ничего не попросил. Он спросил, чем может помочь нашему делу! Сегодня воину нужны силы и средства, чтобы продолжать борьбу.

Он помолчал, склонив голову.

Гордо вскинул и возгласил:

— Мы поможем ему!

За тем, как люди подходили, снова жали руку, обсуждали с Керуком, как перечислить, как обна-

личить перевод, Хуц-Ги-Сати следил будто во сне. Все было ярким, чуть нереальным и плывущим.

— Останься. Ты уже помогал со стульями, теперь вернем их на место.

Когда осталось два стула, Керук устало опустился на один из них, кивнул на второй.

Хуц-Ги-Сати неловко сел.

Керук протянул ему конверт плотной желтоватой бумаги.

— Здесь немного. Люди перевели мне деньги как взносы для благотворительной ярмарки, чтобы я мог отчитаться. Я отдаю тебе наличные. Тебе нельзя сейчас переводить деньги на счет. Арестуют, и толку от них будет чуть. Я дам тебе телефон полезного человека в твоем городе, он поможет тебе получить карточку, которой ты сможешь платить в магазине и аптеке. Правда, с аптекой сложнее, твоя скво болеет тяжело, и лекарства ей выписали по рецепту. Их можно оплатить только той картой, к которой привязан рецепт. Впрочем, наш человек поможет и с этим.

— Спасибо вам… — Только бы голос не дрогнул, это недостойно воина.

— Мы все должны знать, что тот, кто борется с тобой плечом к плечу, верит тебе, так? — похлопал его по колену Керук. — А нам предстоит

с тобой великая борьба! Мы должны встряхнуть этих корпоративных мерзавцев!

Выписалась Маша на пятый день.

Завтрак ей уже не полагался — только стакан воды и голубоватая таблетка, от которой делалось спокойно. В регистратуре ей выдали вещи, дали подписать счет. Сказали, все остальное в карте, которая у нее в страховой компании, доступ в зависимости от тарифа.

Сказали что «в планшет» пришлют и все счета и отчеты по времени в больнице.

— Мне таблетки обещали. И рецепт обещали. В аптеку. — Тревога пробилась даже через завесу безразличия после утреннего приема.

— Не рецепт. Рекомендацию врача для выписки. — Негритянка в регистратуре смотрела отчего-то с брезгливой жалостью, Маше стало неприятно, и она постаралась встать ровно, расправить плечи. Она всего-то простудой переболела и немного понервничала. Сейчас придет домой, поспит, и все будет хорошо.

— И таблетки. Обещали. — Она облизнула губы. Это было ее. Ей обещали, пусть дадут положен-

ное.

Негритянка со стуком поставила на стойку пластиковый пузырек. В нем загремели таблетки. Судя по стуку, немного.

Ну да, всего четыре. Или даже три, постаралась сообразить девушка. Сложно… — пожаловалась она самой себе.

И пошла домой.

Долго стояла перед дверями, искала ключи.

Нарастало глухое раздражение. На Сати. Вечно его нет дома! Даже сейчас нет! Когда она едва дошла!

Она попыталась взять себя в руки, чуть не расплакалась. Вот, нашлись.

На столе ждала записка — хлеб и сыр в холодильнике, овощи в морозилке.

Снова мимолетное раздражение — безвкусная заморозка. Которую еще и варить надо. Или жарить.

Все равно вкус был как бумагу жуешь.

Впрочем, поняла она, есть не хочется.

Хочется спать.

Сейчас она поспит, а к вечеру пойдет по кафешкам проситься на работу.

В том красно-белом часто народ уходит, может, возьмут.

Но взяли ее обратно только в забегаловку под мостом.

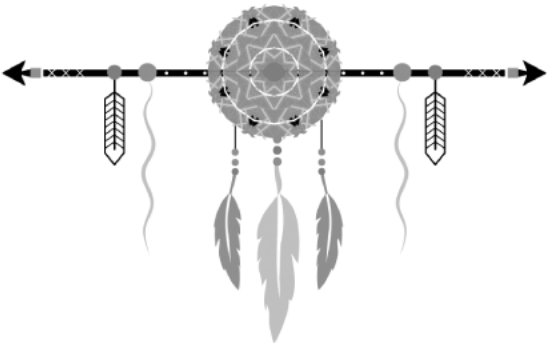
После того как хорек с татухой на лице медленно повернулся к менеджеру и долго смотрел на него, спустив свои зеркальные очки на кончик носа.

Маша на это внимания не обратила, ей было не по себе. Из дома она вышла еще засветло, поспав всего пару часов. Безразличие в ее душе мешалось с беспокойством, от которого ее мелко трясло. Так что она встала, ополоснула холодной водой лицо и побрела.

К тому времени, как она добралась до кафе у моста, дрожь вроде прекратилась, зато накатила глухая апатия, которая сменялась приступами черного глухого ужаса.

Продолжались они недолго, но страшно делалось так, что Маша не могла идти. А когда думала, что придется еще и говорить, вовсе переставала дышать.

Эпизод 12. Перспектива 4



ЧИКАГО

Уже и август на исходе, а жара тяжелая, влажная… Жирная какая-то, нечистая, с раздражением думал Закревский.

Раздражение было отстраненным, полностью подконтрольным. Закревский его себе дозволял, использовал, чтобы сбросить напряжение и подстегнуть чувства, которые волей-неволей притуплялись за время слежки.

— И которую неделю мы с вами, Пьетр, так сидим? — заворочался рядом Дэлиган. Добыл из

кармана огромный клетчатый платок, вытер красное лицо.

Духота, конечно, невыносимая. Минералка из сумки-холодильника не помогала, тут же выходила потом.

— Четвертую, Шон, и я бы на вашем месте не ныл. Вы-то приходите на пару часов, а потом присылаете своего несвятого Патрика с пакетами какого-то несъедобного хрючева. — Закревский глотнул воды.

— Вы, Пьетр, тоже тут не сутками торчите. Заметьте, я даже не спрашиваю, куда это вы уходите, когда бросаете меня, — продолжил бурчать Ирландец.

Задняя дверь зеленого фургона «Чевви», стоявшего через дорогу от Best Western Terrace Hotel, открылась, на тротуар соскочил высокий тощий негр в мятом пиджаке и таких же мятых брюках. Потянулся, пошел за кофе.

Этот ритуал они с Шоном уже выучили и смотрели за «пинкертонами» вполглаза. Этих наняли федералы, наружка в фургоне больше следила за тем, кто там из делегаций куда входил-выходил.

Интереснее были топтуны, которые сменялись раз в несколько часов и были частью городского пейзажа. Вычислить их удалось лишь к концу

недели, и то, видимо, не всех. Тут отличились ребята Шона, те самые подрядчики, которых подогнал для Закревского Ирландец.

Они умело отсекли курьеров, ночевавших на вентиляционных решетках бомжей и прочих персонажей, которые снуют вокруг каждого отеля.

Сноровисто узнали, что одна из бомж-палаток появилась совсем недавно и в очень удобном для наблюдения месте.

Проследили за парочкой курьеров, вызвавших подозрение, — входя в отель, они не долбили пальцами экран планшета. А должны были — так они оповещали контролеров о том, что прибыли в точку передачи заказа.

Сами подрядчики изображали туристов, сменяли друг друга, реквизита у них было предостаточно, и Закревский даже не всегда сразу их узнавал, хотя они его и предупреждали, как будут выглядеть. «Пинкертонов» они тоже держали в поле внимания, и именно в один из таких моментов Дэлиган заметил за подрядчиками слежку и негромко бросил в пространство:

— Рыбки, рыбки, плывите по течению.

Так удалось раскрыть еще одну группу интересантов.

— Скажи мне наконец, сумасшедший русский друг, зачем мы смотрим на все… это? — Ирландец обвел рукой площадь перед отелем.

— Вы, ирландцы, очень нетерпеливы, — философски констатировал Закревский, — и не умеете ждать и получать удовольствие от медленных, едва заметных процессов. Вам бы все с мечом носиться. Или этими вашими дубинами, которые кто-то по недоразумению назвал тростями, мозги вышибать. Берите пример с ваших лютых англосаксонских друзей.

— Пьетр, а можно как-то попроще? Без этой вашей загадочной русской души?

— Что ж, извольте. Итак, что мы с вами узнали и поняли за те четыре недели, что тут идут переговоры? — Закревский откинулся на сиденье и сложил руки на груди. Проговорить свои мысли вслух, обдумать в диалоге с человеком, которому доверяешь, — всегда ценно. Пусть и доверяешь лишь до известного предела. — Вон там «пинкертоны». Которых, как ты говоришь, наняли федералы. Особо не скрываются. За тем столиком чудесные молодожены, которые лопочут на португальском. При этом кольцо на пальце мужа совсем не новое, а жена новенькое колечко крутит, явно к нему не привыкла.

— Точно. Кстати, у обоих устоявшиеся привычки. Вон уже сидят за своим столиком, из которого отлично просматриваются и вход, и выезд из отеля.

— С ними тоже все понятно, это бразильская безопасность, прикрывают своих на всякий случай, — кивнул Закревский, — думаю, в том китайском ресторанчике тоже не просто так появились новые официанты. Твои ребята молодцы, быстро раскопали. Пока не очень понятен новый бомж вон из той палатки, но будем считать, что это страхующий от американских деловых. Итак?

— Итак, все друг за другом следят и пялятся на отель.

— Именно, друг мой, — лениво изобразил аплодисменты Закревский, — все друг друга уже вычислили, доложили своему начальству и явно получили приказ ситуацию не раскачивать, осторожно наблюдать.

— И долго будут продолжаться эти танцы-обниманцы? — хмыкнул Ирландец.

Закревский вдруг застыл.

Задумался.

— Шон, ты мне недавно сказал, что мы, русские, и ирландцы похожи. Знаешь, ты прав.

Он похлопал удивленно открывшего рот Дэлигана по плечу и полез из машины.

Может, стоит предупредить Морозова, чуть слышно шепнула совесть, ведь переживать начнет, а не мальчик уже.

Нет, не стоило, сказал он себе, шагая через площадь к отелю. Шел в открытую, сосредоточенно глядя на стеклянные двери, не обращая внимания на то, что делается по сторонам. Лишь раз приподнял руку, показывая автомобилю, чтоб тормознул.

Получил в ответ возмущенные гудки и толкнул дверь вестибюля.

Так же деловито прошел через лобби.

У лифтов к нему шагнула охрана отеля.

— В номер 1645, — небрежно бросил, — меня ожидают.

— Прием по спискам, — равнодушно сообщил детина с квадратной челюстью.

— Закревский. Ищите на букву Z. — Петр Аркадьевич даже изобразил букву в воздухе. — Ну, как Зорро, понимаете?

Охранник сделал вид, что последней фразы не слышал.

«Интересно, меня уже все срисовали?» — весело подумал Закревский, заходя в лифт.

— Как же вы так, без предупреждения?! — Морозов потер руки, подул на них. Посмотрел на ладони с неудовольствием. — Мерзнут. Жара, а они, как понервничаю, мерзнут.

И вопросительно посмотрел на Закревского.

— Петр Аркадьевич, я, конечно, понимаю, что у вас свои методы, однако…

— Господин Морозов, помните, когда вы обратились ко мне в первый раз, то сказали, что меня рекомендовали как мастера импровизаций?

Купец кивнул.

— Я тогда сказал, что это излишне лестная оценка и я предпочитаю самой блестящей импровизации хорошо продуманный план и точный алгоритм?

Снова легкий кивок. Но в глазах теперь выжидательный интерес. А вы авантюрист, господин Морозов, вы азартны. Игрок-с! Что ж, сейчас это даже хорошо.

— Я говорил чистую правду. Однако действительно, еще когда я сдавал первые тесты в училище, в моем личном деле записали среди полезных качеств: «способен к поиску и осуществлению нестандартных вариантов решения задач, умеет импровизировать». На мой взгляд, настало время

импровизации. Поэтому я позволил себе столь эффектно появиться и рад, что наша встреча произошла в гостиной, при стечении людей.

— Петр Аркадьевич, вы должны отдавать себе отчет, что любое неосторожное движение может привести к срыву переговоров.

— Разумеется. Именно поэтому и появился я. Сколько идут переговоры? Уже более четырех недель. В какой они стадии, скажите откровенно?

Морозов пожал плечами.

— Честно говоря, идут они вязко, хотя и у бразильцев, и у штатников явный интерес. Собственно, они же и были инициаторами. Как они отреагируют на ваше появление — не знаю. Ваша репутация известна, то, что вы консультируете ярмарку и меня, — не секрет. Так что вы уж будьте добры, объясните, что за импровизацию решили устроить. И какова в ней моя роль.

Купец улыбнулся.

Закревский поставил на блюдце кофейную чашечку.

— Со своей ролью вы, Тимофей Саввич, справляетесь превосходно. Вам надо лишь продолжать. Когда я выйду, изображайте еще большую уверенность, говорите о величии империи и го-

сударственных интересах, которые, безусловно, поддерживает купечество. Я же выйду с видом деловым и озабоченным. Остальное — мое дело.

— Петр Аркадьевич, что мне еще стоит знать? У меня ощущение, что вы решили меня от чего-то оградить. Не стоит, особенно если информация может помочь мне в переговорах.

— Ничего принципиально нового. Основное вам передали в той моей записке, что я прислал после встречи с сослуживцем. Но мы с вами и так обсуждали неизбежный интерес Ост-Индской компании к ярмарке. Кстати, во время переговоров ничего такого не ощущали?

Купец задумался.

— Была пара моментов со стороны янки. Этакие прощупывающие вопросы о возможных новых партнерах, да не опасаемся ли мы кому-либо еще дорогу перейти. Но, — поднял он руку, — по прямой указке бриттов, мне кажется, они не действуют. Итак, почему вы решили обострить комбинацию именно сейчас? Что мне делать, я понял, а чего ждать?

— Сейчас человек, с которым мы ведем наблюдение за отелем, дал очень хорошее определение происходящему — «слоеный пирог». Все наблюдают за всеми и все осторожничают. Это ситуация

неустойчивого равновесия. У вас на переговорах она явно такая же. Что из этого следует, сами знаете.

— Возрастает возможность срыва, обострения. Я это вижу и намереваюсь использовать.

Закревский встал.

— Зная вас, не сомневаюсь. Именно поэтому я хочу обострить внешнюю ситуацию, попробовать спровоцировать интересантов на активные действия. Если обострение неизбежно, лучше это сделать самим. Больше возможностей для контроля.

Консультант чуть помедлил. Подошел к окну, глянул вниз. Город тонул в сизом мареве, тротуар и чахлый садик вокруг отеля едва виднелись сквозь дымку смога.

— Чего ждать… Точно не могу сказать, но думаю, если наметится прорыв в переговорах, может случиться что-нибудь неприятное. Так что следите за окружением, по-прежнему не покидайте отель, тем более без сопровождения. Только в рамках оговоренной деловой программы, всяких экскурсий на производство, но и там постоянно будьте на людях.

— Так что именно могут предпринять наши визави?

— Увы, точно не знаю, — честно ответил Закревский, — но предположения имею.

Он снова сел в кресло, налил себе кофе.

— Думается мне, это будет провокация, не связанная с вами напрямую. То есть не медовые ловушки, не белый порошок горками на столе вашего номера. Они постараются включить эту провокацию в более широкий контекст. Так, чтобы пресса смогла взвыть: «С русскими в принципе нельзя иметь дело».

Морозов пожал плечами.

— Петр Аркадьевич, так это может быть вообще что угодно и где угодно.

— Не исключаю, — Закревский покачал ложечкой, соглашаясь с купцом, — акций может быть и несколько. Но одна из них, так сказать, центральная, обязательно будет организована так, чтобы ее можно было увязать с вами и вскрыть суть переговоров, опубличить их так, чтобы ярмарка непременно потеряла лицо. Поэтому я и попробую подстегнуть события. Они будут вынуждены реагировать. А я уже встретился с несколькими своими знакомыми, которые мне шепнут, если кто-то где-то зашевелится.

Одним глотком он допил кофе, встал. Протянул руку — как равный равному.

— Ну, Тимофей Саввич, пожелайте ни пуха…

— К черту, Петр Аркадьевич, к черту.

На миг задержался.

— Вот еще что. Естественно, я постараюсь ситуацию… эм-м… купировать. Если получится, я дам вам сигнал. Тогда с уверенностью обостряйте переговоры, давите.

В лифте он ехал один. Слушал безликую механическую мелодию из тех, что здесь играли везде и всюду, примерял сосредоточенно-озабоченное лицо. Музычку эту здесь называют office lounge, вспомнилось отчего-то. Он как-то еще по молодости лет спросил местного знакомца, зачем этот фон везде. Так он ритм задает, удивился знакомый. В торговых галереях и мегамаркетах — утром помедленнее, чтоб, значит, народ между полок дольше ходил, к вечеру, как наплыв, быстрее, чтоб, значит, шустрее двигались.

Вот и мы двинемся шустрее.

Он вышел в душную жару и тут же резко свернул налево, пошел быстрым шагом, лавируя между прохожими.

Остановился на миг у стеклянной витрины, поправил кепку — пусть увидят, что он проверяется.

И нырнул во вращающиеся двери торгового

центра.

Сразу за ними деловито двинулся налево, к эскалатору на второй этаж.

Снова эта неслышная вроде, но вкрадчиво-усыпляющая музыка. Рабочий день, народу немного, но хватает. Стайки пестрых, похожих на тропических птичек девчонок в сетчатых колготках и шортах длиной до середины задницы передвигаются от лавки к лавке, волоча ноги в тяжеленных бесформенных ботинках ядовитых расцветок.

И мозгов как у тех птичек, вздохнул Закревский. Впрочем, тут же на себя шикнул: превращаешься в ворчливое старичье!

И отвлекаешься, не о том думаешь. Яркая крикливость — тоже отличная маскировка.

Крикливость, театральность…

Закревский подошел к крохотной кофейне — просто прилавок и кофемашина, перед прилавком пара столиков с мягкими креслами. И здоровенные растения в кадках рядом с креслами. Мило — простенько, дает иллюзию уединения, так и тянет передохнуть.

Петр Аркадьевич попросил эспрессо, пока ждал, посмотрел в блестящий бок кофемашины.

По эскалатору следом поднялась семейная пара

средних лет, трое мужчин в бизнес-костюмах, парень с девушкой, оба в чем-то неопределенно мешковатом.

Все прошли мимо, занятые беседой.

Закревский взял кофе, сел в кресло под прикрытие зелени.

«Если меня кто-то ведет, сейчас должны где-то остановиться, контролировать мои действия. Ведь я могу с кем-то встречаться».

«Чего мне ждать?» — вспомнил он вопрос Морозова…

— Они склонны к театральности. — Брайан «Ган» Томпсон был законченным циником и невероятным бабником. При этом всегда руководствовался лично выработанным «кодексом наемника», которым очень гордился. Если он брал деньги от одного заказчика, то от другого за то же поручение плату брать отказывался и заказ выполнял точно и в срок. Заказчиков принципиально не сдавал, за что был не раз жестоко бит. Однажды ему даже устроили тазик с цементом. Впрочем, по слухам, это было как раз из-за бабы.

Также он был агентом Бюро обеспечения законности при Президенте САСШ, организации мутной, в основном занимавшейся лоббированием интересов крупных корпораций. Однако

именно это делало ее агентов отличными сборщиками и обработчиками информации, чутко державшими нос по ветру.

Как бы то ни было, Закревский платил ему регулярно и в его информации был уверен.

Поэтому накануне похода к Морозову встретился с ним на квартире, которую ярмарка держала в Чикаго как раз для таких случаев. Квартал был тихим, по периметру ходили патрули частной службы охраны, вооруженные полуавтоматическими карабинами, въезды в квартал ненавязчиво контролировали посты рядом с «лежачими полицейскими». При этом в квартале хватало семейных кафешек, в том числе русской и китайской кухни, ресторанов и бистро.

Так что Закревский убедился, что за «Ганом» хвоста не было.

Сейчас, потягивая на удивление неплохой кофе, Закревский вспоминал тот разговор. Да, Томпсон прав, они любят театральность.

— Петр, вся жизнь Штатов — шоу! Судебные процессы — шоу. Выборы — шоу. Свадьбы, а тем более разводы — шоу на много сезонов. А уж скандалы, преступления и катастрофы — это гарантированный прайм-тайм! Вы, русские, этого никак не можете понять. Вы не осознаете и еще

одной очень важной вещи!

Закревский вопросительно поднял бровь.

— Шоу важно везде! Думаете, эти высокомерные узкоглазые в своей Поднебесной живут иначе? Ха! Как же! А индусы уже полностью существуют в реальности, которую им выдает Болливуд. Его, на минутку, полностью контролирует Ост-Индская компания и этого даже не скрывает.

— Хорошо, я вас понял, Брайан. Расскажите, какие расклады у вас в политическом шоу-бизнесе сейчас? Через кого и как будут двигать ост-индские режиссеры?

— Речь, конечно, о ваших русских бизнесменах? Можете не отвечать, и так ясно. — Томпсон задумался. Как всегда, когда получал серьезную задачу, он изменился, стал отстраненно-серьезным. — Думаю, будут качать тему здешних недовольных и вязать с русским присутствием. «Черные пантеры», экологические террористы — слышали, недавно пустили под откос поезд с химическими отходами? AIM краснокожих, от них недавно откололась группа, которая называет себя «Железные сердца». Возможно, попробуют зайти через христианских фундаменталистов. С некоторыми их организациями поддерживает

связи ваш Синод. Словом, возможностей хватает.

— С кем уже работают бритты? — Закревский делал короткие пометки в блокноте. Ответ и так знал, но лучше услышать подробности.

— Как обычно, со всеми. Действуют через благотворительные фонды, попечительские советы, стипендии. С кем-то напрямую, скажем, с экологами. У тех самая тесная связка, пожалуй, с индейцами. И те, и другие качают лозунги гармонии с природой, возврата к истокам и прочей «босиком по траве».

Больше ничего особо полезного из Томпсона вытянуть не удалось. Закревский вручил ему разовую «подарочную» кредитку из тех, что крупные компании время от времени разыгрывали среди клиентов. Оплатить ею можно было только строго определенную продукцию, но товар спокойно можно было вернуть и получить почти полную стоимость. Этой фишкой активно пользовалась мафия. Всех все устраивало.

Закревский задержал карточку в своей руке.

— Брайан, пожалуйста, если вы почувствуете хоть какие-то изменения, шевеления, словом, что угодно, сообщите.

С того разговора Томпсон с ним не связывался. Или не было ничего стоящего, или потратил кре-

дитку и уже ушел в запой. Этот мог.

Закревский встал, глянул на магазин женского белья напротив. Возле него грустно топтался седоватый мужик. Явно скучал, посматривал в витрину. Видимо, жена застряла, выбирая очередное «неглиже» к завтраку.

Верный муж достал небольшой планшет, с которыми янки не расставались, передвинул плоскую сумочку на живот. Проверил, что молния застегнута. Да, правильно делает, магазинные воришки тут виртуозные. Двумя пальцами коснулся застежки переднего кармана.

«Значит, я не ошибся», — поздравил себя Закревский. Его ведут. Двое.

Что ж, поводим хвоста и обострим еще.

Но, конечно, в рамках разумного.

И он отправился по магазинам.

Изматывая филеров, Закревский сначала «позалипал» в крохотных лавочках, вдумчиво рассматривая бессмысленные сувениры, заговорщицки беседуя с продавцами. Потребовал сертификат соответствия на грубую копию «кольт-фронтира», удивился, что такого нет, и оставил хозяину записку от руки с выражением крайнего недоумения.

После чего бодрой трусцой прошел всю галерею

до противоположного выхода, но уже во вращающихся дверях что-то вспомнил и вернулся обратно.

С удовлетворением заметил, как заметался неприметный клерк в синем костюмчике, вышедший через соседнюю дверь-вертушку.

А вот не надо бездумно по инструкции действовать. Конечно, постоянно маячить позади объекта — мысль хреновая, но зачем же лезть вперед в «точках, дающих возможность мотивированного резкого изменения направления движения», припомнил он из методички Особенной канцелярии.

И отправился в огромный супермаркет, занимавший чуть не треть первого этажа галереи. Издевательски купив длинный тяжелый — из натурального металла, надо же! — рожок для обуви, снова прошел через всю галерею и прогулочным шагом отправился к станции подземки.

Начиналось обеденное время, из многочисленных офисных коробок посыпали модные в этом году синие костюмы в обтяжку и юбки-«карандаши». Почему-то они должны были подчеркивать неимоверно широкие бедра.

Закревский решил не задумываться, как местные дамы добиваются таких массо-габаритных

характеристик.

Смешался с толпой, сбежал по ступенькам к станции, уже привычно поморщился от порывов удушливой вони, которые выдавливал из себя зев тоннеля.

За спиной раздались возмущенные возгласы, но он уже лез через турникет, шлепая ладонью пластиковый прямоугольник проездного к светящейся пластине считывателя.

Донеслось: «Сам под ноги смотри, уже третий раз пихался!»

Отлично, значит, страхующее звено отсекло хвоста, более никого не заметили.

Пространство вокруг чисто.

На удивление, в вагоне оказались свободные места.

Закревский сел и задумался.

Буду ждать.

Они клюнули. Не могли не клюнуть.

Даже если на той стороне понимали, что он провоцирует их на активность, все равно ответить должны.

Он сузил для них коридор решений ровно до двух вариантов — оставить все как есть до конца переговоров и действовать уже по результатам или запускать активную фазу для срыва прямо

сейчас.

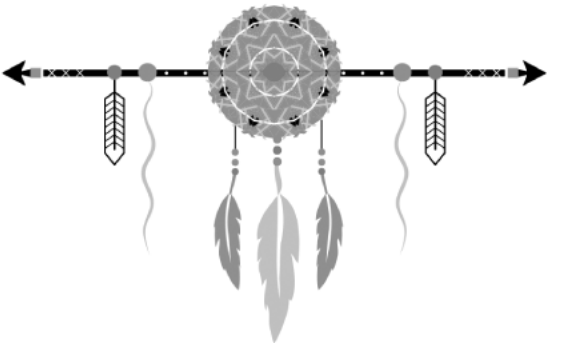
Завтра вечером выйдет еще и экономическая колонка Томпсона, в которой он изящно намекнет на выгоды активного сотрудничества с Российской империей, это тоже должно их подстегнуть.

Закревский закрыл глаза.

Все идет своим чередом.

Одна только мелочь — он понятия не имеет, что это за «активная фаза».

Эпизод 13. Вниз по спирали



— Не трогай меня! Я сама решаю за себя, ясно тебе?! Хватит! Не позволю больше! — Она уже готова была швырнуть в него чашку, но остановилась. Чашка была хозяйская, а за порчу имущества по контракту полагался штраф. И возмещение стоимости испорченного имущества, конечно.

Это Маша еще понимала.

Это ее останавливало.

Вот говорить было тяжелее. Если хотела сказать связное, приходилось вспоминать, что там в «тиви» говорил проповедник. Его слова почему-

то запоминались хорошо, а остальное — плохо.

Хуц-Ги-Сати тяжело молчал.

Сидел за столом, смотрел на руки. Вот опять ключ крутил, рука сорвалась, на костяшке болячка. Копы докопаться могут — чо с руками, дрался? Можете ли управлять транспортным средством?

Лучше было об этом думать и смотреть на руки.

Чтобы не видеть ее перекошенное от бешенства лицо.

И еще страх почему-то.

Прошла неделя с того дня, как она вернулась из больницы.

И узнала об аварии.

О том, что денег больше нет.

Хуц-Ги-Сати говорил ей, что он уже начал выплачивать долг, что удалось сразу погасить досудебные претензии, что рейсов много, а штрафов у него почти и не бывает…

Она не слышала.

Поначалу только спросила тихо:

— А на что я таблетки куплю?

Сильнее всего индейца резануло это «я куплю». Не «мы купим».

«Я».

Дальше с каждым днем делалось только хуже.

Он и не думал, что вся его жизнь может развалиться так стремительно.

К вечеру ее сонное спокойствие сменялось лихорадочной нервозностью, она металась по крохотной квартирке, не находя себе места. Начинала что-то быстро говорить, перескакивала с одного на другое, снова и снова выспрашивала, сколько у него осталось денег, сколько он сможет ей оставить, когда у него новый заказ…

Тогда, в первый день… Или во второй? Словом, она выпила таблетку, сказала, что доктор прописал принимать еще и что ей должны сделать скидку в аптеке.

Ей это почему-то казалось очень важным.

Хуц-Ги-Сати к тому времени устал уже настолько, что просто молча кивал.

Она наконец успокоилась, Хуц-Ги-Сати попробовал ее приласкать, но Маша только пробурчала: «Не сегодня, Сатик, спать очень хочу».

Он и сам, честно говоря, больше всего хотел спать. Хорошо бы — долго-долго. И чтоб проснуться, а Маша рядом лежит, хитро на него смотрит, улыбается.

А на стоянке — «Медведь».

И долгая спокойная дорога за рулем могучей машины.

Ночью ему снилось, как он едет по Императорскому мосту и разговаривает с Два Пуда. Тот ему говорил что-то очень важное и успокаивающее.

Проснулся — ничего не помнил.

Только словно что-то очень нужное должен был запомнить и не смог.

Как назло, все рейсы на неделе были только по городу и ближайшим окрестностям. Мелкие суматошные заказы — то фирма переезжала, то хозтовары в новый магазин какой-то сети догружали… Он хватался за все.

Приходил домой измотанный, заваривал лапшу или быстрорастворимое пюре «со вкусом настоящего картофеля», ел, падал. Машка сказала, что пока смогла устроиться только в ночную.

Так что если и пересекались, то на пару часов.

Он горько усмехнулся.

Вот тебе и оба дома.

— Что лыбишься? — взбеленилась девушка.

Спроси ее, почему так бесится, она б и сама не ответила. Просто ее все дико злило, потому что все время было страшно. Страх изматывал.

Она хотела рассказать об этом Хуц-Ги-Сати, но это тоже было страшно.

Менеджер в заведении под мостом тоже был страшным. И бесил.

Придирался постоянно.

Руки у нее сделались красными, кожа потрескалась. Чем-нибудь смазать — надо крем купить, хоть самый простенький, а денег не хватало даже на еду.

И скоро нужно было платить за квартиру, а сколько принесет домой Сатик — он и сам не знал.

Нужны были таблетки. От них мир станет понятным и спокойным. Хоть и тусклым.

Врач об этом говорил.

И по «тиви» тоже — она все время теперь смотрела того проповедника.

Того, что говорил в больнице. И передачи о том, как медицина и вера в Бога помогают понять, кто ты есть на самом деле, и принять себя. Нужно только чтобы «ты был в ресурсе», а чтобы получить ресурс, нужно помогать психике «находиться в состоянии позитивного творческого стресса».

Она не очень понимала, что это такое, но слова очень нравились.

А Сатик был глупый.

Он вообще не понимал, что ей нужны таблетки для творческого стресса и принятия себя. Так по «тиви» говорили красивые девушки и тот теле-

проповедник.

«Я сама принимаю решения и распоряжаюсь собой. Я все решу сама, и никакой мужской шовинизм не встанет у меня на пути», — уговаривала она себя, пока шла к кафе под мостом. Правда, мысли эти были короткими и все время убегали, а нервная дрожь и волны темного ужаса накатывали все сильнее.

— Эй, русская, живее! Еще одно замечание — и ты налетаешь на штрафы!

Она уже не понимала, за что, просто схватила поднос.

Пошла.

И — застыла, сделав пару шагов.

Маша не помнила, куда нести заказ.

Номер же на чеке должен быть, обозлилась она, а эти придурки на чек поставили стакан с газировкой.

— Эй, сеньорита! Сеньорита, наш заказ стынет! — ей махали от столика, что стоял за низенькой перегородкой. Типа отдельного кабинета получалось.

Сердце ушло в пятки, прыгнуло к горлу. Те самые — в мешковатых спортивных штанах и куртках, и — этот, в очках.

Который с наколкой «13».

Подошла на подгибающихся ногах.

Остролицый уставился зеркальными стеклами.

— Русская, ты меня что, боишься?

И улыбнулся.

Маша почувствовала, как выступили капельки пота над верхней губой.

Поставила на стол поднос, звякнули бутылки с газировкой. Эти заказывали только в стеклянных бутылках, так выходило дороже, зато среди местных считалось шиком. Показывали, что при деньгах.

— Сядь, поболтаем, — похлопал Зеркальный по дивану, парнишка, что сидел рядом, тут же испарился.

— Спасибо. Мне нельзя. По контракту не положено. Оштрафуют.

Заржали все, кто был за столиком, а Зеркальный мечтательно улыбнулся.

— Эй, ты. Сюда иди. — Зеркальный поманил менеджера пальцем. Медленно вылил под стол бутылку газировки. Показал пустой бутылкой на Машу. — Она занята. Убирает то, что ты, косорукий дебил, разлил. Ты понял?

Менеджер посерел и кивнул.

— Теперь садись. Давай же, — потянул он ее за

руку. Провел крепкими прохладными пальцами по запястью. Улыбнулся чему-то своему. — Русская, как тебя зовут?

— Маша, — шепнула она. — Ну, Мария по-вашему.

— Мария… Мадре Муэртэ, — почему-то мечтательно протянул Зеркальный.

Взял ее за подбородок и развернул к себе.

— Тебя не было неделю. Расскажи почему?

Оказывается, он ее замечал… Почему-то от этого стало тепло. Зеркальные стекла смотрели так внимательно, пальцы были такими крепкими и успокаивающими.

Сатик снова был далеко. И когда приходил — ел и засыпал. И не спрашивал, почему она так дрожит и ворочается ночью.

Она рассказала все.

Да и говорить-то не особо долго пришлось. Долго ей тяжело было.

Короткая история.

— Поэтому тебя крутит, а твоя гладкая нежная кожа покрылась пупырышками и вспотела. — Зеркальный задумчиво провел по ее руке пальцами. От запястья и до самого плеча. — Тебе нужно то, что даст тебе силы и смелость. И тогда у тебя в жизни все будет хорошо. Будет смелость, будет

радость… Правда, малышка Муэртэ?

Она не знала, кто такая Муэртэ, но ей нравилось, что Зеркальный так ее называет. В этом слове было что-то темное и красивое.

Она кивнула.

— Красивым сеньоритам, которые знают, чего хотят в жизни, надо помогать. Так? — Он кивнул сам себе: — Так. Я тебе помогу получить все, чтобы тебе стало хорошо и твоя кожа всегда была нежной, а тебе было весело. В больнице тебе прописали таблетки, от которых тебе просто становилось никак, да? Ну, типа не страшно и не дергаешься?

Она кивнула.

— На, попробуй, как живут нормальные люди, а не баззи. — Он кинул ей пузырек. В нем загремели таблетки.

Девушка машинально поймала, но тут же поставила на стол.

— Спасибо. Я сама куплю. По рецепту.

Зеркальный захохотал, а за ним вся компания.

— Дурочка! А это какие? Не по рецепту, что ль?

Он стал серьезным.

— Баззи, запомни, все, чем тебе полоскали мозги в этой твоей Раше, — хрень. Все эти сказки про страшную наркоту и отъехавших джанки…

Она вздрогнула.

До сих пор она с ужасом проскакивала мимо застывших в невероятных позах людей. Один раз полтора часа стояла — не могла войти в подъезд. Такой вот застыл у дома, сложившись пополам, и стоял, покачиваясь, будто водоросли в легком течении воды.

Как труповозки забирали деревянные перекрученные тела, тоже видела. Да ее саму тоже сюда взяли потому, что официантка, с которой она работала в смену, не дошла до дома — сказали, передоз. А была такая милая. Все время смеялась.

В голове у нее мутилось, мысли были коротенькими, и каждая била в голову словно током.

А Зеркальный негромко продолжал, и все сразу перестали смеяться. Уважают его, подумала Маша.

— Мария, ты баззи. Баззи не понимают то, что понимаем мы. Им не дают думать, чтобы они делали черную работу и были послушными. Продавать снадобье джанки — это совсем конченое дело, и им занимаются конченые люди, которые не могут распоряжаться своим телом и своей головой. Но ты-то умная девочка, ты же понимаешь, что твое тело — это только твое дело. А такие парни, как я, — мы помогаем таким, как

ты, найти хорошую работу, чтобы у вас всегда были деньги. Которые ты можешь потратить на хорошую аптеку, где тебе настоящий врач скажет, какие таблетки надо пить, чтобы твоему телу было хорошо! Все по закону. Поняла?

Джанки тоже покупают снадобье, чтобы им было хорошо, мелькнуло в голове. Но мысль ушла.

— Чего ты боишься, баззи? Что я тебя отравлю? — Зеркальный открыл пузырек, вытряхнул зеленоватую таблетку и кинул себе в рот. Запил газировкой. — Видишь, маленькая Мари-Муэртэ, я хочу, чтобы моя голова думала, и я их сам принимаю.

Он вдруг смешно по-детски чихнул, закрывая рот, и Маша невольно рассмеялась.

Не давая себе времени подумать, она тоже вытряхнула таблетку и быстро проглотила.

Застыла, глядя на Зеркального.

Тот двинул к ней пузырек.

— Много нельзя. Две-три в день. Но тебе и столько не надо. В следующий раз поговорим насчет работы.

Она спрятала пузырек в карман, кивнула ему и встала, оправляя форменную юбку. Забрала поднос.

Менеджер старательно делал вид, что смотрит

в другую сторону.

Когда Маша отошла, Зеркальный брезгливо стряхнул прилипшую между пальцев таблетку в картонную упаковку из-под куриных крылышек и закрыл использованными салфетками. Но этого она не видела.

Керук помогал.

Не деньгами, да и не взял бы Хуц-Ги-Сати больше. Советом, поддержкой.

Знакомствами.

Оказалось, чуть не через два квартала от индейца жил тощий как жердь жилистый сиу по имени Шикопи, который помог разобраться с наличкой и вечерами пару раз встречался с тлинкитом, беседовал, спрашивал, как дела.

Завидовал тому, что молодой тлинкит виделся с Керуком, разговаривал с ним.

Просил помочь — закинуть пару стопок газеты, которую выпускали AIMовцы, в крохотный магазинчик на другом конце города. Это было по пути, Хуц-Ги-Сати охотно соглашался.

Сам Керук звонил, писал в сообщения в планшете — Хуц-Ги-Сати ценил это, ведь деньги на это

тратил, хоть и по льготному тарифу, а все же!

Раздражало, правда, что все это — урывками. Хоть и прошло всего ничего, недели полторы, но он потерялся во времени и не всегда понимал даже, какой сейчас месяц. Климат тут тоже отличался от того, к какому он привык, и это тоже сбивало с толку.

Работа съедала все время, индеец хватался за все, включая сверхурочные. Благо никаких идиотских правил и запретов, как у русских, тут на переработки не было. Все по-честному, готов пахать — впахивай, вот тебе все условия.

Правда, сумма погашенных исков уменьшалась так медленно, что порой руки опускались. А ведь пара недель всего прошла.

Машка за эти пару недель как-то изменилась, в ней стало проскальзывать что-то такое… Хуц-Ги-Сати не понимал, что именно, но отчего-то вспоминались уличные девки старого мира. Тут, кстати, уличных было меньше. Оказалось, организовать бордель, или «салон приват-танца», просто и дешево, так что они все по таким заведениям устроены.

Выражение глаз, неподвижные лица, которые вдруг, будто кто ключ зажигания поворачивал, складывались в призывную улыбку… Манера

держаться — развинченная, небрежная. Небрежная к самой себе… Вот как у таких…

Сложно это было объяснить, индеец привык к простым понятным вещам и словам, к ясным образам и чистым краскам. Хотя спроси его кто, он и сказать бы так складно не смог.

Керук и Шикопи — они давали то простое и понятное, что можно было назвать прямыми словами.

Своих людей надо поддерживать и им помогать.

Чужаков и транснациональные компании, которые принадлежат чужакам, — надо ненавидеть.

Но пока снова надо было уезжать. На неделю.

Накануне менеджер поманил к себе в контору.

— В Северную Каролину надо смотаться. Городок Широн, груз небольшой, фуру для этого заказчик гнать не хочет. Едешь завтра с утра. — И в глаза заглядывает, сука.

— Так это ж дальний рейс получается вроде по закону… — начал индеец.

— Первые сутки по двойному тарифу, — бросил как что-то незначительное менеджер.

— Завтра стартую. — Хуц-Ги-Сати пошел проверять фургон.

По правилам на такие расстояния с напарником ехать надо было или сроки больше давать, чтоб можно было отдохнуть да отоспаться полноценно. Но федеральное правительство это все в виде рекомендаций давало, а бизнес, понятное дело, клал с прибором. Не, они правы, конечно, если тебе надо, договаривайся с напарником, да сам заработок и дели…

Мрачное это местечко, оказывается, думал Хуц-Ги-Сати, осторожно руля по выбоинам пустынной дороги. Асфальт давно потрескался, на обочинах шелестел-перекатывался непонятный выбеленный солнцем и дождями мусор. Хуц-Ги-Сати показалось, что среди блеклых оберток от гамбургеров и полных мочи бутылок из-под газировки он заметил чьи-то черепа.

Индеец не стал останавливаться и проверять, но на заметку увиденное взял.

Лето уже катилось к исходу, жара становилась все тяжелее, и Хуц-Ги-Сати решился-таки приоткрыть щелочку в кабине.

Кондиционер в фургоне починили, но пользовался им индеец только в самых крайних случаях.

Работа кондея регистрировалась, и расходы на дополнительное охлаждение кабины вычитались из заработка. Расценки были вполне божескими, признавали водилы, но все же…

— У русских, говорят, за такое вообще не вычитают, — вспомнил разговор в гараже Хуц-Ги-Сати. Говорил Мигель-латинос, мужик шебутной, вечно всем недовольный, но не злой. Да и к машине хорошо относится.

— Я с парнями, что к русским ездят, говорил, у них не только километраж идет, но и четыре часа отдых, — вздохнул Карл Германец и заметил индейца. — О, русский, ты должен знать. Правду говорят?

— По-всякому бывает, — буркнул Хуц-Ги-Сати и полез в кабину, будто что там забыл.

На такие разговоры он натыкался все чаще, и это его безумно злило. Сговорились все, что ль?!

Какой он им русский?

Впереди показался городок, и Хуц-Ги-Сати на всякий случай тронул рукоять дешевого револьвера, который сунул в боковой карман жилета. Присоветовал пушку как раз Мигель.

— Слышал, тебя «псарь» в Каролину посылает? — подошел он к нему утром накануне выезда.

— Ну туда, — буркнул Хуц-Ги-Сати.

— Ствол есть?

— Откуда? Баззи ж не разрешается.

— Слушай, русский, ты вроде баззи, а не дебил. Нельзя оформить и нельзя купить — это ж разные вещи. Мой тебе совет, зайди в любой ломбард и попроси напрокат что попроще. Проверь только, чтоб патроны были. Понял? Так можно. Ты ж не покупаешь.

И Мигель двинулся к своему белому фургону.

Рефрижератору, с завистью подумал индеец. Стабильные заказы, оплаченные простои при разгрузке… Но он этого и добивался двадцать лет…

— Мигель, — окликнул он его, — спасибо.

Надо же. Сам от себя такого не ожидал.

Пушку тем же вечером и купил.

Сделал как Мигель советовал. Выложить пришлось недельный заработок, но что делать.

А на границе Каролины решил-таки остановиться в придорожной жральне и послушать сплетни, если повезет.

Повезло.

Официантка — средних лет блондинка с волосами, выбеленными до такого состояния, что аж хрустят, — сама подсела за стол. Дальше

стоило только сказать, что он едет в Каролину. К «атомке».

Индеец хорошо знал этот взгляд. Оценивающий, изучающий, жадный взгляд женщины из маленького придорожного кабака.

Или мотеля.

Или магазинчика.

В самой глубине глаз, о которой женщина, может, и не подозревает, робкая надежда — я ему понравлюсь, и он увезет меня отсюда.

Только сейчас он понял, почему в тот вечер так запала ему в душу молоденькая официантка из придорожного трактира на Аляске.

У Маши не было этого взгляда.

Тогда она смотрела честно и открыто.

Его вдруг резануло по сердцу — а сейчас, после больницы, после таблеток и линялой формы, которую пришлось отстирывать от ее рвоты, взгляд у нее изменился. Стал оценивающим и изучающим.

Вот только надежды или радости он там ни разу не увидел.

— И куда ж ты едешь?

Индеец сказал.

Официантка охнула.

— Да это ж прям недоделанным в логово! Оно

тебе надо?

Индеец пожал плечами.

— Доставка. Мне за это платят.

Он откинулся на диванчике.

— Это что за недоделанные?

Официантка осмотрелась. Наплыва публики явно не наблюдалось.

— Ты не из наших мест совсем, что ль? Ничего не слышал?

— Да всякое говорят, но ты ж сама знаешь, чего только в Sett не наплетут.

Оказалось, что именно такого в этой страшной Каролине, где ученые поставили свою станцию, от которой дети родятся уродами, официантка и сама точно не знала. За всю свою жизнь она два раза была в ближайшем городке да один раз, в детстве, с экскурсией в Чикаго.

— Ну а откуда у бедной работающей девушки деньги, если она, конечно, честная и не ложится под каждого мужика с кошельком? — Она томно посмотрела на Хуц-Ги-Сати. — А только по симпатии…

И коснулась его запястья красным ноготком.

Вздохнула.

— В общем, туда, на станцию эту, рабочих сменами завозят. Кто обратно едет, иногда тут

останавливаются, рассказывают.

Не по себе им, мало кто на вторую смену остается, говорила официантка. Говорят, страшно. Городки вокруг станции почти все пустые, а какие не пустые, те словно из шоу ужасов. Ну, типа про всякие жуткие штуки, младенцев с перекошенными мордами, которые вырастают и топорами приезжих рубят, про тайные культы, которые страшным монстрам жертвы приносят, и прочее такое. Одно время, как она в школе училась, у них три девчонки пропали, искали.

Город даже «пинкертонов» нанял, одна из девочек дочкой местного «риччи» была. Нашли девочку. Правда, другую. Которая раньше пропала. Ее и не искали.

Мертвую.

И выследили кого-то «пинкертоны».

— Я ходила смотрела. Ну, жуткая рожа, вся в волдырях, и глаз один словно вытек наполовину. Это из-за станции все. Ну а кто живет, тот уже все, и не уедет. Ну и говорят, всякие темные дела там обделывают. Туда же даже армия особо не суется, всем компания заправляет.

— Какая компания? — не понял Хуц-Ги-Сати.

— Ну как какая — которой «атомка» принадлежит. Они ж там хозяева.

Блондинка снова коснулась его руки кончиком пальца. Ногти у нее были короткие, крашенные ярким бордовым лаком. Хотя бы не облезшим.

— Слушай, ты мне нравишься. Хочешь — у меня там комнатка своя есть. Ты хороший, девушку не обидишь. Тебе всего двадцатка…

Хуц-Ги-Сати поблагодарил, доел и уехал.

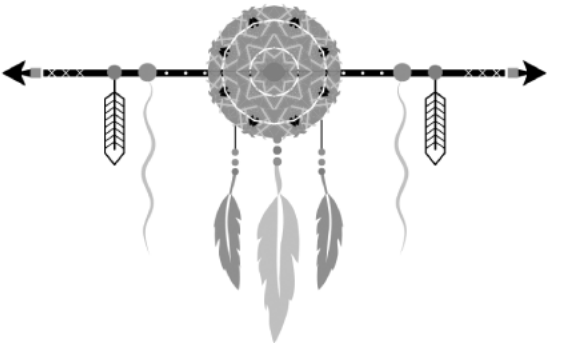
В комнатку не пошел.

Но десятку на чай оставил.

За информацию.

И пушку переложил поближе к себе.

Эпизод 14. Перспектива 5



Самолеты, поезда, дирижабли…

Следующие недели слились для Закревского в ленту синематографа на ускоренном воспроизведении. За эти недели Морозов допек своей невозмутимостью менеджеров американской «атомки», двоих нашли в состоянии полного изумления в гостиничном баре, третий запустил пепельницей в горничную. Горничная, на счастье, оказалась юркой и опытной, успела прикрыть дверь.

Состав делегации сменили.

Бразильские доны наблюдали за происходя-

щим с глубоким удовлетворением, но последовательно гнули свою линию, чем вызывали у русских состояние уважительного бешенства.

Морозов за это время дважды летал в Россию на частном самолете, место взлета которого организовывал Закревский.

Сам он еще раз устроил показательный отрыв от слежки, на этот раз жестче, грубее. Провел хвост через самые трущобные районы Чикаго, предварительно попросив Дэлигана поговорить со своими знакомыми в негритянских гетто. Филеров избили сильно, но не до смерти, аккуратно сломав большие пальцы на руках и раздробив мизинцы на ногах. Так, чтоб точно закончить их карьеру топтунов.

Услышав, Закревский хмыкнул и спросил, обязательно ли было это делать так. Ирландец пожал плечами — ну ты же просил передать послание, мол, не надо за мной ходить. Я думаю, получилось доходчиво.

Закревский был вынужден признать: да, доходчиво.

Сам он тоже два раза возвращался в Россию, уже в открытую, каждый раз засекая хвост, который вел его до аэропорта.

Накануне первого вылета он связался част-

ным образом с Троицким и, когда он сошел в аэропорту Нижнего Новгорода, обратил внимание на парня в модных мешковатых брюках и безрукавной рубахе с эмблемой прошлогоднего чемпионата по лапте. Наушники от «Малинового звона» сдвинуты на одно ухо, очки «профессор Соловьев», словом, точно подобранный образ богемного вьюноша, ожидающего такую же богемную девицу. Вот только взгляд через эти очки цепкий и оценивающий.

Отлично.

Значит, к вечеру он будет знать, прислали ли за ним хвост через океан.

Прислали.

Правда, узнать филерам если и удалось, то немного, поскольку Закревский прямым ходом двинул в «Морозову иглу» на набережной и затерялся в ее коридорах да переходах, куда постороннему хода не было. Да и те, кто на Морозова работал, доступ имели только туда, куда им для дела надо было.

Оба раза Закревский зарывался в аналитические записки, отчеты, доклады и подборки-распечатки северо-американских, китайских, европейских и восточноазиатских информационных агентств, расшифровки бразильских

политических шоу, до которых доны были великие охотники, и прочих материалов, из которых старался составить общую картинку происходящего в мире и понять, какого типа гадость будет проворачивать Ост-Индская компания.

В мире же в целом было на удивление спокойно. Насколько, конечно, могло быть спокойно в принципе на планете, где друг вокруг друга последние десятилетия танцевали четыре империи, каждая из которых руководствовалась своими принципами и преследовала собственные цели.

Поднебесная активно прибирала к своим рукам Азию, при этом после пары столкновений с Россией еще в прошлом веке решила, что лучше с северными соседями делиться, оно вроде надежней, да и подходы к управлению подданными последние десятилетия схожи. Обе империи активно опутывали мир транспортными артериями, унифицировали стандарты перевозок и инфраструктуры, так что купцы обоих государств доставляли грузы с максимальным удобством везде, где реяли русские «имперки» и китайские «драконы».

Обеим империям был нужен атом, мирный и не очень, обе грезили космосом. Читая стенограммы переговоров, сопоставляя с тем, что творилось

в информационном пространстве Китая, Закревский снова и снова обнаруживал некогда удивившую его схожесть мироощущений внешне столь разных народов. Вроде бы меланхоличных даосов, чье учение причудливо сплелось с отстраненностью буддистов, приземлил и направил в государственное русло Конфуций. В результате Поднебесная умела смотреть вдаль за пределами жизни поколений и вместе с тем работать и радоваться каждому дню.

Россия же, пройдя Большую войну, а до этого череду кризисов, сумев подавить второй церковный раскол, каким-то чудом примирив староверов, никониан, набравших силу последователей магометанской веры и хитрых молчаливых буддистов Бурятии и окрестных земель, переплавила все это в устремление к Небесному Кремлю, но со вполне себе государственно-промышленным фундаментом.

Бразильянцы, с присущим им южным жизнелюбием, чуть приглушенным португальской католической мрачностью, покусывали соседей, отщипывая понемногу территории, развивали промышленность и полицейские силы. Правда, в последнее время силы эти все больше сливались по своим функциям с армией, поскольку с подо-

зрительной синхронностью режимы окрестных стран стали напоминать менеджеров наркокартелей. Официально бразильцы неодобрительно кивали на САСШ с их ультралиберальным законодательством. Полуофициально, на международных полицейских конференциях, особенно в кулуарах, костерили все ту же Ост-Индскую компанию. Открыто говорили, что ее чуткие ушки и шаловливые ручки явно видны в действиях Колумбии и Венесуэлы, где «наркос» уже начали формировать регулярные дивизии и нехорошо посматривать на владения донов. Марионеточных президентов этих стран, конечно, никто не спрашивал.

Уже привычно тлел Белуджистан, в который бритты осторожно и дозированно подкидывали дровишки. В последнее время они снова начали активничать в Афганистане. Куда, как шепнули Закревскому по секрету, не так давно отправились делегации дипломатов, а с ними, вроде как в частный визит, «атомное купечество».

В этой конфигурации Закревский сделал однозначный вывод — ставку бритты будут делать на одно громкое дело, в котором русский след будет не просто явным, а подтвержденным на сто процентов, так, чтоб можно было пальцем

ткнуть — вот он, подданный империи, вот что русские творят.

Окончательно он так решил после разговора с Морозовым, который состоялся у него перед тем, как купец во второй раз возвращался на переговоры в опостылевший Чикаго.

— Я водки хочу. Нормальной. Холодной. На Волгу хочу. Рыбу ловить. Осень уже. Клев пойдет. А я в этом… Чикаге!

Закревский терпеливо ждал. Морозову надо было выговориться. Закревскому — было можно.

— Водки и рыбки, это хорошо. А в чем затык-то, уже которую неделю бодаетесь?

И тут выяснились интересные вещи. Которые всплыли не сразу. А после того, как янки согласовали основные технические условия доступа русских на «атомки» и этапы строительства русских станций. Они начали дотошно выспрашивать мелочи по каждому пункту, который касался инфраструктуры и «социальных, духовно полезных объектов, предназначенных как для пользования персонала станции, так и населения окружающих городов с целью установления спокойных умиротворенных общественных отношений и связей, способствующих безопасной деятельности станции».

— Понимаете, они как до детсадов, школ и храмов, что мы за свой счет строить и держать обязуемся, дошли, так и начали — мол, советоваться нам надо, погодите, господа хорошие, давайте пока иное обсудим, а сюда вернемся. У донов, кстати, все это вопросов не вызывало, но их и понять можно, их дело сырье да другое производство. К тому же такие проекты у нас уже есть.

Да, проекты такие были, и Закревский знал, что бразильское правительство мудро оценило результаты первого десятилетия работы «русских миссий» при совместных производствах — рост фавел замедлялся, а то и вовсе прекращался, успеваемость в школах росла. Правда, были недовольны провайдеры местных каналов, развлекательный трафик «сэтт», сети, значит, снижался, хоть и не критически.

Северо-американцы же прервали на целую неделю переговоры, отбыли на совещание, после чего попытались продавить жесткий контроль над каждым объектом, согласование персонала и даже, в какой-то момент, запрет для местных жителей пользоваться школами, спортплощадками, стадионами и храмами.

Тут уж Морозов посмотрел на них поверх очков

и тихо сказал, что в таком случае они сворачивают переговоры прямо сейчас. Поскольку последнее требование — это прямая дорога к постоянным стычкам местных со «станционными», растущему напряжению и — тут Морозов посмотрел на них с явным недоумением — постоянным расходам на безопасность. Как это не понимают уважаемые бизнесмены?

Бизнесмены несколько стушевались, после чего сменился состав делегации.

Закревский аж крякнул от расстройства:

— Что ж вы мне раньше-то об этом не рассказали, это ж едва ль не главное!

Потом махнул рукой, что сделано, то сделано, но зарубку себе в памяти сделал. И у Морозова уточнил, не сверху ли эти пункты в договор включить велено?

Морозов кивнул. Теперь еще понятнее.

Закревский немного подумал. Что ж, времени на подготовку, конечно, в обрез, но, если он правильно понимает, провокацию будут устраивать в непосредственной близости от места переговоров, чтоб гарантированно сунуть микрофоны в носы ничего не подозревающих русских купцов и бразильских донов. Что до местных — тут, как говорится, есть варианты.

— Тимофей Саввич, предлагаю сделать вот что. Объявите, что русская сторона совместно с бразильской делегацией пришла к консенсусу по основным вопросам. Что и северо-американский бизнес тоже согласен по основным пунктам. И вы предлагаете, скажем, неделю спустя подписывать меморандум о намерениях, чтобы зафиксировать прогресс и основные позиции сторон. Тут не мне вас учить. Предполагаю, что американцы попросят время на размышление и проведут консультации с кем-то за пределами отеля. Если это так, где-то на следующий день они дадут добро на торжественное подписание. Сигнальте мне и готовьтесь к церемонии.

На том и расстались.

А Закревский отправился на встречу в город.

В Нижнем осень наступила в этом году даже чуть раньше положенного времени, тревожно и сладко пахло холодной волжской водой, кофе и малиновым вареньем с веранд кафе и ресторанов на набережной, шелестела листва, в воздухе кружились первые редкие листья, обещая золотую метель пару недель спустя.

«А меня в это время тут не будет», — с сожалением подумал Закревский, который успел полюбить Нижний Новгород всей душой.

Встреча была быстрой, для воспоминаний и сантиментов времени не нашлось. Зато на вопрос, ну как там предположения о чужих ушах, майор с довольным видом кивнул, пообещав рассказать все, что можно будет, когда придет время…

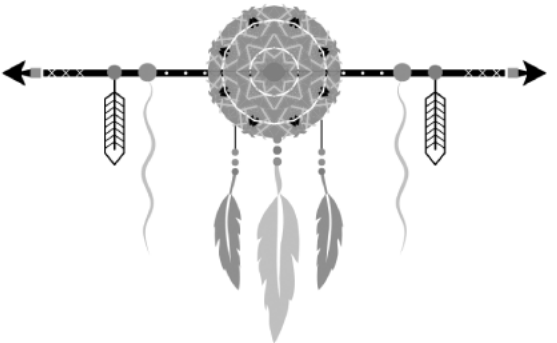
Значит, дело сдвинулось с мертвой точки.

Даже интересно, кто же был «кротом» и на чем его удалось взять.

Конечно, слова майора не значат, что можно расслабиться, когда начнется активная фаза противостояния с подрядчиками «ост-индов».

Теперь пора снова в Чикаго. Хотя очень не хотелось.

Эпизод 15. Новая работа



— Русская, иди сюда! Ма пекена Муэрте! — Зеркальный уже ждал ее у входа в забегаловку. Стоял, опираясь на капот красного с черной полосой по борту автомобиля.

Его машины она тоже раньше боялась, автомобиль казался ей хищным, мерещилось, что сейчас плоская вытянутая морда раззявится и перекусит ее пополам.

Сейчас машина выглядела стильной и чистенькой, совсем не страшной. И Зеркальный не напоминал хорька. Скорее дикого лесного кота. Опасного, гибкого, расчетливого.

Притягательного.

— Я говорил, что сеньоритам надо помогать? Правда? — Он был уже рядом, от него пахло сладким одеколоном и ванильной газировкой. Детским вроде запахом, но он казался Маше волнующим и чувственным.

Таблетки, которые ей дал Зеркальный, были куда лучше, чем те, что выписали в больнице.

От них она совсем забыла о том, что до сих пор у нее иногда крутило желудок. Перестала накатывать слабость, трястись руки.

Никакой паники и страха тоже не было.

Она даже пожалела, что рядом нет Сатика, так хотелось покувыркаться с ним в постели.

Как раньше.

Но он стал злой. Все время злился и говорил о деньгах.

Считал что-то.

Ну его.

Это ее жизнь и ее тело.

Она сама решит.

Мысли стали очень понятными. Точными. Короткими, от этого ясными.

Надо было только вовремя принимать таблетки.

Так это как с любыми лекарствами. Она знала.

Она не глупая, ей врачи всегда говорили, что она дисциплинированная.

Она додумала такую сложную длинную мысль и улыбнулась себе.

Вот. Она умная.

Зеркальный решил, что она ему улыбается.

— Давай запрыгивай, познакомлю тебя кое с кем. Он сказал, что ему нужны смышленые девушки!

Ну, может, и ему тоже улыбнулась. Что, она не может улыбнуться симпатичному парню?

— Так я не могу сейчас, менеджер уволит. Смена. — Она все равно слегка улыбалась. Была уверена, что все будет хорошо. Сейчас что-то случится, и все решится как надо.

Зеркальный расхохотался.

Смеялся он хорошо, громко, уверенно.

— Это не проблема, сеньорита! Настоящий мужчина должен уметь решать вопросы!

У Маши в душе чуть кольнуло — а вот Сатик так не может. Не решает, только все говорит, что сейчас в новый рейс и ему еще долг скостят. А что с того толку-то? Все равно, как жили в этой халупе, так и живут.

Но сейчас это казалось не страшным. Она сама все решит.

— Эй, ты! Русская убирает у меня в машине. Ты понял? Смену ей засчитаешь, тебе ясно? — Он обернулся к Маше. — Ему ясно. Поехали уже!

Вел он лихо, вовсе не так, как Сатик. Резко стартовал со светофоров, видел малейшую щель и влезал в нее, вообще не обращал внимания на возмущенные гудки, продолжая разговаривать с ней.

— Держись меня, и все будет топ. Ясно? Есть клуб. «Вайлд парадайз». Ну, вайлд, ясно? Девочки там, ясно? Им официантки нужны. На приват-заказы. Ну, ты поняла?

Она поняла.

Приват — он везде приват.

Ну, потискаться, значит, с клиентом, попкой покрутить.

И что?

Это же ее тело, она сама решает, как им распорядиться!

Сатик, правда, взбеленится, если узнает, но зачем ему узнавать? Он все равно ни разу не пришел к ней встретить, все в гараже этом, все в рейсах…

Ну вот и она будет — в рейсе.

— Башляют как надо. И на жизнь хватит, и чтоб рецепт получить где надо. Держись меня

— покажу драгстор, скажу, что ты со мной, там и в кредит дадут по-правильному. Ясно, чика?

Он вел одной рукой, другая лежала на спинке пассажирского сиденья. И теперь уверенно легла ей на плечо. Сильные пальцы помассировали шею.

Уверенно.

Деловито.

Впереди загорелись огни больших улиц, начинался квартал клубов.

Дверь в клуб была тяжелая, железная, с круглым окошком, как на корабле. Как называется такое окошко, Маша забыла.

Не Маша.

Мэри.

Она сама так решила.

Так она будто тутошняя. В клубе так и назовется.

А по бокам двери два экрана. Переливаются цветами по краям, а во весь экран девушки.

В блестящих золотистых трусиках. Все на высоченных каблуках.

И все.

Больше нет ничего на них.

Буквы бегут: «Экзотик-шоу и приват. Любые фантазии — вы сами создаете свое наслаждение».

Она остановилась на секунду, Зеркальный тут же обернулся.

Прямо дикий кот, все чует, правда.

— Идем, сеньорита, на тебя посмотрят серьезные люди при серьезных деньгах.

Внутри тяжело бухала музыка. Ритм был простой, отзывался сразу там, внизу живота, отчего делалось горячо, тяжело и влажно. Она порывисто вздохнула, Зеркальный самодовольно посмотрел на нее.

— Что, пробирает? Старина Джереми умеет устроить все как надо! Нейродиджеи, во как! Зовет по-настоящему крутых, которые на закрытых рейвах для «риччи» публику греют!

Короткий коридор, полный разноцветного дыма, из которого выплывали силуэты гостей заведения, неожиданно кончился.

Раз официантки, значит, зал, столики, думала Мэри и поначалу недоуменно осматривалась.

На маленькой сцене томно извивались две совершенно голые девушки, одна высокая, грудастая, вторая похожая на подростка. Даже без

туфель на каблуках, как на экранах. От этого она казалась еще миниатюрнее, а ее нагота — еще притягательней.

Вокруг сцены стояло несколько столиков, за которыми сидели мужчины.

Нет, была одна парочка, а за одним из столиков в одиночестве сидела коротко стриженная женщина с жестоким, неестественно гладким лицом.

Подтяжки делала, подумала с неприязнью Мэри-Маша.

Вдоль одной из стен изгибались диванчики с низкими столиками перед ними, справа зал был поделен на небольшие кабинки.

— Это кабинеты, там приват. Там настоящие деньги для настоящих сеньорит, которые умеют ладить с мужчинами. Ты же умеешь ладить с мужчинами? — Рука Зеркального лежала у нее на бедре.

Он увидел кого-то в глубине зала, приветственно поднял руку.

— Идем! Сейчас ты познакомишься со стариной Джереми!

Джереми оказался мертвенно-бледным типом с очень красными губами. Маше даже показалось, накрашенными. Спрашивать, конечно, она не

стала.

Внутри у нее поднимались непривычные пузырьки какого-то темного веселья, рискового желания запретного… Она мимолетно подумала, что за штуку дал ей Зеркальный, но и эта мысль ушла. Надо было очень внимательно слушать Джереми. Это было важно.

Зеркальный сказал.

Джереми осмотрел ее, взяв за подбородок, покрутил голову, сказал открыть рот.

Потом приподнял футболку.

Маше стало неловко: и футболка, и белье были старыми, застиранными.

— Годится. Беру. — Джереми смотрел на Зеркального.

Тот кивнул, отвел руку, растопырив ладонь. Хлопнулись ладонями, Зеркальный приобнял Машу:

— Слушай старину Джереми, держись меня, и все будет как надо, чикита. Ты знаешь, где меня найти.

И — исчез.

Маше стало немного страшно, но пузырьки веселья, забивавшие все остальное, еще плясали в ее голове, от них все еще сладко ныло в паху.

— Делаешь что говорят. За приват — доплата.

Нал отдаешь весь. Потом тебе отслюнявит старшая. Карта для пополнения есть?

У нее была, но ограниченная — баззи. Она так и сказала.

— Значит, буду твоему коту отдавать, сами там решите.

Кот — это Зеркальный же, сообразила она.

Хорошо. Лучше, конечно, чтобы Сатик получал.

Но он будет ругаться, что она в такое место пришла.

Сама разберусь. Это мое дело.

Джереми щелкнул пальцами, поманил кого-то.

Рядом появилась девушка.

Одетая. Топик, короткая юбка, открывающая сильные ноги танцовщицы. Прозрачные, словно изо льда, туфли на шпильках.

Темноволосая, полногрудая.

Глаза томные, движения неторопливые.

Подошла, выдула розовый пузырь бабл-гама.

— Новенькая?

— Давай быстренько расскажи ей, в чем дело, стажировка по минимуму. Для начала выпусти к кому-нибудь из тихих…

Полчаса спустя она вышла в зал.

Прозрачные туфли, которые ей оставила смен-

щица, чуть жали.

Хотелось прикрыться, но Жасмин — темноволосая начальница — сказала, что нельзя.

— Тебе за что платят-то? Чтоб мужики пялились. Вот и делай, чтоб пялились. Остальное — по отдельной таксе, сначала меня звать будешь.

Сердце бухало.

Она упрямо тряхнула головой, услышала голос проповедника из телевизора.

— Господь дал каждому из нас великий дар — тело, которым мы можем распоряжаться сами и зарабатывать им деньги. Что бы вы ни делали, вы делаете это своим телом, значит, это деяние благословлено Господом и служит славе Его и вашему заработку! Нет постыдного в трудах телом своим!

Она приободрилась и выпрямилась.

Пусть пялятся.

Может, и стоило трахнуть ту официантку, размышлял Хуц-Ги-Сати, наблюдая, как мрачные мужики в засаленных комбинезонах на голое тело сноровисто выгружают коробки из его фургона.

Вид у них был такой, что он время от времени незаметно трогал внутренний карман жилета. Пушка была там.

Честно говоря, большой уверенности это не придавало.

Адрес оказался бетонным боксом на окраине городка.

Город выглядел так, словно по нему сначала прошлась эпидемия чумы, потом война, и все это заполировали зомби-апокалипсисом.

Большая часть лавчонок, что когда-то располагались на первых этажах трех- и четырехэтажных зданий с плоскими крышами, была заколочена или закрыта железными щитами. Судя по ржавчине на щитах и слоям граффити, заколотили их много лет назад.

Индеец обратил внимание, что граффити были выцветшие, значит, их и дожди поливали, и солнце палило.

И никто не подновил.

Почему-то это насторожило и испугало его сильнее всего.

Он-то хорошо знал, что каждое граффити — это знак, которым местное городское племя метит свою территорию. За ними следили, каждый символ, перекрытый другим, означал войну на

улицах.

Здесь и этого не было.

Значит, город умирал.

Светофоры не работали даже на центральной улице, даже у площади, где находилась мэрия. Так что ехал он медленно, глядел по сторонам.

За все время ему попалась лишь парочка тонкошеих нездорово губошлепистых пацанов, проводивших его равнодушными, но цепкими звериными взглядами.

Да на центральной улице, возле единственной открытой лавки, стоял огромный толстяк в коротковатых брюках и футболке, которая заканчивалась чуть ниже его обширной груди.

Лицо у него было обвислое, рот со съехавшими набок губами постоянно двигался, спрятавшиеся в сальных складках глазки смотрели так же бессмысленно и цепко, как у тех пацанов.

Индеец хотел поначалу остановиться, купить воды и шоколадных батончиков, но решил, что потерпит.

У склада его встретил высокий, нескладный на первый взгляд мужик с красной, перепачканной машинным маслом физиономией.

Вышел, неторопливо вытирая руки ветошью.

Хуц-Ги-Сати посмотрел на его ладони и беззвуч-

но присвистнул. Были они непропорционально огромными, с длинными пальцами, костяшки намозолены… Где ж он находит тут придурков, которые с ним пробуют хлестаться?

Противно завизжали ворота, показались еще двое таких же мужиков, тянувших створки. А в проеме стоял на удивление обычный, нормальный мужчина средних лет в песочной форме и широкополой шляпе с кокардой.

Хуц-Ги-Сати высунулся из окна.

— Кто старший? Накладную должен подписать представитель компании… — Он глянул в планшет с накладной.

— Считайте, что это я. — Человек в форме махнул рукой: — Заезжайте, ребята вас разгрузят.

Хуц-Ги-Сати медлил.

Заезжать совершенно не хотелось.

Почему-то вот этот нормальный казался страшнее всех остальных — мутантов, блин.

Натурально мутанты, словно из кино, которое постоянно крутили по одному из каналов MediaSett.

«Шляпа с кокардой» пошел к нему. Коснулся пальцами полей шляпы.

— Шериф Джулиус Скрэтч. По совместительству представитель компании, которой вы должны

передать груз.

Шериф расстегнул пуговицу безупречно отглаженной рубашки, вытащил сложенный вчетверо лист.

— Вот, держите. Доверенность, ссылка на это ваше электронное удостоверение. Правда, не факт, что подключитесь, связь тут у нас — проще дымовыми сигналами.

Хуц-Ги-Сати посмотрел: вроде все было в порядке.

— Хорошо, шеф Скрэтч. В конторе телефон-то есть?

— Есть. Пока ребята разгрузят, как раз и позвоните.

Не соврал. Дал позвонить, даже не напомнил, что межзональные звонки оплачиваются отдельно. Ну да, видать, шериф тут власть такая, что все расходы по его слову и спишут.

Так что индеец отчитался, спросил, какие распоряжения будут.

Мало ли. Уже случалось, что наклевывался груз, который можно было забрать на обратной дороге.

Компании такое любили. Водилы тоже — что машины порожняком гонять.

— Заберешь груз у мистера Скрэтча. С него

стандартный комплект документов, тебе — дополнительные двадцать процентов от стандарта за приоритетную доставку.

Вот это было дело.

Приоритетная доставка — значит, он не останавливается, вообще.

Ладно, поссать можно и в бутылку, пара всегда с собой. Ночь не поспит, блистер со стимуляторами в «бардачке» имеется.

Надо будет все же остановиться купить газировки и батончиков.

Мрачные мужики уже грузили ящики с какими-то размытыми штампами в фургон.

Шеф Скрэтч улыбался.

Мужик с ладонями-ковшами оступился, картонный ящик грохнулся об угол фургона, кусок выдрало — и Хуц-Ги-Сати краем глаза заметил деревянный бок и кусок маркировки.

Кажется, weap…

Индеец равнодушно отвернулся.

Посмотрел шерифу в глаза.

— Накладные давайте. Распишусь.

Индеец забрался в кабину.

Шериф смотрел все так же дружелюбно, махнул кому-то позади фургона, мол, отойди. В зеркале заднего вида — ворота и кусочек вечернего летнего неба. Очень хотелось туда, под это небо. Гнать как можно быстрее, всю ночь, лишь бы подальше отсюда.

Черт, теперь в голову лезли все страшилки, которые он слышал еще там, в империи. Парни рассказывали о таких вот мутантах, которые рождаются в семьях, где которое поколение браки — между родственниками, и уже никто не помнит, кто кому кем приходится. Ну, прям как официантка давешняя стращала.

О том, что «атомки» тут — это такие крепости с гарнизонами, которые никому, кроме своих компаний, не подчиняются, а компании скупили всю власть вокруг станций и никого постороннего со счетчиком Гейгера на пушечный выстрел не подпускают.

Твою ж мать, вернусь, хрен с ними, с деньгами, пойду в больницу и проверюсь, пусть посмотрят, что там у меня с этой, как его, радиацией.

Пока все это крутилось в голове, руки сами делали дело — переключали скорости, с ювелирной точностью поворачивали руль.

Глаза точно оценивали обстановку — шериф

так и стоит на своем месте, мужики, что загрузили фургон, торчат, будто выключенные роботы. Головы чуть опущены, руки висят вдоль туловища, плечи расслаблены.

Аж мороз по коже.

«Нет, не буду я останавливаться у магазинчика, обойдусь без батончиков и воды». — решил он.

Вывел фургон из бокса и ударил по тормозам.

Нет. Надо показать, что он спокоен и ничего не понимает. Или что ему все пофиг.

Он взял из кармана на двери две пустые бутылки, вышел. Подняв, показал их шерифу.

— Шеф, водички есть где набрать?

— Конечно, иди за мной.

В дальнем углу бокса оказался кулер с насаженной на него бутылью непривычной формы, приземистой, почти квадратной. Хуц-Ги-Сати с облегчением увидел заводскую этикетку на боку. Ну, вроде в соседнем штате произведена водичка. Хотя, конечно, кто их тут знает.

Но хоть не местная, как любят в маленьких городках, — «из уникального источника».

Пожал шерифу руку, снова забрался в кабину и дал по газам.

Сумерки уже сгустились, но на улицах горели лишь редкие фонари над подъездами некоторых

домов да светилась витрина единственного работающего магазинчика. Возле стеклянной двери топталась местная молодежь.

Та самая парочка вислогубых вилась вокруг парней постарше, чуть в стороне стояли девчонки — такие же пустоглазые и сутулые. Проводили его равнодушно-оценивающими взглядами. Твою мать, ровно вараны, передачу о которых он как-то смотрел. Те такие же — оценивают все вокруг как добычу. Можно сожрать или нет.

Нет, ребятки, меня просто так не сожрешь.

Да и не дадут, размышлял он, выезжая на дорогу, что вела от городка к трассе штата.

Груз у меня, значит, такой, что доставить надо обязательно.

Ехал он медленно, не хватало еще влететь в кого-нибудь тут, на окраине, где света не было вообще.

А еще атомная станция рядом, хмыкнул он про себя.

Вон трубы ее торчат.

Или не трубы, черт его знает, как эти штуки называются. Огромные, серые, с черными поперечными полосами. Будто могучие злые духи выстроили тут свои жилища. Па`рят сквозь проделанные в крышах отверстия их котлы, в ко-

торых кипит жуткое, смертельное для обычного смертного варево.

А шаманы, которым служат эти духи, далеко отсюда… Глянул Хуц-Ги-Сати в зеркало заднего вида — и сердце екнуло.

Из-за поворота мазнули светом по слепым окнам домов желтые тусклые лучи чьих-то фар.

Автомобиль встал в полосу, теперь ехал следом за фургоном индейца, но не делал попыток сблизиться, тем более обогнать.

Хуц-Ги-Сати снова коснулся кармана.

И досадливо дернул щекой — что толку. Он один, в барабане шесть патронов, стрелок из него так себе. Да и проверить оружие возможности не было.

Он длинно выдохнул, сел на сиденье ровнее, положил обе руки на руль.

Так, успокаиваемся, думаем.

Хотя думать — это трудно.

«Загрузили в меня что-то важное, недаром шериф до самого конца проверял. Значит, скорее всего это не погоня, а сопровождение. Следят, значит, чтоб я на федеральную трассу нормально выехал. Интересно, а дальше меня тоже провожать будут? Ох, во что ж это я вляпался?»

Казалось, кабину заполнила серая усталая тос-

ка. Куда ни кинь, всюду клин.

Индеец открыл окно, зло сплюнул и потянулся за бутылкой.

Вода оказалась затхлой, с привкусом хлорки, ну да ладно. Хоть такая.

Едут за ним — ну и пусть.

Воин должен обращать в оружие все.

Врага, опасность, даже свою смерть. «Если вы не умерли, то вокруг вас — оружие, — вспоминал он слова Человека Без Лица. Они сидели и слушали его, раскрыв рты. — Но вы должны знать тайну оружия. То, что знают только воины. Оружие — это не то, чем убивают. Убить можно чем угодно, от этого предмет не станет оружием. Настоящим оружием воин делает то, чем достигает своей цели. Поэтому погоня за вами тоже может стать оружием, если вы заведете ее туда, где преследователей ждет гибель. Любовь вашей женщины — оружие, если она дает вам силы».

Что ж, моя цель — расплатиться с долгами и стать свободным. Зависеть только от себя. Вообще ни от кого больше. Они дали мне этот рейс потому, что я сейчас схвачусь за все и не буду задавать вопросов.

Вот и не буду.

Доставлю точно в срок, попрошу следующий

заказ.

Пусть они знают, что я им выгоден и на меня можно положиться.

Индеец не спрашивал себя, кто такие эти «они», зачем им деревянные ящики, запрятанные в картонные коробки.

Фургон прошел поворот, впереди показались огни федеральной трассы, послышалось гудение пролетающих автомобилей. Он встал в полосу, посмотрел назад.

Сопровождавшая его машина внаглую, нарушая правила, развернулась и ушла обратно в темноту — к городу.

Индеец утопил педаль газа — надо постараться хотя бы к полудню быть на месте.

Мелькнула заправка с кафешкой. Интересно, та официантка сейчас работает?

Кольнула совесть: он понял, что за все это время ни разу не подумал о Маше.

Шериф проследил, чтобы мужики закрыли и заперли ворота бокса.

Доехал до участка.

Квадратный бетонный бокс с маленькими

вытянутыми окнами. Перед дорожкой бетонные же тумбы — под углом друг к другу, чтоб не проехать.

Можно подумать, их тут кто-то будет атаковать.

Шериф хмыкнул — как и каждый раз, когда подъезжал к участку. Много он тут наоборонял в одиночку.

Помощник шерифа уже года три как положил на стол удостоверение и свалил. Сказал — куда угодно, лишь бы отсюда.

Оно и к лучшему.

Теперь никто не мешает делать дела.

Шериф вошел в участок, не включая свет, прошел в свой кабинет, устало свалился в кресло, закинул ноги на стол.

Подтянул к себе телефон, покрутил диск. Судя по длине номера, звонил куда-то в другую зону.

— Да. Демонстрация состоялась. Да. Точно увидел.

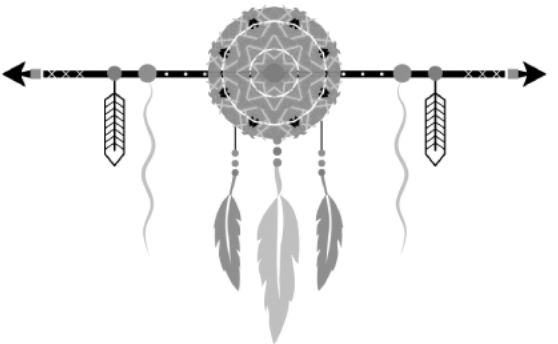
Помолчал, слушая собеседника.

— Сопроводили до трассы. Все штатно.

Положил трубку, потянулся.

Все, он свою задачу выполнил, дальнейшее его не касалось.

Эпизод 16. Разгрузка с претензией



Давно прошло летнее солнцестояние. А он и не вспомнил, криво усмехнулся Хуц-Ги-Сати. Раньше всегда на этот праздник он встречался со своими. С племенем.

Если был далеко от дома, то просто останавливался на ночь там, где можно найти траву и чистую воду, танцевал.

Звал духов, кружился, пока луна, звезды и отблески воды не начинали кружиться вместе с ним, и встречал рассвет, лежа на траве, раскинув

руки. Прикрыв глаза, улыбался, ощущая, как солнечные лучи гладят его лицо.

Воспоминаний об этом дне хватало надолго. Белые, которые косили под настоящих шаманов и платили деньги, чтобы их учили, как общаться с Великими Духами, называли это «заряжаться энергиями мира». Или еще как-то.

Хрен с ним, как назвать. Это работало.

А тут — лето уже было на самом излете, впереди, говорили местные, была душная осень, а он и не помнил, видел ли за все это время зелень.

А, да, видел.

Когда на «атомку» ездил.

Снова криво ухмыльнулся.

Когда возвращался, все думал, грохнут его или нет.

А менеджер — как ничего и не было — по путевому листу на карту, а вот это тебе за скорость. И банкноты под скрепкой сунул.

Не «котлету», конечно, но вполне себе.

Шикопи помог перевести нал. Процент, конечно, приличный пришлось отдать, но что поделать. Шикопи сам шипел и матерился почерному, когда рассказывал, какой процент берут жучки-кардеры, но других вариантов не было.

Хуц-Ги-Сати не протестовал, все понимал.

С Машкой они почти не виделись, и индеец иногда чувствовал себя неловко. Ну как иногда, за те несколько недель, что прошло с того дня, как она загремела в больницу, раза три. Он даже шоколадки ей покупал, забегал в круглосуточный. Возвращался-то за полночь, приходилось дороже покупать, по ночной цене, ну да ладно.

Маша была то спокойная, то прыгала на него, как в первый раз… нет, не в первый, во второй или третий, когда стесняться перестала, а друг к другу еще не привыкли. Словом, будто штормило ее. И работала она теперь все больше по ночам. По деньгам вроде у нее нормально выходило. Ну, может, чуть меньше, чем раньше, но она честно сказала, доктор пока велел таблетки пить, а по рецепту они недешевые.

Но обещала, что сразу перестанет, как с нервами станет получше. И чтоб доказать, что ей уже лучше, такое выделывала, что Хуц-Ги-Сати диву давался: и где она такое увидела?

Впрочем, тут каналы в Сети были самые разные… Может, на работе кто смотрел…

Да и некогда ему было, честно говоря, голову лишними размышлениями забивать.

Плакать перестала, и хорошо.

А потом и вовсе не до того стало.

Он снова вспомнил тот вечер и покрутил головой, дернул подбородком — появилась такая привычка. Нервы, видать, шалят.

В общем, так дело было…

Менеджер подошел пару недель назад. Вечером уже.

— Десяток коробок отвезешь? Тут, в пригород, в «ночник». Вот адрес.

— А накладные?

— Десять коробок. По счету передашь, тебя у грузового люка встретят. Вот задаток.

И снова банкноты под скрепкой. Поменьше, чем в прошлый раз, но задаток же.

Индеец глянул только, а менеджер сразу:

— Все путем, все на мази. Если местные патрули тормознут, скажешь, что для Анхеля Бланко. Понял?

Понял, конечно.

Поехал.

Револьвер, правда, сунул в жилет.

Во внутренний карман, который нашил сам. Вроде кобуры. Еще в гараже в сортир зашел, перед зеркалом покрутился. Не видно.

Местечко поганое оказалось. Одинаковые коробки домов с наемными квартирами, пустые корпуса заброшенных фабрик, расписанных за-

мысловатыми разноцветными граффити.

Индеец уже знал: раз рисунки непростые, значит, район контролируют серьезные люди.

Говорили, для некоторых знаки прям настоящие художники из дорогих придумывают.

«Ночник» был из тех, где ошивается местная шантрапа, толкают «дурь» тем, у кого нет возможности купить рецепт или нужно такое, чтобы штырило по-настоящему круто.

Как приказано, подрулил к служебному входу, вышел, бахнул кулаком в дверь.

Открылось окошко.

— Чо надо.

— Груз. Для Бланко. Разгружаете сами.

Вышла пара латиносов. В татухах, чуть заплывшие жирком, но из опасных. По всему видно. Двигаются чуть развинченно, уверенно, как хозяева на своей территории. Готовые сразу напасть, если почуют угрозу.

Так и захотелось, чтоб в руке был револьвер. Просто для спокойствия.

Забрали коробки сноровисто, молча, лысый, что открывал дверь, стукнул в борт.

— Давай закрывай, вали.

— Менеджеру отзвонись, что я доставил.

Лысый молча грохнул железной дверью, оста-

вив Хуц-Ги-Сати одного в проулке.

Ладно, закрыл дверь фургона, проверил, что рычаг плотно в паз вошел. Задом выехал из проулка, уже собрался дать по газам, как навстречу вылетел приземистый седан из тех, на которых любила мотаться тут блатная шпана из отмороженных.

Из окна наполовину высунулся парень в фиолетовой майке. Тощий, с руками, набитыми «рукавом».

И в левой — здоровенный «кольт».

— Вылезай, мать твою, ключи в зажигании оставил, живо!

Он орал, чтобы взвинтить себя, чтоб в голове были только пустота и бешенство, чтоб рука сама нажала на спуск, стоит только взведенным наркотой мозгам решить, что жертва дернулась.

То есть убивать будут в любом случае.

Тело действовало само.

Правая рука нырнула под жилет — хорошо, расстегнул, когда сел за руль.

Левая подработала руль.

Ударил по тормозам.

Переложил револьвер в левую руку, правая уже на рычаге переключения скоростей, врубил заднюю.

Высунул руку в окно, выстрелил три раза, не целясь, просто в направлении машины с отморозками.

Убрал руку с револьвером, не выпуская оружия, положил на руль, дал по газам, живо сдавая назад и молясь непонятно кому, чтоб с другой стороны не перекрыли выезд. И чтоб он там вообще оказался.

Только теперь до мозга дошли картинки — вот он стреляет первый раз, и парень с пушкой странно дергает головой, а в центре лба появляется маленькая смешная точка. Два других выстрела оставили маленькие дырочки в лобовом стекле седана.

Главное — седан с отморозками остался на месте.

Боги и предки помогали, не иначе, — он вылетел на широкую пустую улицу, визжа покрышками, выровнял фургон и покатил прочь.

С трудом разжал руку, положил револьвер на пассажирское сиденье.

Ехал и косился на него.

И все вспоминал, как дергалась голова парня и появлялась черная точка во лбу. Память добавляла все новые подробности. Как сразу обмякло тело, как упала рука и кольт ударился

об асфальт.

Седан дернулся и застыл.

Неужто он попал еще в кого-то?

Или они остались из-за того, с дыркой во лбу?

Стуканут копам или нет? Зубы застучали.

Его трясла крупная, поднимающаяся из глубины дрожь.

Номер фургона узнают. Придут к тем мужикам из клуба и узнают.

И тот придет к менеджеру.

Тот его сдаст с потрохами.

Бежать?

Нет уж.

Хрен вам.

Он не жертва.

Он первым придет к менеджеру. Он сохранил имущество компании.

Стрелял?

Из чего? Что они там плетут?

Гильзы-то в барабане…

Короче, разберемся.

А вот от револьвера избавиться надо.

В кабинете хозяина клуба сидел высокий ши-

рокоплечий человек с лицом, изборожденным глубокими морщинами. Прямой нос, высокий лоб, длинные прямые волосы, черные, словно вороново крыло. Простая потрепанная, но очень опрятная одежда, тяжелые рабочие ботинки — этот человек казался здесь на первый взгляд совершенно неуместным.

Особенно рядом с грузным бритоголовым хозяином клуба в лимонно-желтом шелковом костюме, красной рубашке и бежевых штиблетах.

Но хозяином выглядел как раз человек в рабочих ботинках.

Он внимательно смотрел на мониторы, которые показывали переулок возле служебного входа и выезд на улицу.

Смотрел молча, спина закаменела, но руки спокойно лежали на столе.

Увидев, как дернулась голова парня с пистолетом, тихонько хмыкнул.

Чуть склонив голову к левому плечу, наблюдал, как открылись двери машины, как дружки вытащили тело убитого, уложили рядом с машиной.

Вот один из них, видимо, старший, что-то втолковывает остальным, показывая на служебный вход.

Вот один остался рядом с телом, остальные

рванули к двери, заколотили в нее кулаками.

— Прикажи, чтобы их привели сюда. Скажи им, чтоб они не вздумали искать фургон и трогать водителя. Начнут дурить — убей. Я буду ждать в соседней комнате.

Хозяин клуба молча кивнул.

Шавки, которые решили устроить пальбу, ему и так не нравились. Грохать их здесь, конечно, хлопотно, тем более вон тот, что сейчас машет руками, — племянник сестры его жены. Полный дегенерат, но не чужой же.

Ладно, придется говорить.

Он кликнул Мигеля и Хесуса. Они самые габаритные и мрачные. И пушки на виду обожают держать. Пусть постоят у недоносков за спинами, понервируют.

Недоноски влетели, бешено галдя, тараща белые от наркоты и бешенства глаза, размахивая руками.

Родственничек, правда, первым сообразил, что надо заткнуться, и на полшага отстал от остальных.

А Длинный Паоло, который заправлял этой кодлой малолетних имбецилов, окончательно потерял голову — и от страха, и от злобы, и полез на хозяина, тыча ему пальцем в пуговицу на ру-

башке. Сложился пополам, упал на колени, сипя, пытаясь продохнуть.

Короткого страшного удара в солнечное сплетение он даже не увидел.

Хозяин клуба бережно взял его двумя пальцами за верхнюю губу и поднял.

— Водилу не трогать. Узнаю, что хоть кого-то спросили о фургоне, — зарою. От мертвого дурака избавиться.

Отсчитал несколько банкнот, сунул родственничку.

— Это семье вашего кореша. Чтоб все передал, ясно? Теперь пошли вон.

Мотнул головой охранникам:

— Покажите им выход, чтоб не заблудились ненароком.

Как только за ними закрылась дверь, в кабинете бесшумно появился человек в рабочих ботинках.

Одобрительно кивнул, снова уселся в кресло.

— Присматривайте за этими остолопами.

И кинул хозяину клуба пачку банкнот.

Позднее этим же вечером человек в рабо-

чих ботинках сошел с маршрутного автобуса у небольшого придорожного заведения по пути в Чикаго.

Проверил, что, кроме него, никто не покинул автобус, улыбнулся, глядя на залитый теплым светом почти пустой зал придорожного кафе. Оно выглядело тихим и уютным. Как и сонный городок, который сейчас терялся в ночной темноте.

Он любил такие тихие городки у больших трасс. Жизнь в них была простой и понятной. Правда, были у них и недостатки. Например, просто так на дно здесь не заляжешь, слишком уж все на виду, нужно серьезное предварительное легендирование.

Зато такие вот кафе, закусочные, придорожные магазинчики да автозаправочные станции отлично подходят для других целей.

Например, перекусить.

И переночевать в мотеле по соседству.

Он скинул ботинки, плюхнулся на кровать, притянул телефон, набрал длинный междугородний номер.

— Больница Святой Марии, коммутатор.

— Я хотел бы узнать о состоянии миссис Гумборт. Палата номер сорок восемь.

— Соединяю вас с отделением.

Щелчок, несколько тактов безликой мелодии.

— Говорите. Линия безопасна.

— Доставщик в кондиции. Готов к использованию. В ходе процесса кондиционирования произошло несанкционированное вмешательство. Однако оно только усилило степень кондиционирования.

На другом конце провода — молчание. В котором чувствовалась задумчивость. Такая, от которой человек на кровати сглотнул, что-то у него в глотке пересохло.

— Линия защищена. Можно использовать клир, — отозвалась наконец трубка. — Без излишних подробностей, разумеется.

Теперь голос стал чуть более человечным. Едва заметно, но достаточно для того, чтобы человек на кровати сумел считать у собеседника характерное произношение выпускника элитного британского университета.

— Когда доставщик уже покидал место разгрузки, местная шпана решила отжать его транспорт. Доставщик применил огнестрел. Результат — один холодный. Я приказал субподрядчику уладить инцидент. Проконтролировал исполнение.

Снова молчание в ответ.

— Хорошо. Возможно, это действительно уси-

лит кондиционирование.

Человек в рабочих ботинках положил трубку, подумал.

Пока все укладывается в рамки. Доставщик, как и ожидалось, никому не сообщил о том, что увидел в городке рядом с «атомкой». Сдал груз, да и все. То, что в сегодняшних коробках была часть того груза, он и не заподозрил. Ну и не надо. Того, что оружие, которое сегодня получила банда Алонсо, находилось в фургоне доставщика, прессе будет достаточно. Все, кто нужен, уже заряжены. А стрельба у клуба, пожалуй, даже к лучшему. «Русский шпион вступает в перестрелку при доставке оружия». Красивый штрих может получиться.

Короче, револьвер он выкинул.

Не просто так — каждую стреляную гильзу отдельно, в решетки водостока, барабан вытащил, в канализационный люк забросил, потом еще ручку револьвера зажигалкой пожег и зашвырнул оставшиеся детали в мусорный бак.

Как приехал, конечно, дергался. А менеджер, значит, сидел, ждал. Видать, ему за это доплати-

ли, и хорошо доплатили. Хрен бы он иначе после смены остался — менеджер, значит, просто ему остальное отдал, по плечу хлопнул. И говорит, мол, заказчик доволен, все вовремя, все олрайт.

Вали, мол, отдыхай.

Он приехал — Машка опять в ночную. Зубы когда чистил, глянул — вроде какие-то тюбики у нее новые добавились. Ну и ладно, она ж баба, вечно у них что-то мазаться то кончается, то добавляется.

А может, руки смазывает, чтоб кожа не трескалась.

Не до того.

Перед глазами почему-то картинки из того фильма про тлинкитский полк, как они куда-то там на берег высаживались, а потом в окопах резались.

В ножи пошли. Голос за кадром говорил, что их двухклинковых кинжалов-шакатсов враги боялись так же, как знаменитого русского удара в штыки.

Еще бы они не боялись!

Он стоял и тупо смотрел на себя в зеркало.

Предки… Шакатс… Русская штыковая и гордость за воинов своего народа? Когда он последний раз хоть о чем-то таком вспомнил? Кольнуло

воспоминание о «Медведе». Полочка там у него была. С книгами.

Когда он последний раз о «Медведе»-то вспоминал?

Или о том, что в мире делается?

Даже когда с Шикопи встречался, все больше о ценах, о проценте за обнал говорили, о том, что корпорации простых работяг выдаивают да мелкий бизнес душат. Да и все.

А тут, ты смотри, о ноже подумал, а мысли вон как закрутило. Ну да, у самого-то отвертка на кармане, даже складень опасается таскать. Если баззи со складнем копы примут — начнут душу мотать, а ему сейчас это никак нельзя. В банк стуканут, а там решат, что он «рисковый», и процент повысят. И все, труба ему.

Ладно, не до того. Вот наладит он тут жизнь, свой бизнес заведет, тогда и книжки, может, начнет снова читать.

Правда, для этого надо из баззи в гражданина, в цивви, перейти.

Снова не о том.

Ствола у него теперь нет, и как его искать, непонятно. Не подойдешь же к Мануэлю снова — братан, я тут из пушки, что ты мне продал, завалил какого-то чудилу, пришлось выкинуть,

продай еще…

Словом, пару ночей он в боксе ночевал. На станке помудрил кое-что и из рессорной стали себе выточил подобие шакатса. Грубое, конечно, и размерами поменьше. Больше получилось похоже на рукоять, из которой выходили два почти одинаковых коротких клинка. Рукоять изолентой обмотал. Чтоб рука точно не скользила. Лезвия короткие, такими не резать — бить, колоть.

Зато ножны из обрезков обшивки сидений получились неплохие. Попробовал несколько раз — за рукоять дергаешь резко вниз, ремешки, которые пропустил через несколько отверстий, расходятся или рвутся, и нож в руке.

Потом, конечно, снова надо шнур вдевать или новый вставлять, но он нож мастерил не колбаску резать.

Повесил на прочный нейлоновый шнур под рубаху и с той поры снимал только когда домой приходил. Шнур через ремешки пропустил, которыми ножны крепил. Некрасиво, зато работает.

Правда, уже неделю с лишним он дома, считай, и не появлялся.

После того, как Машка запустила в него кружкой, а он ее чуть не убил.

И за дело, подумал он, набычив лоб.

Сзади засигналили — зеленый загорелся.

Он не спеша прибавил газ, постарался выкинуть воспоминания из головы.

Ни черта не получалось.

Первую неделю он сам себя убеждал, что это у Машки все от того, что она еще не пришла в себя после больницы.

Что с работой у нее труба — осталась всего одна кафеха, заработок меньше, вот она и психует.

Но от нее стало иначе пахнуть.

И от одежды, и от нее самой.

Пропали запахи моющих средств, мыла, хлорки или чем там она еще мыла-драила. Исчезли запахи подгорелого масла и жира и пятна, которые иногда появлялись, если она была в ночную в той забегаловке, где ее разносчицей ставили.

От одежды пахло табачным дымом, тяжелыми сладкими духами, какой-то… не то пудрой, не то чем-то еще приторным.

И — таким же тяжелым мужским потом, какой бывает у возбужденных мужиков на бабе.

Одышливых жирных потных тварей.

Хуц-Ги-Сати учуял этот запах, и у него сжались кулаки.

Вонь исходила от одежды, которую девушка кинула комом на полу прямо в их крохотной

ванной.

И это тоже было — другое.

Помешанной на опрятности Машка не была, но всегда оставалась опрятной, там — дома, раньше всегда, как выходной, и пылесосила, и полы мыла, и чтобы раковина в разводах от зубной пасты? Никогда.

Одежду могла на кресло, что возле кровати стояло, скинуть, но всегда складывала. Потом, говорила, отнесу в стирку, что-то устала…

Они перед этим несколько дней не виделись. А тут он из рейса приехал и решил домой заскочить помыться и перекусить, а она, видать, недавно пришла и завалилась спать.

Он и подошел, наклонился — думал, если не спит, спрошу.

И увидел засосы.

На шее прямо.

Над ключицей.

И от нее несло этим жирным мужским потом, похотью и сладко-прогорклой косметикой.

Как в дешевых стрип-клубах, куда он возил коробки с бухлом.

Он помнил, что сорвал с нее одеяло.

Она спала голая.

Легла, даже не ополоснувшись.

Вскочила — с размазанной косметикой, которую не удосужилась смыть…

И глаза у нее были белые от бешенства.

Он тыкал пальцем в засосы и пытался что-то выговорить, горло перехватило от злобы, а больше от того, что он пытался себя сдержать и не грохнуть ее прямо здесь, на месте.

Потому что в красках видел, как отвешивает ей оплеуху, ее голова дергается, перепачканная косметикой рожа перекашивается.

Как она летит на пол, а он пинает ее тяжелым ботинком в живот. Потом в голову.

Так, чтоб точно попасть в челюсть.

Сломать хлебальник.

Она отпрыгнула, и у Хуц-Ги-Сати что-то оборвалось, руки похолодели и опустились — он только сейчас, при свете дня, увидел, какая она стала худая.

Тощая она стала.

Как похудела после температуры, так и не отъелась.

Он шагнул к ней, подумал, что и черт с ним, с засосом этим.

И услышал, что она орет.

— Это мое дело! Я сама решаю, ты понял?! Ты кто? Ты меня притащил сюда, ты мне тут песни

пел! Да я тебе как прачка нужна была да чтоб трахать и готовить бесплатно! Что вылупился?! Сама сделаю!

Она подскочила к кухонному столику и запустила в него чашкой.

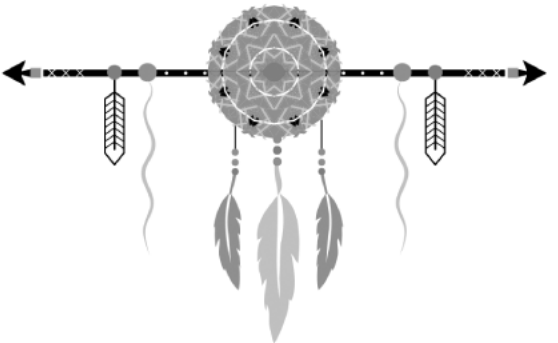
Он даже не закрылся, чашка с каким-то сухим деревянным стуком прилетела ему в лоб.

Дальше он только помнил звон оплеухи и тишину.

Девушку отбросило на стену, она сползла вниз и села, раскинув ноги. Открыв рот, она сидела, держась за опухающую покрасневшую щеку, и обиженными детскими глазами смотрела на Хуц-Ги-Сати.

А тот молча ушел.

Эпизод 17. Под откос



ДВЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

Хуц-Ги-Сати плюнул на все. Ему надо было поговорить с кем-то, кто его поймет. Кто сможет сказать ему, почему происходит то, что происходит, что делать дальше, отчего у него ощущение, что все катится под откос.

Ему даже снилось недавно, что он снова на том перекрестке, вот уже желтый, красный, он давит на тормоз, но педаль проваливается в пол без всякого сопротивления. Фургон набирает ход, он сейчас влетит на перекрестке прямо в

поток машин. Но город исчезает, индеец все так же давит на тормоз, фургон несется все быстрее прямо к обрыву, о который, ревя, бьется холодное зимнее море.

Хуц-Ги-Сати его не видит, но знает, что оно там.

— Что, сынок, никак не остановишься? — Отец сидит на пассажирском сиденье, смотрит прямо перед собой. Голова его медленно поворачивается, и Хуц-Ги-Сати кричит от ужаса.

Он проснулся среди ночи, один, прошлепал в ванную, долго плескал в лицо холодной водой, тер шею.

Так до утра и не заснул, ушел затемно в гараж.

Ему повезло — был рейс в Чикаго, и Хуц-Ги-Сати вцепился в него мертвой хваткой. Выторговал у менеджера шесть часов за свой счет, как-то отбрехался, гнал, наплевав на все ограничения везде, где только было можно.

Пока разгружали фургон, ждал, раскачиваясь на сиденье, ни о чем не думая, ничего не понимая. Подпрыгнул под потолок, когда в водительскую дверь грохнули кулаком.

— Проснись, вот бумаги, давай освобождай площадку.

Он не глядя сунул бумаги в «бардачок», дал по

газам. Когда подъезжал к перекрестку, на котором надо было свернуть к залу собраний Керука, руки вспотели так, что пришлось вытирать. Показалось, что он снова в том своем сне. Он осторожно нажал на тормоз и чуть не застонал от облегчения. Тормоза работали.

Он знал, что еще слишком рано.

Но все равно толкнул дверь.

Она оказалась открытой.

— Входи, кто бы ты ни был, — услышал он знакомый голос…

— …и теперь я уже ничего не понимаю. — Хуц-Ги-Сати сидел, сложившись пополам на стуле, стискивал руки, раскачивался и говорил, говорил, снова и снова повторял, как они встретились с Машей, то есть с Джиналатк, выпрямлялся, пытался показать, как там, в зимнем лесу, они сами провели обряд имянаречения, а потом…

Перескакивал на то, как они решили перебираться в САСШ.

И как все начало валиться, ну, знаете, как костяшки в домино. Их еще так расставляют петлями, а потом, хопа, одну толкают, она толкает

другую, они падают все.

Он говорил о том, что происходит с Машей, ну, что он не понимает вообще, что происходит, а еще эта работа, и деньги, которых не хватает ни на что вообще, и эти левые заработки. Несколько банкнот он попытался сунуть Керуку и тут же схлопотал подзатыльник.

Старый индеец тяжело поднялся, похлопал Хуц-Ги-Сати по плечу.

— Я не твой отец и не могу его заменить. Да и пытаться не буду, у каждого есть лишь один отец. Я не могу посоветовать тебе, как идти тем путем, по которому ты идешь. Я лишь скажу, что здесь ты нашел людей, которые хотят справедливости для нашего народа. Мы хотим, чтобы никто никогда не оказался в таких обстоятельствах, как ты и твоя скво. И на месте всех тех людей нашего народа, кто живет задавленный той системой, что отняла у нас все. Сегодня я буду об этом говорить, и мы будем обсуждать дела, в которых участвуют лишь те, кто твердо решил бороться. Будешь ли ты слушать?

Хуц-Ги-Сати встал.

— Я помогу расставить стулья. Ставим как в прошлый раз?

Час спустя Керук запер двери зала собраний,

опустил жалюзи.

Он стоял перед ним — высокий, широкоплечий, с мощным предплечьями. Потертые джинсы, тяжелые растоптанные рабочие ботинки, простая застиранная рубашка — он был одним из них, он знал цену каждому центу, и потому его слушали.

А он говорил о мире вокруг них, и Хуц-Ги-Сати поражался тому, как Керуку удается залезть ему в голову и добыть оттуда его мысли. Да еще и облечь их в складные понятные слова.

— Вы задавлены борьбой за выживание. Вам говорят, что это естественный ход вещей и так было всегда. Но наши предки выживали в честной борьбе с природой, с такими же воинами, как они сами. Это была честная битва. И они знали, что дома их ждут верные жены, а жизнью племени руководят мудрые справедливые вожди. Они возвращались с битвы в справедливый честный мир. Они знали, что, даже если погибнут, их женщин и детей не бросят, племя позаботится о них, и их род будет жить вечно.

Керук помолчал.

— Этого мира больше нет. Его нет нигде. Наш мир исчез. Да, люди летают на Луну. Они научились лечить многие болезни, но кому доступно лечение? Нами, теми, кто живет в САСШ, правят

корпорации, хозяева которых даже ни разу не ступали на землю Америки! Наше правительство — просто наемные менеджеры! Но вы думаете, где-то лучше и слаще? Российская империя захватывает все новые земли, но если раньше она просто порабощала народы силой, то сегодня растворяет их в себе. Один за другим исчезают племена, которые еще недавно были гордыми и независимыми, и появляются безликие рабы их императора. Китай — о, эти хитрые азиаты проникают везде и всюду, скупая предприятия, заманивая к себе кредитами целые страны. А потом они приходят за расчетом и кладут страны себе в карман.

Он говорил спокойно, чуть насмешливо, и Хуц-Ги-Сати понимал, что согласен с каждым его словом.

Наконец старый индеец замолчал.

Заскрипели стулья, завизжали металлические ножки по полу. Большинство уходили молча. Несколько человек остались.

Хуц-Ги-Сати поймал взгляд Керука. Тот кивнул, мол, да, оставайся.

Когда оставшиеся расселись, Керук сел перед ними на такой же стул, положил руки на колени.

— Сегодня с нами воин, который готов помогать в нашей борьбе. Он молод, он отвечает за свою скво. Он водитель, и водитель отличный. Я правильно понимаю, что сейчас ты водишь вместительный фургон?

— Да. Правда, часто он бывает забит до отказа, и этот фургон принадлежит компании. Перед тем как я выезжаю в рейс, двери кузова пломбируют, так что докинуть что-то по дороге не получится.

— Это важно, — кивнул Керук, — хорошо, что ты это сказал.

— Но с менеджером можно договориться. — Хуц-Ги-Сати рассказал о левых рейсах, правда, благоразумно решил умолчать о своих приключениях.

— Что ж, в любом случае опытный водитель может пригодиться. Даже просто передать посылку без лишней огласки. Кстати, я как раз хотел попросить тебя захватить с собой небольшой пакет. Ничего незаконного, просто наши листовки, которые надо передать нашему общему знакомому. Теперь давайте обсудим акцию протеста, которую мы планировали провести у офиса Чикагской телекомпании.

Он глянул на Хуц-Ги-Сати.

— Это большое дело мы планировали давно.

Мы хотим показать этим нелюдям из транснациональных корпораций, что честные люди, которым эта земля принадлежит по праву, представляют собой настоящую силу! Что у них есть законные требования, к которым лучше прислушаться, пока не стало слишком поздно для них!

Это была достойная цель. В этом был смысл.

— Брат Волчий Клык, расскажи еще раз свою часть плана. Давайте пройдем по всем этапам. Ты слушай и запоминай, — обратился Керук к Хуц-Ги-Сати, — если будут вопросы или решишь что предложить, не молчи. Острый молодой ум способен на многое!

Они молодцы. Настоящие борцы, бойцы за будущее своей расы, думал Хуц-Ги-Сати, пока ехал обратно. Он не стал ждать рассвета, дремать, слишком много всего роилось в голове, а дорога его всегда успокаивала и помогала упорядочить мысли, разложить по полочкам.

Да, здесь можно было по-настоящему бороться, сама судьба привела меня сюда, с решимостью думал он. Там, в этом морочном мире ненастоящей Аляски, это объединение свободных людей было

просто невозможно. Он вспомнил, как костерили мужики губернатора Аляски за размытую дорогу у какой-то деревушки, мэра городка за то, что муниципальные автобусы «на ладан дышат, а он вон новый “Руссо-Балт” своей полюбовнице купил». Но все это было как-то беззлобно, обыденно, их будто бы все устраивало. Все эти выкрутасы власти и идиотский треп депутатов в Думе они воспринимали как явления природы. Разве что вздыхали да махали рукой, «вот ежели до государя императора дойдет, тут головы-то и полетят! Как тогда, при батюшке-то евойном, в 37-м!».

Врач, правда, к тебе сразу пришел, стоило позвать, да и за отопление в кабине у тебя из заработка не вычитают, прорезался ехидный голосок, но Хуц-Ги-Сати его тут же задавил.

Интересно было еще, как Керук объяснял, что вообще в мире происходит, а то что-то он, Хуц-Ги-Сати, совсем в бытовухе погряз. Оно, конечно, тоже правильно. Как учил Человек Без Лица, «сначала воин узнает обо всем, что видит его глаз и слышит его ухо, и создает свое пространство безопасности, Ближний Круг. Лишь затем из этого Ближнего Круга он отправляется осваивать иные области мира». Но что-то и этот ближний круг сузился у него до кабины фургона. Даже то,

что дома происходило, он уже с трудом понимал. Машка отощала? Ну, видать, на работе достают, что ж поделать, вот наберут денег, чтоб из баззи выбраться, тогда полегче будет.

А Керук о другом говорил. Объяснял, что в мире долго правили люди, которых он называл «старые деньги». А сейчас полезли «новые деньги». И что они между собой начали мир делить. Потому что уже не только Земля нужна, но и Луна. А Луна, она чтобы астероиды с ценными металлами и другими штуками ловить, но и чтоб там всякие штуки производить, которые на Земле сложно.

Он рассказывал о том что «старые деньги» не в Венеции какой-то начались, а раньше, а потом перешли в Российскую империю, которую зачем-то называли «жандарм Европы», и в Пруссию. И что они вот с Китаем столковались. Потому что у всех у них люди что муравьи, отношение к ним такое. Ну и типа живут все вместе, вот оттуда это у них все непонятное, отчего западные люди пальцем у виска крутят. А «новые деньги» — они у Ост-Индской компании, которая и создала Британскую империю и те огромные компании, которые сейчас называют транснациональными.

Есть еще Бразильская империя и Португалия,

они порабощают народы Европы и Южной Америки. А Китай хозяйничает в Азии. Но все они просто ширма для самых больших и жадных компаний, которые делят мир на рынки сбыта и оболванивают людей. Самые жадные и хитрые из них — русские и китайские купцы, но и Ост-Индская компания от них недалеко ушла. И всем им наплевать на интересы индейцев, на древнюю мудрость народа, который стремится жить в единении с природой, в единстве со всем миром.

Значит, говорил Керук, надо встать на защиту Матери Земли, показать свою мирную спокойную силу! Но так, чтобы все увидели, каким грозным может быть гнев Земли и ее детей!

Гнева у Хуц-Ги-Сати хватало.

Если бы не гнев, он бы, наверное, уже окончательно впал в тупую апатию. Потому что она уже, не скрываясь, подбиралась к нему — раздерганному страхом и недосыпом.

Теперь было на чем держаться.

Договорились, что люди Керука перетрут с менеджером компании. Фургон Хуц-Ги-Сати закажут в Чикаго. Доставка будет совершенно официальной, с подгрузкой в складском хабе по дороге. Загрузят дополнительное оборудование для акции, которое надо будет доставить к отелю

Best Western Terrace Hotel. Там его примут активисты — «отличные парни, настоящие воины Матери Земли», как сказал Керук. Они используют его, чтобы заявить о наших требованиях с крыши отеля.

Хуц-Ги-Сати спросил, как именно, Керук улыбнулся, а Волчий Клык хлопнул его по плечу — это знает только наш вождь и те, кому положено!

Хуц-Ги-Сати с достоинством кивнул.

Конечно, надо соблюдать правила конспирации. У теневого правительства корпораций везде шпионы, и даже случайно оброненное неосторожное слово может привести к арестам товарищей.

Но что он будет перевозить, ему не сказали. Его это неприятно кольнуло. Видимо, Керук это заметил.

— Я еще раз хочу сказать всем — в нашей акции нет и не может быть ничего противозаконного. Мы свято чтим законы нашей земли и заветы наших предков.

Следующую неделю Хуц-Ги-Сати провел словно в забытьи. Точнее, он видел все очень четко, но

словно бы со стороны. Все стало неважным, не трогало его, и вместе с тем он подмечал каждую мелочь и старался все сделать правильно и по порядку, чтобы никто к нему не придрался.

Целовал в щеку Машку, когда уходил на работу, а она только вваливалась после ночной смены в комнату. В клубе, куда она устроилась, работы было много, она уставала, а посетители были, конечно… не то что в забегаловках, где она работала сначала.

Она об этом сама ему рассказала, когда остыла чуток после той ссоры.

Сидела, в стену смотрела, говорила тихо, не оправдывалась даже, а так… просто рассказывала. Не мастак он в этих бабских штуках разбираться.

Да и честно говоря, как оборвалось что-то после той ночи, той оплеухи.

Главное, спокойнее стало, понятно было, что хоть с этой стороны ему никто нервы поднимать не будет. И можно сосредоточиться на подготовке к акции.

Потом разберутся, как выпутываться. С долгом рассчитается, Машку с ребятами из AIM познакомит, среди своих будут. Там ей мозги вправят, полезным делом займут. Он вспомнил, как она вместе с другими бабами растирала его и других

мужиков после купания в проруби на Крещение. Какая она была веселая да ладная. Вот так дальше будет. Только со своим народом! Надо только себя сейчас показать.

Шикопи два раза приходил, рассказывал, как там все идет и какие грандиозные транспаранты они развернут перед Чикагским «тиви» — все увидят! А еще братья из «Детей Земли» лягут перед выходом из офиса компании, подняв руки с зелеными ветвями, символизируя силу природы.

Хуц-Ги-Сати, правда, честно сказал, что предпочел бы более жесткие и прямые действия.

На что Шикопи, понизив голос, ответил, мол, ты себя сейчас покажи, тогда и разговор о каких-то других делах будет.

Сердце Хуц-Ги-Сати радостно екнуло.

Покажет!

Еще как покажет!

Маше казалось, что она работает тут всегда. Сигаретный дым, сладкий запах самокруток, странно влажный дым пушек, которые гнали туман на сцену во время «специальных номеров», стук каблуков, тяжелое дыхание и постанывание

из «номеров» стали единственной реальностью.

Она выходила под утро на улицу и щурилась даже от серенького осеннего рассвета. А когда было солнечно, морщилась и спешила домой отоспаться.

Ну ладно, криво усмехнулась она сама себе, не всегда домой и не всегда отоспаться.

За эти пару недель она стала другой. Тут Зеркальный, конечно, помог — показал ей другой мир, который баззи, только приехавший сюда, никогда не увидит. Да и местные даже, которые цивви, или джоны-с-детками могут не увидеть всю жизнь. Джоны-с-детками — это так Зеркальный называл тех, правильных. Ну, которые за прилавками торчат или грузы таскают, на стройках вкалывают, баранку крутят или что там еще они делают, которые за зарплату по таксе пашут.

Она теперь не такая.

Зеркальный открывал неприметные двери, а за ними оказывались не совсем законные букмекерские конторы с залами, в которых можно было выпить в ожидании результатов матча, и комнатки, где помогали снять напряжение. Она там всего пару раз побывала, когда совсем не хватало денег на рецепты. Ну и на «специальные аптеки», с которыми тоже познакомил Зеркальный.

Все было устроено просто и понятно. И легально — «чикита, тут рай для таких предприимчивых парней, как я! Держись меня, и все будет тип-топ. Главное, чтобы у тебя были бумажки, которые надо показывать федералам. Ты пойми, они тут все живут на том, что организуют цепочки торговли! Я просто вписываюсь в них!».

Ну, типа она почти все понимала. Особенно когда принимала синенькие маленькие таблетки и все становилось простым, понятным и приятным. Зеркальный очень полюбил с ней быть сразу, как она их принимала.

Потом, правда, после них приходила серая хмарь и хотелось выть, плакать, все время мыться после того, что он с ней выделывал — он выдумщик был. Но чтобы никаких следов, никаких шлепков и этого всякого. «Чикита, нам всем нужно, чтобы у тебя было нежное личико и сладкая тугая попка!» Чтобы такого не случалось, были другие таблетки, от них хорошо было спать. Но они стоили дороже, а Зеркальный перестал давать их за… ну, за услуги. И в той аптеке велел только за кеш давать. «Чикита, ты сладенькая везде, но продажи надо смазывать кешем, я помогу тебе заработать, но гони кеш».

И так оно крутилось, казалось, вечность.

Она сначала боялась в клубе — думала, туда бандиты одни ходят.

А оказалось, там и нормальные были, любили после работы приезжать и из офисов, и бизнес-смены даже. Те, правда, заказывали отдельный вход сразу в кабинеты. И к ним туда приходили девочки по спецзаказу. Она один раз только была. Ну, толстый мужик. Сопел. А сначала пил и все ныл о том, что «юги снова давят. Понятно, у них фермерам льготы, да негры, обученные в третьем, а то пятом поколении, они ж с пеленок для плантаций заточены! Федералы?! Да они им продались и душат нас, местных предпринимателей!» Потом еще вискаря опрокинул, прям как русский, и штаны полез расстегивать — давай, говорит, попробуй местный вкус.

Ну и сопел.

Маша нахмурилась.

Оказывается, она сидела на их с Сатиком кровати уже давно.

Сколько? Не понимала.

И Сатика нет. Ну и не надо.

И весь заработок снова куда-то ушел, а она же хорошо получила за приват. У нее уже стала появляться своя клиентура, «тебя снова “твои” требуют», шепнула ей вчера менеджер зала и

подмигнула. Или позавчера? Она не помнила точно, но это было хорошо. Хозяин любил, когда у девочек были свои клиенты, это хорошо и для заведения, и для девочек. Зачем им куда-то уходить, если они знают, что им в трусики сунут купюру, которую можно не отдавать менеджеру. Она и не отдавала, что она, дура? Она сразу узнала, что лучше в конце недели сразу «смазку» отдать, чтоб менеджер зала тебя новому клиенту показал или отправил заказ относить тем, кто уже подпил и денежный.

Снова она что-то в мысли ушла.

Оказывается, она все это время держала в руках планшет.

Ну, на который счета приходили.

И там цифры были.

Плохие.

За оплату счетов она у них с Сатиком отвечала. Еще там, в России, это повелось, и все хорошо было. Она вспомнила, как Сатик улыбался и ее по голове гладил — ты моя хозяйственная скво! Я знаю, что ты каждую копейку уже рассчитала. Спрашивал только иногда: денег, мол, хватает?

Хватало — там хватало.

Накатила волна тяжелой безнадежной злобы. От нее тоже «синенькие» помогали. Это же лучше

было, чем бухать?

У них одна девочка забухала, пьяная к клиенту пошла. Потом крик, этот, со штанами спущенными, в зал вылетел, орет, что, мол, у вас девки на работе блюют! Смешно так орал. А девочку выгнали. И при расчете еще должна осталась.

Маша умная.

Она так не будет.

Снова попыталась посчитать суммы к оплате, сравнить с тем, что показывали в окошке, где виднелись цифры их общего счета.

Снова поднялось глухое раздражение на Хуц-Ги-Сати — это было так сложно! Считать, сравнивать!

Мелькнуло смутное воспоминание о том, что раньше у нее это получалось как-то легко. Ну а как иначе запомнить и заказы, которые клиенты просят, и расчет проверить? Правда, и это тоже осталось в той жизни, которая сейчас казалась туманом.

Понятно было только, что денег не хватит. И когда Сатик узнает, снова орать начнет.

И еще она должна за рецепты… Зеркальный последние два раза договаривался как-то с врачом, который при ночной аптеке принимал, но все, сказал, что неделю дает, чтоб все вернула.

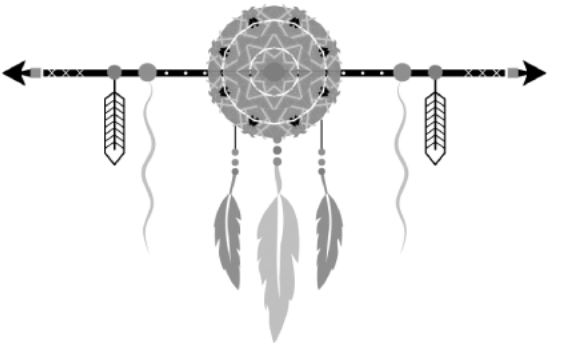
«Ваше тело — ваше дело! Вы сами распоряжаетесь им и помните, что Господь не зря даровал вам тело для жизни в этом мире!» — донеслось из «тиви». Там остались только местные каналы, они самые дешевые были, а два — с проповедями — вообще бесплатные. Их Маша включала сразу, как приходила, чтобы в тишине не сидеть. На этих, с проповедями, часто крутили того проповедника, что она слушала в больнице. Ей нравилось про то, что тело только ее и она сама с ним делает что хочет.

«Ты всегда можешь обратиться в клинику “Твои изменения”. Твое тело — твое дело. Наше дело — помочь тебе узнать истинную ценность твоего тела. Обращайся в лучшую клинику трансплантологии и пересадки органов. Узнай, сколько ты стоишь сегодня, чтобы не продешевить завтра». Дальше шел адрес местного отделения клиники.

Маша всмотрелась в бегающую строку.

Совсем недалеко от клуба…

Эпизод 18. Пружина сжимается



ПРУЖИНА 6. ВОДИТЕЛЬ

— Эй, русский! Давай сюда. Завтра едешь. Не позже десяти чтоб был в отеле. В Чикаго. Как там его… — Менеджер с трудом прочитал название. Хуц-Ги-Сати постарался скрыть раздражение.

Сколько тут этот мекс уже живет? А нормально говорить так и не научился. Вслух, конечно, ничего не сказал. Заказ есть, хорошо.

Да еще и в Чикаго, может, сумеет выкроить немного времени, заскочить к Керуку после акции.

— Загрузят тебя в ночь, тут написано, груз прям перед твоим выездом привезут, — посмотрел в свой планшет менеджер.

Индеец снова равнодушно кивнул. В ночь — значит в ночь.

Значит, сейчас можно пойти домой, немного поспать. Машки наверняка дома уже нет, с облегчением прикинул он. Она его раздражала, уже не раз думал — гори оно все, уйду! Что-то останавливало. Голос какой-то спрашивал: ты ж ее сюда притащил, теперь бросаешь? Делалось стыдно, от этого чувствовал себя еще гаже.

Тупым, еще и сволочью.

Засыпал, к счастью, едва голова подушки касалась.

Как в армии говорили — в полете.

В какой армии? — ошалело подумал индеец, я ж никогда не служил! Но вот подумалось же. И на неуловимый миг, но очень четко, мелькнула перед глазами картинка — двухъярусные койки, застеленные синими шерстяными одеялами, высокие ботинки «берцы» на деревянном, отдраенном до невероятной чистоты полу, на табурете рядом с кроватью сложенная квадратом камуфляжная куртка.

И — ощущение того, что наломался за день,

спать хочется неимоверно. После учений по выживанию — снова шепнул знакомый-незнакомый голос.

Хуц-Ги-Сати помотал головой, голос пропал.

Машки действительно дома не было, в холодильнике — пустота. Только бутылка нестерпимо сладкой дешевой газировки «с неповторимым ароматом и изысканным вкусом тропического коктейля». Сколько? Неделю, наверное, Машка покупала только его и, кажется, им и питалась.

Хуц-Ги-Сати от тоски хлебнул из горла, тепловатая — холодильник снова пришлось отключать, чтоб сэкономить на электричестве, — газировка комом провалилась в желудок и растеклась там, как замазка на жаре.

Поморщился и завалился спать.

Казалось, минуты не прошло, как в дверь постучали. Решительно, но вроде без хамства.

Кого там духи приволокли, вскинулся Хуц-Ги-Сати, ошалело крутя головой. Посмотрел на часы: неужто опоздал? Нет, и часу не прошло.

В два шага оказался у двери, потрогал кинжал на шее.

Глянул в глазок — Шикопи.

Вот это да.

Хуц-Ги-Сати говорил, конечно, где живет, сиу

же не кто попало, а Керук посоветовал, но Шикопи держался подчеркнуто осторожно и даже в подъезд не заходил. Тут, на тебе, сам пожаловал.

В руках здоровенная сумка — с такими мексы тут ходят, разносят в них какой-то товар по небольшим магазинчикам и барахолкам, что тянутся вдоль авеню в кварталах победнее.

— Привет! Заходи, — кивнул гостю Хуц-Ги-Сати. Почесал в затылке. — Угостить, правда, нечем. Ты извини, я тут перед рейсом отоспаться решил.

— Знаю, потому и пришел. — Шикопи прошел в крохотную комнату, бережно поставил сумку на пол. — Передай это завтра нашим. Очень надо.

— А откуда знаешь? — удивился Хуц-Ги-Сати.

Сиу улыбнулся.

— Друг, нашему делу помогают самые разные люди! И мы помогаем разным людям. Сегодня повезешь груз, который нужен нашим братьям на завтрашней акции.

— Так и понял. Прослежу, чтоб все загрузили аккуратно. А что за груз-то? Еще чем помочь могу? — Все же здорово чувствовать себя нужным. И отвлекает от того дерьма, в которое его засосало.

— Главное, доставь все вовремя. А тут листовки, которые завтра будут раздавать наши братья и сестры во время акции, — кивнул на сумку Ши-

копи и сжал плечо парня. — Я верю в тебя, друг. Теперь пойду. Выспись как следует.

Хуц-Ги-Сати еще не совсем проснулся. И сообразил, что Шикопи так и не сказал ему, что ж за груз везти, только уже погружаясь в дремоту. Спать хотелось неимоверно, и додумывать мысль он не стал.

Даванул он еще пару часов, проснулся более-менее бодрый. Жрать, правда, хотелось — сил нет, так что он залил в себя еще несколько глотков сладкой гадости и поехал обратно в гараж. По пути купил несколько энергетических батончиков из «экологически безопасного сырья глубокой переработки». Мелким шрифтом там было еще написано смешное — «могут попадаться незначительные фрагменты органических соединений». Шикопи, кстати, говорил, что это коммерсы пишут специально, мол, делают все эти батончики из производственных отходов и переработанного жмыха от комбикорма, да еще и бодяжат разными добавками — генно-модифицированными. А так у потребилы будет чувство, словно он что-то настоящее ест.

Впрочем, Хуц-Ги-Сати было все равно.

— Чо так рано приперся? — высунул заспанное рыло из своей каморки менеджер. Надо же, сам

в ночную дежурит, удивился индеец. Не отвечая, прошел к фургону, походил вокруг, проверяя, все ли в порядке. Заводить было рано — перерасход топлива вычтут из его платы за рейс, так что ну его на фиг.

Постучал по колесам, посмотрел, что номера на месте, на заднем борту никто ничего не накорябал, залез в кабину и откинул спинку сиденья. Сполз пониже, да и заснул.

Пока ему в дверцу не грохнул кулаком менеджер.

— Просыпайся, русский! Выгоняй фургон, заказчик груз привез.

На площадке перед ангаром стояли два внедорожника. Черных, с тонированными стеклами.

Хуц-Ги-Сати напрягся и машинально потрогал нож под футболкой. Не понравились ему внедорожники.

От них воняло не то картелями, не то секретными службами.

И о тех, и о других ходили страшные легенды и нехорошие слухи.

Дверь бесшумно открылась, из салона медленно выбрался широкоплечий мужик в кожаной куртке с бахромой и длинными, собранными в хвост черными волосами.

Был он чем-то похож на Шикопи, и индеец чуток успокоился. Вспомнил слова сиу о том, что им много кто помогает.

С заднего сиденья выбрались еще два таких же здоровяка.

Сноровисто достали из багажников длинные деревянные ящики, судя по тому, что тащили их по двое, — тяжелые.

Ящиков оказалось всего шесть.

— Открывай, — коротко бросил тот, что с хвостом. Старший, видать.

Ящики сноровисто, но бережно затащили внутрь, поставили вдоль задней стенки фургона.

Хвостатый небрежно черкнул закорючку в планшете менеджера, сел за руль, и внедорожники умчались.

— Чего стоишь? Вот накладная, передашь, как обычно, тому, кто от заказчика с доверенностью приедет, — как слабоумному объяснил менеджер.

— А еще куда заезжать? — непонимающе посмотрел на него Хуц-Ги-Сати. Фургон был, считай, пустой, значит, надо будет где-то еще груз добрать.

Но менеджер только фыркнул.

— Кати давай. Заказчик оплатил полную стои-

мость доставки.

Индеец пожал плечами. Ну, оплатил, и ладно. Значит, так надо. В конце концов, не свои ж деньги потратил.

Но о том, сколько ж денег пришлось на это потратить Керуку, призадумался.

Значит, важный груз. Он испытал легкий прилив гордости. Важный груз — доверяют, значит!

Он не подведет. Сделает как надо.

ПРУЖИНА 7. КОНСУЛЬТАНТ НЕСКОЛЬКИМИ ЧАСАМИ РАНЕЕ

Закревский рассчитывал на контакты в местной полиции и прикормленных «пинкертонов». Мужики были тертые, хорошо понимали, что и кому можно продавать, «ост-индов», да и «островитян» в целом по старой памяти не любили. Так что деньги Михеева были приятным бонусом к возможности насолить «бриташкам».

Однако решающую информацию притащил Дэлиган, у которого все было схвачено в мэрии.

— На, читай, все как ты просил, — плюхнулся он на заднее сиденье рядом с Закревским. Тот меланхолично наблюдал за уже осточертевшим балетом вокруг отеля. Вот новые бразильцы. А вот федералы янки, эти даже не пытаются изобразить оживляж, одни и те же рожи отбывают номер.

Этих даже немного жалко. Вот они, издержки госфинансирования по остаточному принципу. Разведслужбы янки традиционно были донельзя слабыми и в основном занимались слежкой за теми, кого заказывали спонсор одного из комитетов Конгресса или Белый дом. «Пинкертоны» же пользовались славой крепких профи, но заточены были все же на частные расследования, промшпионаж или силовые акции на грани приличия. Славные, в общем, ребята.

Закревский взял сероватые листы дешевой бумаги, всмотрелся в подслеповатый шрифт древнего матричного принтера, «печатника», стал-быть.

«Перечень запросов на разрешение проведения групповых мероприятий в составе общественных организаций в период с…» Ага, интересно. Что тут?

Демонстрация феминистического движения «Мое тело — мое дело» в поддержку телепроповедника Сайруса Сепински под лозунгом «Божьи слова в уши каждого мужчины». А какого черта за мужика-то агитируют?! Впрочем, нет, не то.

«Руки прочь от лесов Эфиопии», проводит «Национальная ассоциация единства с угнетенными народами Африки».

Проехали.

Пикет у местного Капитолия в знак протеста против законопроекта штата о повышении расценок за места на продовольственных рынках для фермеров, чьи хозяйства находятся в границах штата. Проводит Ассоциация фермеров при поддержке общества «Винчестер — это законно». Уже теплее, ребята серьезные и резкие, но заточены чисто на свои внутренние проблемы. Скорее всего движ заказывает кто-то из торговых сетей.

В парке шествие владельцев болонок, демонстрация каких-то скуф-бобберов через неделю… м-да, движуха постоянная, все правильно, надо обеспечивать непрерывную загрузку, причем в режиме дерготни, чтоб народонаселение внимание на ненужных вопросах не заостряло.

— Вот оно! — Закревский щелкнул пальцем по строчке на второй странице. — «Комплексаная акция в виде пикетирования бизнес-центров с элементами демонстрации и использованием художественных методов для привлечения внимания к мировой экологической проблематике».

— Господи, кто им такое пишет? — пробормотал Дэлиган.

— Профессиональные юристы. Судя по стилю, хорошие. Это говорит нам о чем? — спросил собе-

седника Закревский.

— О том, что у этих сумасшедших есть деньги? — предположил Ирландец.

— Именно. А еще — что никакие они не сумасшедшие. Но самое интересное не это. А организаторы. Читаем и видим кого? Правильно, AIM. Тех самых, от которых недавно откололись эти, воинствующие… «Железные сердца», — снова щелкнул по бумагам Закревский, — к тому же читай, где они будут культурно привлекать к матушке Земле?

Дэлиган прочитал.

— Площадь Саут Мичиган, 1000.

— Именно. Там дальше написано о пикетах на ступенях бизнес-центров, «в которых разместили свои безответственно огромные офисы транснациональные компании, которые уничтожают гармонию Земли ради прибыли нескольких непристойно богатых семейств». Во как.

— Не скажу, что я совсем уж не согласен, — пробурчал Ирландец.

Он уже осматривал площадь другим взглядом. Закревский узнавал этот взгляд городского партизана.

Или «легавого» из контртеррора.

Дэлиган в свое время был и тем, и другим. За-

кревский разложил на коленях большой блокнот, взял карандаш.

— Ну что, дружище, тряхнем стариной?

Они тянули друг у друга блокнот, набрасывали варианты расположения групп демонстрантов и «пастухов»-наблюдателей, контролеров и «случайных прохожих» для обострения. Прикидывали варианты возможных действий «ост-индов» и ресурсы, которые потребны, чтобы заклинить операцию.

Пиликнул планшет, арендованный Закревским на имя одного из парней Ирландца.

Сообщение было от Томпсона, прочитав его, Закревский снова посмотрел на вход в отель.

Там торчал все тот же снулый швейцар, за стеклянными дверями виднелись силуэты местных секьюрити, застывших в идиотской стойке «ладоши на мандоше». Консультант прикинул, где находится охрана переговоров — контроль холла, лифтов, этаж ниже основного, сам арендованный этаж, за цоколем и подземной парковкой — камерами, вывод на круглосуточный пост охраны. Конечно, совершенно автономный от отельной обслуги.

Представил, как завтра будут ломиться в вестибюль прикормленные журналюги.

М-да… устраивай давку — не хочу.

Зависит, конечно, и от того, кто именно приглашает.

Пока сообщение выглядит мутно, но кто-то точно клюнет. И — сорвет куш, на то и расчет.

«Джуны из пиар-агентств[6] слили паре коллег инфу, призывают пастись завтра на известной нам полянке, вроде могут вывести жертвенного козлика», — писал Томпсон. Известная нам площадка — это, понятное дело, отель. Уже легче, понятно, что центральную провокацию устраивать будут там.

Это будет не просто организованная давка, думал Закревский.

Раз инфу сливают прессе, но очень осторожно и дозированно, готовят что-то громкое и такое, чтоб можно было помахать перед прессой и громко объявить о грязной медвежьей лапе, что дотянулась из петербуржских болот до сияющей Великой Америки. Дальше наверняка будет что-то про доблестных американских полицейских на службе великого американского народа.

Кстати, о слугах народа.

— Ирландец? Друг мой, давай поинтересуемся

---

[6] Примечания: 6

Джуны из пиар-агентств — младшие сотрудники агентств по связям с общественностью (сленг).

у твоих друзей в синем, им сейчас никто не делал заманчивых предложений насчет завтрашнего дня?

Дэлиган недовольно побурчал, но вылез и отправился звонить. Вернулся через час, довольный.

— Сказали быть готовыми вмешаться в ситуацию, которая, постараюсь воспроизвести дословно, «может внезапно возникнуть в технических помещениях или в разгрузочной зоне отеля и представлять угрозу для жизни граждан и их имущества». Якобы что-то может быть завтра поутру.

Он повернулся всей своей немаленькой тушей к Закревскому.

— И сказали, что есть вероятность применения оружия.

— О как. И кто до них такую информацию довел?

— До тех, с кем я говорил, — непосредственное начальство. А вот начальству якобы звонили эти, — и Дэлиган ткнул пальцем в потолок машины. Ага, федералы, значит.

Интересно.

— Вот еще что. Сказали самим не лезть, если не прикажут. Мол, федеральное дело.

Закревский откинулся на спинку сиденья, задумался. Вроде бы невидящим взглядом скользил по вечернему потоку прохожих, что тек через площадь. Мелкие тощие девчонки в ультрамодных огромных ботинках на гигантских «платформах» — как они ноги-то в таких поднимают, а гляди ж, семенят с такой скоростью, что обгоняют местных бизнесменов. Точнее, жучков, что суетятся весь день, перебегая от одного бизнес-центра к другому. У них всегда назначена масса встреч, они двигаются со смертельно серьезными сосредоточенными лицами, жестко, как автоматы. На девчонок смотрят как на помеху движению.

На них похожи менеджеры компаний, которые снимают офисы в бизнес-центрах, окружающих площадь. Эти похожи на бизнес-жучков, тоже все как один в синих костюмах, белых рубашках и красных галстуках. Либо синих в тон костюму. И непременно с мягкой кожаной сумкой в правой руке.

Они сейчас и составляли основной поток.

А утром?

Поутру поток будет другим. Он выплеснется с остановок автобусов и станции подземки, растечется ручейками, которые исчезнут в дверях с надписями «Staff only». И состоять он будет из

совсем других людей.

Но еще раньше будет отдельный ручеек — грузовиков и фургонов. Они зарулят на подземные парковки и в зоны выгрузки, привезут продукты и туалетную бумагу, освежители воздуха и моющие средства. Словом, расходники для огромных механизмов, которыми и были все эти бизнес-центры и отели.

Механизмами для добывания денег.

Механизмы…

Сознание уцепилось за это слово, Закревский выпрямился на сиденье.

— Шон, поехали к тебе в офис. Собирай своих.

В офисе русский потребовал ужин, они сели в кабинете Дэлигана, где, не отрываясь от еды, Закревский и провел инструктаж.

После чего отправился в город, где встретился с нанятыми Дэлиганом подрядчиками, а уже совсем под вечер заглянул в паб, облюбованный местной полицией.

Где пошептался со своими контактами.

Дело было привычное, собственную безопасность тут не жаловали и стукачей знали, так что можно было говорить спокойно.

Тем более что почти ничего противозаконного странный русский не предлагал.

Закончив, Закревский добрался до кровати, поставил будильник на 4 утра и выключился.

ПРУЖИНА 8. ВОДИТЕЛЬ ЧИКАГО. УТРО

Хуц-Ги-Сати гнал всю ночь.

Поглядывал на оберег-медведя, что раскачивался теперь, прицепленный к зеркалу заднего вида, напевал под нос, внимательно следил за дорогой.

Шикопи сказал, что груз для своих, значит, надо доставить вовремя. Значит, едем аккуратно, чтоб копы не тормознули.

Индеец коснулся пальцами деревянной фигурки.

Кусок дерева он увидел в углу ангара — как он туда попал, никто толком сказать не смог, так что он начал его потихоньку резать своим ножом, вспоминая то, чему учился у отца.

Получилось вполне прилично, удалось даже передать эти чисто тлинкитские плавные линии, которые делали маленькую фигурку живой. Выкрасил ее тоже в традиционные цвета — черный, красный и белый.

Мир вокруг начинал светлеть, и впервые за долгое время индеец почувствовал, что рад новому дню. Словно шептал кто-то внутри, что теперь все хорошо будет, что его ждут верные соратники

и нужное дело.

А там — и жизнь наладится, и с Машкой он помирится, она снова станет такой, как раньше.

Вон и площадь рядом, сейчас надо налево, к зоне разгрузки.

На тротуарах редкие прохожие — ну да, стафф, который в отеле и центрах работает, уже прошел, а офисные вот-вот пойдут, но пока только самые ранние спешат.

Он непроизвольно повернул голову — показалось, что у одного из подъездов стоит Человек Без Лица.

Тот — из другого мира.

Тьфу ты, нервы ни к черту, надо ж такому померещиться.

Он аккуратно повернул, дождался, когда поднимется шлагбаум, и съехал вниз на подземную парковку.

Придвинул к себе сумку, чтоб сразу отдать, когда за ней придут, и огляделся по сторонам: ну где они там?

Со стороны лифтов появились люди.

В костюмах.

При галстуках.

Хуц-Ги-Сати насторожился.

Легавых — любых легавых — он нюхом чуял.

И сейчас мигом понял: по его душу идут.

Тоскливо заныло под ложечкой. Шикопи, конечно, уверял, что все законно, но если захотят докопаться… Тем более он баззи. К тому же русский.

Костюмы неторопливо шли к фургону, уверенные в том, что добыча никуда не денется. Один рукой показал, мол, сиди, не дергайся.

Сейчас подойдут, предупредят, чтобы не пытался выйти из машины без команды, попросят положить руки на руль и очень медленно, одной левой рукой достать документы на машину и груз.

И конечно же, попросят открыть сумку, на которую у него нет документов.

Конечно, можно сказать, что это его сумка, но…

Заканчивай нести херню, сказал противный внутренний голосок, который всегда говорил правду. Тебя сдали.

Кто-то заложил и тебя, и парней Керука.

И его самого.

А значит это, продолжал ехидничать голос, что груз у тебя ни хера не легальный.

Хуц-Ги-Сати облизнул губы и положил руки на руль.

Очень медленно, так, чтобы федералы это видели. Он уже слышал гулкое эхо их шагов. И металлический лязг.

Боги, неужто у кого-то из них ботинки с подковками? Эти дебильные ковбойские сапоги?

Нога медленно нащупала педаль газа.

Резко вдавить педаль, одновременно резко вывернуть руль. Фургон прыгнет вперед, его резко занесет. Заднюю передачу, снова газ и, так же резко, вперед.

Впереди колонна, будет выворачивать, может влепиться прямо в нее — рассудок отдельно от остального его существа хладнокровно оценивал последствия каждого действия.

Губы пересохли.

Вой сирен взорвал парковку.

Словно светошумовая граната сработала.

Как тогда в учебке.

В какой учебке, так-перетак, он же не служил в армии!

Толкая перед собой упругую волну воя, по проходу несся бело-голубой «крейсер» городской полиции.

Ох, ни хрена себе — по параллельному проходу с другой стороны мчался второй.

Двери крейсеров распахиваются, из них лезут

огромные грузные мужики в синей форме и со здоровенными дробовиками — «Ремингтон 870», машинально отметил индеец, — которые они тут же навели на федералов.

А из служебных входов появились еще двое — эти в штатском, с «Глоками» в руках и значками полиции Чикаго, подвешенными на широких лентах.

И, разумеется, они непрерывно орали.

— Руки! Руки поднять! Растопырили пальцы, уроды! Дернешься — завалю!

— Он вооружен! — заорал один из копов, ствол его дробовика подался чуть вниз. Поправку на отдачу, значит, делает.

Индеец наблюдал за происходящим с отстраненным спокойствием, удивившим его самого.

— Федеральное бюро расследований! Удостоверение в кармане, дегенераты! — орали в ответ федералы.

— Угроза офицеру полиции!

Крик и лязг оружия нарастали.

Задняя дверь «крейсера» слева тихо открылась, и из нее выбрался человек в мундире с нашивками лейтенанта. Быстрым шагом подошел к фургону, рукой показал — открой дверь.

Хуц-Ги-Сати разблокировал замок.

Лейтенант забрался на пассажирское сиденье, бесшумно закрыл дверь.

— Выезжайте. Быстро.

Индеец глянул на него с удивлением, но подчинился немедленно.

— Эй! Что он творит! Остановить его немедленно! — орали позади федералы.

— Неподчинение офицеру полиции! — восторженно заорали копы. Хуц-Ги-Сати увидел в боковое зеркало, как один из копов въехал прикладом «Ремингтона» федералу в брюхо и толкнул на капот патрульной машины.

ПРУЖИНА 9. КОНСУЛЬТАНТ ЧИКАГО. НЕСКОЛЬКИМИ МИНУТАМИ РАНЕЕ

Закревский сидел в патрульной машине и барабанил пальцами по боковому стеклу. Копы время от времени неодобрительно косились на него, но молчали.

В конце концов, он заказчик, заплатил хорошо, пообещал еще и веселье с федералами по полной программе, так что пусть развлекается.

А Закревский нервничал.

Осознавал это, потому держал нервы под контролем, но — черт подери, по всем расчетам, «посылка» уже должна быть внутри или на самом подходе.

Вчера они долго судили-рядили с Дэлиганом, Закревский поднимал свои контакты, Ирландец тряс местных, но ничего более определенного, кроме того, что какая-то хрень произойдет в самом отеле, вызнать не удалось.

На светофоре перед площадью встал фургон.

Обычный обшарпанный фургон доставки. Кажется, он его уже разок видел, фургон заезжал тогда в зону разгрузки отеля.

Лица водителя толком не рассмотреть, на зеркальце болтается какая-то фигурка.

Индейский медведь, кажется.

Такие колоши на Аляске режут.

Колоши?!

Аляска?!

— За ним! Живо! Врубай сирены, никого к фургону не подпускать!

ПРУЖИНА 10. ВОДИТЕЛЬ ЧИКАГО. УТРО-ДЕНЬ

— Налево. Теперь направо. Держись спокойно, уверенно, — откинувшись на сиденье, командовал лейтенант. Они стремительно пронеслись через площадь. Из палатки выскочил бомж — смотрел вслед и что-то говорил. В рацию говорил!

А из пикапа, что стоял наискосок, вылетели два негра и понеслись наперерез фургону, наставляя

на него стволы!

Твою м-мать!

Странный лейтенант высунулся из окна так, чтоб была видна форма, погрозил неграм кулаком.

А Хуц-Ги-Сати поддал газу.

И покосился на пассажира. Среднего вроде роста, черты лица правильные, но какие-то незапоминающиеся.

Глаза?

Да черт его знает, не до того было, чтоб запоминать.

Спокойный до невозможности.

Странный, в общем, лейтенант.

— Здесь направо и вон в те ворота, видишь, открывают, — показал лейтенант.

Хуц-Ги-Сати увидел. И это ему очень не понравилось.

Стальное полотнище откатывалось вбок, уходя в стену здания, которым заканчивался неприметный проулок.

Индеец незаметно сунул руку в карман, нащупал отвертку. За нож пока решил не браться.

— Не дури, парень, не надо, — сказал, не отводя взгляда от ворот, лейтенант.

На чистом русском языке сказал.

Хуц-Ги-Сати рот открыл.

Закрыл.

И заехал в ворота.

Лейтенант вышел первым.

— Шон, давай, — крутанул он рукой над головой.

К фургону сноровисто подскочили мужики в спецовках.

Открыли задний борт, выгрузили ящики.

Лейтенант протянул руку, ему дали фомку. Он ловко поддел крышку, скинул в сторону, присел.

И выматерился так, как Хуц-Ги-Сати еще ни от кого не слышал.

— Иди сюда, — кивнул он индейцу, — гляди.

В ящике лежали три металлических цилиндра. На каждом желтый круг с тремя черными «лепестками». И надписью на русском — «Радиоактивный материал».

Хуц-Ги-Сати повторил все, что сказал «лейтенант». Который, понятное дело, никаким лейтенантом не был.

«Теперь меня точно убьют», — тоскливо подумал индеец.

А русский хлопнул его по плечу.

— Парень, ты вообще понимаешь, как тебе повезло, что тебя перехватили именно мы?

— Ага. Обоссусь сейчас от радости. — У индейца аж плечи бессильно опустились. Попробовать достать нож?

Сзади вежливо кашлянули.

Индеец глянул через плечо.

Там стоял, сложив руки на груди, коренастый мужик с перебитым носом.

В кепке, какие очень любили в том, старом мире таскать ирландские гопники. Стоял и смотрел.

Хуц-Ги-Сати опустил руку.

— Выдыхай. Хотели бы — уже завалили, — не отводя взгляда от цилиндров, сказал русский. Ну да, русский, кто ж еще, сообразил наконец индеец. И он знает, что я тоже по-русски понимаю.

— Откуда знаете, что я по-русски понимаю? — хмуро спросил он зачем-то.

Мужик ткнул пальцем в фургон.

— Медведь. Колошанский. С Аляски ты, паря, да?

— Да.

Русский поднялся, заговорил. Теперь на чистом английском.

— Значит, так, Ирландец, — обратился он к мужику в кепке, — перегружай эту дрянь, и чтоб она пропала, как не было. Посмотрите еще раз в фургоне, могли что-то в нагрузку нашему почта-

льону сунуть.

— Сумку мне дали. Там листовки к сегодняшней акции, — вздохнул индеец, — подставил нас кто-то…

Что теперь делать, думал он, и на душе становилось все гаже. Подставили, это раз.

Груз он не доставил, это два.

Что с фургоном будет…

Твою мать…

Машка…

Как жить-то теперь будем?

Ящики уже исчезли. Он и не заметил.

Русский отошел в сторону и о чем-то тихо беседовал с ирландцем. Почувствовал взгляд Хуц-Ги-Сати, глянул на него.

— Иди сюда. В общем, пока ты живой. Для тебя это хорошо. Для всех остальных участников этой комбинации, пожалуй, не очень. Прятать тебя я не могу. Нельзя, чтоб нас с тобой связали, — он поморщился, будто мысль эта ему не нравилась. И продолжил: — Словом, вот твои бумаги, тут Ирландец какую-то закорюку изобразил. На твоем месте я бы сразу дернул в бега. Лучше всего обратно в Россию, на тебе же там ничего нет?

— Не-а, ничего, — помотал головой индеец, — только не могу я сразу дергать. Жена у меня.

В первый раз он сказал это вслух.

И сам понял — правду сказал. Что бы там между ними ни было, а жена она ему. Без нее — никуда.

— Увидеть ее хочешь?

— Хочу.

— Тогда отвечай на вопросы быстро и честно.

Индеец выложил все. И как ему груз передали, и для кого он на самом деле. И как с Керуком познакомился.

Как на собрания ходил.

И чем дальше говорил, тем гаже было на душе.

Потому что русский смотрел на него с сочувствием и жалостью. Как на слабоумного.

Наконец Закревский закончил.

— Так. Теперь ноги в руки. Прыгай в фургон и гони. Приедешь, делай морду кирпичом и дуй за женой. В бога веришь — молись, чтоб им не до тебя сейчас было. Есть шанс, что они будут заняты и не сразу решат тебя грохнуть.

Обнадежил, нечего сказать, думал Хуц-Ги-Сати, выруливая из ангара.

Закревский задумчиво смотрел ему вслед.

Дэлиган подошел, встал рядом.

— Я бы все же завалил, — с сожалением сказал он.

— Не завалил бы, Шон, не завалил, — вздохнул

Закревский, — хотя решение, конечно, разумное. Но, во-первых, пусть живет, его явно втемную использовали. Не бери лишний грех на душу. Во-вторых, пусть подергаются, подумают, почему парень жив. «Ост-инды» бы его точно ликвидировали. А поскольку судят по себе, то будут думать, что у нас есть какая-то хитрая комбинация. И попробуют что-то из парня вытрясти. А это дает нам дополнительную степень свободы.

Хотя, подумал Закревский, нужна ли она нам особо? Операция-то явно была рассчитана на быстрый эффект.

А его нет.

ПРУЖИНА 11. ЧИКАГО, УТРО — ДЕНЬ. СУЕТА НА ТОЙ СТОРОНЕ

Человек в тяжелых рабочих ботинках и потертых джинсах сидел в маленькой комнате без окон. Смотрел на старый пластмассовый телефон. Исцарапанный, с белыми кнопками, которые нажимали так часто, что цифры напрочь стерлись.

Впрочем, все, у кого был доступ к этому телефону, расположение клавиш помнили наизусть.

Сейчас человек в рабочих ботинках ждал звонка. Широкие мощные ладони с длинными пальцами спокойно лежали на пластиковой столешнице.

Он давно уже перестал нервничать по любому поводу. Знал, что это бесполезно. Но легкую досаду ощущал. Похоже, парни выбивались из графика. Еще не критично, но уже так, что это заслуживало отдельного разговора после завершения операции.

Телефон задребезжал.

Человек снял трубку.

— Слушаю вас внимательно.

Кодовая фраза означала, что у него все в порядке, он не под контролем, линия чиста. Конечно, чиста, вон едва заметный белый огонек горит чуть ниже блока кнопок набора.

Выслушал доклад молча.

— Хорошо. Шоу-программу ведите по расписанию, журналистов переключайте на эко-боевиков, через тридцать минут запускайте их активность. Обеспечьте им картинку.

И в сердцах добавил:

— Надеюсь, хоть это у вас получится.

Положил трубку и уставился в стену.

Его переиграли, это понятно. Фургон перехватили, сделали это красиво. Сработали профи. Интересно, чьи. Бразильцы, русские? Это потом, сейчас надо решить, какие нитки обрезать в первую очередь.

Парня видели в фургоне. Рядом человек в форме лейтенанта полиции. Понятно, что никакой это не лейтенант.

Значит, груз у них. Светить его не будут, а вот узнать у водителя, чей груз, они вполне могут. Ну и накладные, ясное дело, скопируют.

А потом могут начать колоть парня, с кем он контачил да что ему обещали и так далее.

Я бы так и сделал.

Дальше — варианты.

Могут и отпустить, чтоб самим не заниматься ликвидацией. О них-то парень толком ничего не скажет, да и невыгодно ему светиться.

А вот обо мне и AIM может. И скорее всего уже сказал.

Доказать, конечно, никто ничего не сможет, но если решат устроить показательное выступление, то могут скормить парня федералам. Повод?

Найдут.

М-да… А жаль, парнишка был перспективным. Была в нем какая-то интересная смесь наивности, храбрости и идеализма. При этом в быту он был весьма практичным. Словом, отличный потенциальный исполнитель пропал.

Человек набрал длинный номер.

— Да. Это я. Надо заняться водителем. Нет.

Холодное блюдо. Да. Его показания не должны принять во внимание. Безусловно, даже холодным. Подумайте, как это обеспечить.

Он положил трубку, посидел.

Он знал, какие ходили о нем слухи в департаменте. Якобы он чуть ли не кончал, продумывая ликвидацию отработанного материала.

Ничего подобного. Никакого удовольствия он не испытывал. Просто умел просчитывать варианты.

И хорошо понимал, что такой свидетель, как этот русский бедолага, так кстати оказавшийся еще и индейцем, даже после смерти может быть опасен. Если не принять необходимые меры.

Так, теперь надо подготовить зал к окончанию акции, подумать, какие слова поддержки и одобрения сказать своим братьям и сестрам, что ведут борьбу за свободу и процветание родной земли.

Управляющий ночным клубом, которого Хуц-Ги-Сати сразу узнал бы, положил трубку, подумал и рявкнул:

— Диего! Диего, иди сюда!

В кабинет вошел необъятный латинос в цве-

тастой рубахе. Кольт размером с корабельное орудие главного калибра рубаха скрыть не могла.

Да здоровяк и не пытался.

— Диего, приволоки мне тех утырков, дружка которых завалил тот водила. У меня есть для них хорошие новости и работенка.

Диего молча кивнул и ушел.

ПРУЖИНА 12. НОВОЕ УТРО. ИЗМЕНЕНИЯ РАКУРСА

Хуц-Ги-Сати гнал, скрипел зубами, притормаживая там, где могли сторожить дорожные патрули, глядел на все 360 градусов — не хватало влипнуть в идиотскую разборку с полицией сейчас.

На месте был прямо к открытию гаража.

Перед воротами гаража остановился, выдохнул. Зачем-то еще раз коснулся ножа на шнуре под футболкой. Конечно, до настоящего боевого ножа тлинкитов ему далеко, просто довольно грубо выточенная из рессорной стали заготовка с рукоятью между двумя остриями, но хоть что-то.

Менеджер посмотрел на него странно.

Индеец выдержал его взгляд, молча протянул накладную.

— Эта… проблем никаких не было? — промям-

лил менеджер.

— Никаких. Все строго по графику, сами посмотрите отметки о приеме груза.

— Ну да, точно.

— Тогда пошел я отсыпаться. На завтра есть что?

— Ты иди, иди. Пока нет.

Менеджер дождался, когда за этим ненормальным закроется дверь, и рысцой рванул в свой офис. Тыча пальцем, не попадая с первого раза, набрал номер, который ему настрого приказали запомнить наизусть. Как тут не запомнишь, когда перед одним твоим глазом «котлета» зелени, перед другим — острие ножа. Очень неприятного на вид.

А держит и то, и другое еще более неприятный на вид человек.

— Он вернулся. Да, только что из бокса вышел. Сказал, спать пойдет.

Положил трубку, посмотрел на нее, как на гадюку, дернул кадыком.

То же утро, рядом с квартирой Хуц-Ги-Сати

Маша устала.

Ночь оказалась суматошная, нормальных заказов на полный приват всего два. Остальное — подай, принеси, по-быстрому поработай рукой, один раз ртом. С резинкой, ясное дело. Если без резинки, платили больше, но она такие заказы не брала. Что она, конченая?

О здоровье-то думать надо.

И Зеркальный тоже об этом говорил. Мол, такими делами, моя маленькая Муэртэ, занимаются только те, кто совсем потерял мозги. Джанки таким занимаются, но у них уже совсем нет соображения. А ты же не такая?

И в глаза заглядывал.

Не успела войти, как в дверь постучали.

Она удивилась, посмотрела в глазок.

Надо же, Зеркальный. Откуда он узнал адрес?

Он ее несколько раз привозил домой, но она ему вроде не говорила, где живет?

«Или говорила. Не помню…» — помотала она головой.

— Здравствуй, чикита, — поводил он своей остренькой мордочкой, — пригласи меня к себе.

Она стояла, смотрела на него бессмысленным взглядом, в голове медленно ворочались тяжелые мысли.

— Мой парень скоро приедет. Наверное.

А когда он на самом деле приедет-то? Не помнила.

Он говорил?

Или нет?

Зеркальный уже прошел в комнату. Потянул ее к себе.

— Чикита, я проезжал мимо и решил посмотреть, как ты живешь. Как ты себя чувствуешь?

Он притянул ее к себе, зачем-то оттянул веко. Потом резко щелкнул пальцами перед глазами.

Она вздрогнула.

— Моя маленькая Муэртэ, сколько таблеток в день ты принимаешь? Скажи мне, только честно.

Ее страшно пугало, когда он говорил вот так, тихо, очень спокойно, даже ласково.

— Четыре. Да. Четыре. — Так тяжело считать в голове, когда даже пальцы нельзя загибать.

— Ты же не врешь мне, моя чикита? — Он нежно погладил ее по щеке и мягко толкнул на диван. Встал перед ней и развязал шнурок своих широких штанов. — Докажи мне, что ты говоришь правду. Доставь мне такое удовольствие, чтобы я сразу тебе поверил.

Она молча притянула его к себе и послушно открыла рот.

Паоло поднимался первым.

В руке кольт — он его оставил себе как напоминание о Хесусе, братане Хесусе, которого застрелил тот ублюдок.

Которого ему запретили трогать.

Оказалось, до поры. Теперь они с ним посчитаются. Правда, Бланко сказал бабу не трогать. Все обставить так, что типа этот ублюдок ее завалил. Так что придется на месте решать, как там это обставить.

Диего, правда, сразу предложил ее задушить, ну, типа, в припадке страсти.

И долго ныл, почему ее нельзя трахнуть.

Ну, с резинкой же, никаких этих ДНК и прочей хрени.

Пришлось его прижать и объяснить, приставив ствол к тупой башке.

Зато сейчас он крался тихо, как мышка. И водил стволом «Ругера», дергаясь от каждого шороха.

Дверь в нужную квартиру оказалась приоткрытой.

Паоло приложил палец к губам, встал сбоку от двери — такое видел в сериалах. «Пинкертоны» всегда так делали. Показал Диего на дверь, мол, тяни потихоньку и заходи.

Парень потянул ручку, шагнул внутрь, вскидывая револьвер.

Зеркальный каким-то звериным чутьем почувствовал, как открывается дверь.

Рука сама дернулась к пистолету.

Который остался в кармане штанов.

Лежавших на полу, обвиваясь вокруг его ног.

Он попытался оттолкнуть девчонку, которая крепко держала его за задницу и делом доказывала, что говорит правду.

Он бы успел. Точно успел. Он всегда был очень быстрым.

Но девка была тупой от таблеток и старательной.

Поэтому он не успел.

Диего хотел заржать.

В крохотной комнатке перед диваном со спущенными штанами стоял жилистый парень.

В зеркальных очках.

Парня держала за задницу девчонка и механически, закрыв глаза, работала ртом.

У Диего аж встал.

В этот момент парень в очках дернулся.

Диего выстрелил.

Маша работала, закрыв глаза. Так было проще, просто двигаешь головой, и все. В голове ничего. Она привыкла не думать.

Это же ее тело, она сама решает, каким ему быть и что делать.

Зеркальный вдруг дернулся, она подумала, что он уже готов, и сильнее потянула его на себя, но он почему-то дернулся снова, толкнул ее.

Она откинулась на спинку дивана, удивленно открывая глаза.

Что-то странно хлопнуло, Зеркальный дернулся еще раз, и из его головы вылетели красные капли. Он обмяк и упал на нее, вжимая в диван.

Кто-то тут же сдернул тело — на нее смотрели безумно веселые глаза.

Незнакомые.

Кто вы, хотела она спросить, но не успела.

Душили по очереди. Надо было, конечно, сразу,

но они решили, что ничего страшного не случится, если они хоть так повеселятся.

Ждать-то просто так скучно.

Вот и развлекались как могли.

Чуть не пропустили индейца. Он уже открыл дверь и вошел, когда Паоло развернулся и навел на него ствол.

— Давай кончай ее, — не отводя взгляда от Хуц-Ги-Сати, скомандовал он.

— Мля, да она уже кончилась. Прикинь, мы и не заметили, — заржал Диего. И кивнул на индейца: — Ну, чо с ним делать будем?

— Эй, ты, сюда иди. И лапы в гору. Дернешься — завалим сразу.

Хуц-Ги-Сати подумал, что ему должно быть очень страшно.

Но страшно не было. Он не чувствовал вообще ничего. Увидел бессильно свисающую с дивана Машину ногу в порванном на пятке чулке и закаменел. Все думал только — чулки у нее откуда? Никогда вроде не носила. А тут на` тебе — чулки. Тогда почему рваные?

Его ударили под колено.

Тот, что повыше, схватил за куртку и потащил к дивану. В затылок уперся ствол.

— Так чо, как валить его будем? — это тот, что повыше.

«Где я его видел?»

Твою ж налево, это те из ночного клуба, что хотели его тогда стопануть.

— Бланко, сказали изобразить, типа он бабу завалил. А она его.

Хуц-Ги-Сати прямо-таки слышал, как скрипят мозги у этих сучьих недоносков. Ну, давай же, соображай, мудила…

Индеец незаметно сунул руку под футболку, которую носил навыпуск, и нащупал рукоять ножа.

— Ну, это, типа тогда в него спереди надо шмалять, в грудину, — это мелкий говорит.

— А типа это — пусть его тот завалит. Которого ты вальнул. Из его пушки.

— Точно! Тока, эта, все равно с расстояния надо. А то не похоже будет.

Послышался шорох, мелкий придурок искал что-то за диваном. Индеец уже ни черта не понимал — откуда какой-то мертвяк, но это было неважно.

Важно было то, что сволочь, которая пристави-

ла ствол к его башке, будет вынуждена этот ствол хоть на миг отодвинуть.

Новый тычок в затылок.

— Э, выпрямился, харю показал, живо!

Хуц-Ги-Сати скорчился и зарыдал. Он давился рыданиями и выл, стоя на коленях, спрятав руки, зарывшись лицом в колени.

— Встал, сука!

Индеец начал робко разгибаться, увидел перед собой тонкие кожаные туфли, начищенные так, что отражение было видно.

Не разгибаясь, рванул нож и, не вынимая из матерчатых ножен, вогнал нижнее, более короткое, лезвие в ступню Паоло. Парень заорал и выстрелил, целя в голову.

Только индейца там уже не было. Он ужом, не вставая, скользнул в сторону и воткнул верхнее лезвие в бедро латиноса. Дернул на себя, наискосок, перерезая артерию.

Услышал испуганный вопль, выстрел — пуля вошла в дешевый линолеум.

Упал на пол и пнул обеими ногами верещащего Паоло в ту сторону, откуда стреляли. Перекатился — и увидел на полу пистолет латиноса. Подобрал и выпустил три пули в грудь Диего, который стоял у дивана над телом непонятного хмыря со

спущенными штанами.

Диего отбросило на стену.

Хуц-Ги-Сати встал.

Ноги тряслись, но не сильно.

Второй ублюдок еще подергивался на полу, пытался зажать артерию. Индеец подошел, пинком откинул руки Паоло, открывая рану. Нагнулся, вложил ему в руку пистолет, сжал перемазанную кровью руку на рукоятке.

Посидел, дождался, когда парень перестанет подрагивать.

Тупо оглядел комнату.

Подошел к Маше.

Посмотрел в глаза.

Всхлипнул.

Пошел в ванну, отмыл руки, ополоснул лицо.

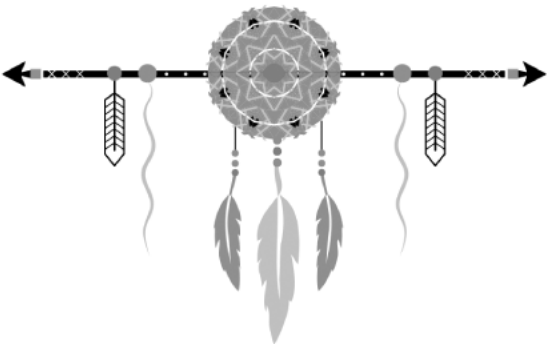
Перерыл квартиру, нашел в Машиной сумочке несколько банкнот.

И пузырек с таблетками. Со злости запустил его в стену.

Захватил теплую куртку и вышел из комнаты.

Когда сворачивал за угол дома, где-то поблизости уже выли сирены.

Эпизод 19. Пружина разжимается



ИНДЕЕЦ

Все, что происходило с ним после того, как он вышел из подъезда, Хуц-Ги-Сати видел словно со стороны. Он шел мимо серых приземистых коробок, поправлял на плече рюкзак, куда сунул куртку, носки да спальник, который был у него еще с того, аляскинского времени.

Паспорт баззи тоже решил пока не выкидывать, хотя, если накроют с ним, он точно окажется за решеткой.

Но больше он боялся, что его будут искать друж-

ки тех двоих, которых он положил в квартире.

О Маше он просто запретил себе думать.

Очень хотелось нажраться в слюни. Бабла хватило бы не на один раз. Если, конечно, пить умеючи и там, где тебя не обчистят. И на перо не поднимут.

Но он сунул деньги поглубже под рубаху, во внутренний кармашек джинсов — его он по старой привычке еще из старого мира соорудил, — и шел ровным шагом.

Куда — сам не очень понимал, но к вечеру обнаружил, что идет в сторону границы.

К Аляске.

До которой, конечно, пешком добираться черт-те сколько. И наверняка его стопанет или дорожный «крейсер», или, что быстрее, «соседский патруль» на окраине первого же небольшого городка. Просто потому, что он чужак.

Купить билет на междугородний автобус — тоже не вариант, поскольку сделать это можно было только карточкой или через планшет. То есть предъявить удостоверение личности, что так, что этак.

Заночевал он в развалинах не то фермы, не то маленького частного заводика. Не заводика даже, мастерской, в которой кто-то когда-то поставил

пару станков.

А утром услышал, как поблизости остановилась машина. Хлопнула дверца, зажурчала тугая струя, и невидимый зассанец блаженно выдохнул.

Индеец решил, что хуже, может, и будет, но вряд ли — по звуку не «крейсер», да и не стали бы копы сюда сворачивать.

На покрытой уже желтеющей травой поляне перед развалинами стоял расписанный драконами, вигвамами и летающими тарелками фургончик, а на заросшие травой кирпичи, закрыв от наслаждения глаза, мочился высокий тощий мужик в жилетке на голое тело, застиранной фиолетовой бандане и серых линялых джинсах.

Мужик открыл глаза, поморгал, неторопливо закончил свое важное дело и спросил индейца:

— Есть хочешь?

Они тряслись уже четвертый час.

Хуц-Ги-Сати лежал на крохотной откидной койке и слушал Джека Такера Рогана Третьего, как торжественно назвал себя владелец фургона.

Вроде наглухо сумасшедший, но чувствовалась в этом сумасшествии железобетонная логика.

Сам Джек был опрятен, при деньгах — строго наличке, а фургончик его ухожен, заправлен и на ходу.

Большего Джеку и не требовалось.

Он колесил по стране, останавливался в маленьких городках и шел в местную библиотеку. Договаривался о лекции и вещал местному люду о теневом правительстве, глубинном государстве, транснациональных корпорациях, захваченных некими «серыми», и Черных Учителях, чья задача — подчинить себе человечество и использовать для передачи ментальных лучей смерти в созвездие Альдебаран.

После событий последних дней индеец был склонен поверить почти во все, что говорил Джек.

Кроме Альдебарана.

В историю Хуц-Ги-Сати о том, что его преследуют люди в черных костюмах, Джек поверил сразу. И сам, почему-то шепотом, предложил подкинуть ближе к границе.

— Перебирайся за речку. Только тс-с… — почему-то шептал он. — Тебе точно туда!

Про мир «за речкой» он тоже болтал без умолку. В целом, кстати, тамошние порядки одобрял, но никак не мог простить русскому царю то, что он

скрывает правду о взрыве над Тунгуской.

«Да ты пойми, у них там в Казахстане целый ангар есть, а в нем тела инопланетных астронавтов! И аппарат! Взрыв был от торможения, это ударная волна их торсионных двигателей». — Рогану было неважно, слушает его индеец или нет. Хуц-Ги-Сати старался делать вид, что слушает, но перед глазами все качалась желтая мертвая пятка в рваном чулке. Он пытался вспомнить лицо Маши, когда та была живая. Что-то хорошее, что было у них вместе, — и не мог.

Потом вспомнил, как они лежали в кабине «Медведя», тогда, в первый раз. Как она первой вошла в домик, который они сняли там, на Аляске, и он шутил, что первой надо кошку пустить — вроде так эти странные русские говорят. А она смеялась.

Завыть хотелось так, что он прикусил ладонь.

Джек что-то почувствовал, замолчал и включил музыку погромче. У него магнитофон был — со своими дисками, чтоб не платить за эфир, это он сразу с гордостью сказал.

Индеец пытался вспомнить, как оно было, когда они катили от границы и ждали, что сейчас-то начнется настоящая жизнь.

Фургончик остановился.

— Дальше не поеду. Они облучают вдоль границы, снимают пси-матрицу и вносят в свою базу. Я уже у них на прицеле, мне нельзя дальше.

На том и разошлись.

В кустах сидел до ночи.

По дороге проезжали редкие машины, мелькнул «крейсер» дорожной полиции, и индеец дернулся.

Берег с американской стороны был крутой, контрольно-следовая полоса заросла травой, и в целом видно было, что всем тут на все наплевать. На другой стороне, ниже по течению, индеец присмотрел мысочек, к которому можно будет привалиться, если, конечно, он переплывет реку.

Вдалеке хлопнула дверца автомобиля, раздались отрывистые команды. Он не стал разбираться, что и зачем и имеют ли они к нему отношение.

Нервы уже лопались.

Рыбкой нырнул в реку.

Вода была холодная, уже по-осеннему стылая, несла какую-то дрянь, и, выныривая, Хуц-Ги-Сати получил чем-то по башке.

Заперхал, пошел вниз, уцепился за это что-то, оказалось, бревно. Уже в темноте добрался до

русского берега.

Что было дальше, помнил совсем плохо.

Как ему удалось разминуться с патрулем — и сам не понял. Собака зарычала даже, но к нему не пошла. А он лежал, молился предкам, вспоминал Машу, «Медведя» и плакал.

На станции удалось забраться в вагон, где, кажется, перед этим везли коров. Во всяком случае, убойный запах стоял как в коровнике, зато было сено.

Ему было все равно, куда ехать.

Трясло и хотелось спать.

Очнулся на какой-то крохотной станции и выпал из вагона.

Побрел куда глаза глядят.

У дома на окраине подслеповато глядела из-под руки бабка.

В платке, как все эти русские ходят.

— Бабушка, мне бы только… — а дальше и не помнил уже.

На кой хрен бабка Егоровна его выходила и почему не сдала в околоток, она, наверное, и сама сказать не могла.

Спросил — только рукой махнула.

— Да дура старая. В молодости, внучок, был у меня… милок. Из колошей тоже. Статный

такой… — И она промокнула уголком платка прозрачную старческую слезу.

Оказалось, провалялся он неделю.

— Тряпки твои я сожгла, уж больно от них воняло. Вон, от внучка осталось. Сгинул внучок-то. В море, значит, ходил, да не вернулся, — совсем спокойно, как о деле естественном, рассказала Егоровна.

— Я, бабуль… Я, как обустроюсь… — Он сидел дурак дураком, держал в руках брезентовые штаны и не знал, что еще сказать.

До Ситки он добрался на перекладных.

А там на катере. В родной городок-то.

Егоровна, добрая душа, дала целых сто рублей, он их понемногу и потратил. Шел вдоль дороги, тормозил дальнобоев. Мужики все были неразговорчивые, резкие, монтировки, а то и биты на видном месте находились.

Но подвозить соглашались.

Своего, что ль, чувствовали?

Когда, в сумерках тоже, увидел свет в окнах трактира «Три сосны», ноги ослабли. Ну и есть очень хотелось.

Он толкнул дверь.

Прошел сразу к стойке, не обращая внимания на окружающих.

— Борис Макарыч, здравствуй, — хрипло поздоровался он с трактирщиком, который по какому-то случаю самолично встал за стойку, — отпусти мне в кредит, пожалуйста. Все отдам.

— Сколько тебя не было-то? Год? Баяли, ты к янкесам подался? — подозрительно спросил трактирщик. И отрезал: — Наливать не буду, по сей день помню, как ты мне тут чуть заведение не разнес.

— Мне б поесть. Просто рыбки твоей. Знатная у тебя рыбка. — Хуц-Ги-Сати слабо улыбнулся.

— Вот рыбка — это хорошо, — улыбнулся трактирщик, — это я тебе поверю. Иди, Дим, в уголок сядь, принесу.

Трактирщик не задавал вопросов, но взгляд бросил цепкий, заинтересованный. Настучит Брязгину? Ну и пусть.

Евграфыч мужик правильный… Да и надоело бегать, сил нет.

Он сидел, откинувшись на бревенчатую стену, без документов, без копейки в кармане, слушал привычную речь и — выдыхал. Чувствовал, как спадает напряжение.

Слов не слушал, просто привычный спокойный гул помещения, в котором собрались люди, которые друг друга знают и друг другу доверяют.

Он улыбнулся — ну, пока кто-то из них не вольет в себя лишку. Тогда… могут быть варианты.

— На, ешь. До конца недели чтоб расплатился, хозяин велел передать, — бойкая Стеша, как всегда, румяная и пахнущая сдобой, поставила перед ним тарелку и кружку. — Компот — за счет заведения.

Подмигнула и ушла.

А он принялся за еду.

Пюре… самое настоящее. И рыбка— свежайшая!

Это подарок добрых духов, не иначе!

Тихий гул перемежался взрывами смеха, вечер потихоньку катился к ночи. О том, что будет дальше, индеец не думал.

Не хотелось.

Гул изменился.

Стих.

Его прорезал непривычный не то рык, не то взвизгивающий лай, ему что-то отвечал испуганный женский голос.

Хуц-Ги-Сати обвел взглядом зал.

О, оказывается, за столиком в глубине зада

сидели туристы. Похоже, бритты. Ага, точно, они обожают эти дурацкие безрукавки с высоким воротом.

Чо их сюда занесло, удивился Хуц-Ги-Сати и сам себе ответил — осень же, красиво вокруг, едут на лес да море полюбоваться. Эти, правда, не то чтоб любовались.

Двое плечистых мужиков вскочили и тыкали пальцами в тарелки, которые принесла им Стеша. Один, видать, был боссом, второй, судя по тому, как он кланялся, когда босс начинал орать, подпевалой. Остальные сидели и барагозили на полтона ниже.

— Русский тупай, да-а? — переводил подпевала. — Девка тупай, да?

Из-за стойки уже спешил к гостям хозяин.

Босс заревел снова, раненным в жопу медведем, и толкнул трактирщика ладонью в грудь.

Вот тут Хуц-Ги-Сати стало обидно. И за Стешу, и за трактирщика. И за вкусную рыбу, которую ему не давали доесть спокойно.

Он широким шагом пересек зал и отодвинул трактирщика.

— Ты это что тут хамишь? — рявкнул он в морду босса. — Ты тут в России, не у себя дома!

Босс окончательно вызверился и попытался

отвесить ему пощечину.

Хуц-Ги-Сати увернулся и от души залепил ему боковой в ухо.

— Наших бьют! — восторженно заорали сзади.

Хуц-Ги-Сати сидел в клетке, смотрел в потолок, ждал рассвета.

Ощупывал зубы. Один немного шатался, но, если не считать распухших губ и боли в ребрах, обошлось. Да и ребра не особо сильно болели.

Махаться на трезвянку оказалось прикольно.

Правда, Горюнов с подмогой прибыл на удивление быстро, так что вломить бусурманам по-настоящему не успели.

Ну и ладно.

Что дальше-то будет, подумал индеец.

В этот момент и открыл дверь Брязгин.

Прошел к клетке, позвенел ключами.

Вошел, сел рядом.

Вздохнул.

— Умеешь ты выбирать, с кем драться-то, Дима.

Махнул рукой на Хуц-Ги-Сати, который уже рот открыл.

— Короче. Ориентировка на тебя пришла. Янкесы что-то такое запрашивают. Якобы допросить по причастности к убийству. Ну и незаконное пересечение границы, само собой, на тебе аж с двух сторон висит. Должен я тебя вроде как подготовить к конвоированию, да и отправить к ним. Понимаешь?

Хуц-Ги-Сати понимал, и от этого снова навалилась серая хмарь.

— Вот только позвонили мне несколько дней назад. И человек очень интересную историю мне рассказал. Об одном парне, которого втемную поимели, да и решили списать. Сказал, мол, если объявится, вы ему присоветуйте на месте не сидеть.

Брязгин помолчал.

Вздохнул.

— М-да… Интересный такой человек. О тебе много знал. И обо мне. Ценный, говорит, у вас мещанин Смирнов для империи кадр. Английский, говорит, в совершенстве знает…

Брязгин полез во внутренний карман кителя, достал вчетверо сложенный лист.

— Паспорта у тебя, дурака, нет. Полезешь сейчас выправлять, тут тебя и накроют. Так что вот тебе справка о том, что ты, мещанин Дмитрий

Христофорович Арефьев, паспорт свой потерял, положенный штраф за то уплатил и сейчас ждешь восстановления документов. Фамилию я тебе вписал матушкину девичью, чтоб легче запомнил. С этой справкой я тебе советую отсюда исчезнуть. А то, не ровен час, искать тебя будут. Уж не знаю, кто и почему, но мне в городе неприятности не нужны.

Хлопнул по плечу.

Встал.

— Понял?

Мещанин Арефьев понял.

Интересно, кто же это звонил, думал он, выходя с тощим рюкзаком из участка. Почему-то вспомнился тот мужик в форме лейтенанта, что вытащил его из отеля.

— Имя, возраст? — Сержант вербовочного пункта Русского экспедиционного корпуса не отрывал напряженного взгляда от клавиатуры. Готовился к очередному раунду борьбы с проклятой техникой.

— Арефьев Дмитрий Христофорович. Двадцать восемь лет.

— Профессия?

Хуц-Ги-Сати вздохнул, будто в холодный океан нырнуть собирался.

— Водитель я. Дальнобойщик.